

Катанов Василий Михайлович

Русская душа

Стихотворения

ЗАПЕВ

Жаворонки-жаворонки в небе,
Жаворонки-жаворонки в хлебе,
Жаворонки в молодой траве.
Слушаю и детство вспоминаю,
О большой любви к родному краю
Закипают строки в голове.
Видел я сиреневое море,
Белых чаек видел на просторе,
Слышал грохот горного ручья.
Но поет невидимая птица —
Никуда мне больше не летится...
С добрым утром, Родина моя!

РОДИНА

Рощами и селами
Хожу не нахожусь.
На цветы веселые
Гляжу — не нагляжусь.
Речка-серебринка
Шелестит волной.
Каждая травинка
Говорит со мной.
И приносит ветер
Мне привет с полей.
Лучше нет на свете
Родины моей.

ЖАР-ПТИЦА

Стали окна светиться,
Выхожу я во двор:
Над полями жар-птица
Зажигает костер.
Пышет алое пламя,
достаёт облака.

Золотыми волнами
Заиграла река.
В двери утро стучится,
Вся в лучах вышина...
Ну, а где же жар-птица?
Солнцем стала она.

ДОРОГА

Выше крыши, выше стога,
Как заря, светла,
Журавлиная дорога
В небе пролегла.
Журавли за морем были
В жаркой стороне,
А дорогу не забыли
В край родной ко мне.

ЯЩЕРИЦА

Ящерица вьется,
В руки не дается.
Ловко вьется меж камней —
Не угонишься за ней.
Так и вьется,
Так и льется
С бугорка на бугорок:
В руки людям не дается,
Как весенний ручеек.

АИСТ

Головой воды касаясь,
По болоту ходит аист,
Ищет свой обед:
Квакнет
Или нет?

ЖАВОРОНОК

Вьется крохотный комочек,
Не боится ничего.
В каждом перышке звоночек
Так в бьется у него.

ЛИСТЬЯ

Над рощей облако плывет,
Цветет в лучах рассвета.
И листья просятся в полет,
Да не пускает лето.

ЗЯБЛИКИ

Шумит боярышник, но зяблики
На землю с веток не слетят.
Они в гнезде, как на кораблике,
В каюте крохотной, сидят.
дрожит листва, гнездо качается —
Они плывут себе вперед,
Туда, где синий май кончается,
А лето красное цветет.

РАК

Дом у рака тесный дом.
Сам проходит в дом с трудом.
А гостей и не зовет,
Одинок он живет.
Сам с собою, сам с собою
Говорит, и ест, и пьет.

КАЧЕЛИ

Мы проснулись на заре,
Встали и запели:
Во дворе,
Во дворе
Выросли качели.
Мы садимся наш полет
Долго не кончается.
Дом плывет, сад плывет,
Вся земля качается.

ШОФЕР

Руль машины я кручу,
Жму на все педали.
Прикачу, куда хочу:
Здравствуйте! Не ждали?
Покачу по мостовой
Зашуршат шины.
Всех ребят бы взял с собой,
Да мала машина.

В САДУ

А мы с дедушкой вдвоем
В шалаше теперь живем:
Караулим сад зеленый,
раньше солнышка встаем.
Вместе ходим вечерами
И осматриваем сад.

Как антоновки, над нами
Звезды в сумерках висят,

НА ЛУГУ

На лугу дотемна
Между нами шла война.
Все и вспомнить не могу,
Что творилось на лугу.
И в окопе мы лежали,
И в атаку мы бежали,
Мы бежали со всех ног:
Штурмовали
Сена стог.
Там был ранен я немножко,
А Сережка был убит:
Поднимать пошли Сережку,
А под ним трава хранит.

ЩЕНКИ

В старом ящике, в соломе
Два щенка у нас живут.
Знают все ребята в доме,
Как едят они и пьют.
Тот мохнат
И тот мохнат,
Их любой потрогать рад.
А начнут ворочаться
Уходить не хочется.
Молоком их поим, чаем,
Не жалеем и конфет.
Даже лаять обучаем,
Если мамы дома нет.

КОСАРИ

Косари идут с покоса,
На плечах сверкают косы.
Говорят входя в село:
«Луг остригли наголо!»
Мы навстречу выбегаем
Стайкой загорелою
И в подарок получаем
Землянику спелую.

ЦАРЕВНА

Спускаюсь без опаски
С крутой горы к реке:
Зеленая, как в сказке,
Лягушка на песке.

Взяла меня досада,
И я решил сказать:
«Расколдоваться надо,
Пора царевной стать!»
Она взглянула гневно —
И пусто на песке.
Живет моя царевна
В зеленом тростнике.

У БАБУШКИ

Я у бабушки Маруси
Очень весело живу.
У реки гогочут гуси,
Овцы вышли на траву.
Пью утрами чай из блюдца
На крыльце, как во дворце.
И у бабушки смеются
Все морщинки на лице.
Вместе с бабушкой встречаю
Рано солнышко в саду
И по маме не скучаю —
Только очень маму жду.

РЫБОЛОВ

Саша с удочкой в руке
Загорает на реке.
Сдвинул кепку на макушку,
Пескаря большого ждет.
Шепчет: Папа, а лягушка
На крючок не попадет?»

ЖУК

Коробок в моей руке,
Жук усатый в коробке.
Жук жужжит, щекочется —
Знать, на волю хочется.
Ничего, что он сердит,
Пусть в потемках посидит.
Вот как выйду на лужок —
И открою коробок.

ДОЖДИК

Толпились тучи в синеве.
Я глянул из окошка:
Запрыгал дождик по траве
В серебряных сапожках.
Он молоточком постучал —
Заговорила крыша.

В саду подсолнух покачал —
И стал подсолнух выше.

ОБЛАКО

Подымает облако
Парус белый свой.
Проплывает облако
Низко надо мной.
Видит все травинки,
Слышит шум ручья
И везет дождевки
В знойные края...
Вволю там напляшется
Ливень проливной.
Небо подпояшется
Радугой цветной.

ЛЕТО

Если лето — много света,
Если лето — луг цветет.
В золотых лучах рассвета
Трактор по полю идет.
Школьный дом ребятам тесен,
Все в поход ушли с утра.
Если лето — много песен
У вечернего костра.
Ветки яблонь стали ниже,
Гром ударил вдалеке...
Если лето — крепко лыжи
Спят у нас на чердаке.

ПАРОХОД

Строит Павлик пароход
С мачтой и трубою.
Скоро в море поплывет,
Нас возьмет с собою.
Он отважный капитан,
С ним играем дружно.
Мы узнаем много стран
Северных и южных.
А кота боимся брать:
Есть такое мнение,
Он захочет поиграть,
Сделает крушение.

КУКУШКА

Кукушка сидит на суку
И громкое слышно: «Ку-ку!»
Кукушка по лесу летает,
Дубы и березы считает.

Считает, считает - собьется,
На ветку присядет устало.
А утром за дело берется,
Считает деревья сначала.

СЛОНЕНОК

Луна плыла все выше,
Луна светила ярко.
Слоненок взял и вышел,
Ушел из зоопарка.
Тот был слоненок очень мал,
Всего с корову ростом.
Он просто Африку искал
И заблудился просто.
Нашли его. Слониха-мать
Слоненка стала обнимать,
А сторож засмеялся
«Ты где же, слон, Слонялся?»
Вздыхал слоненок и молчал,
Не рассказал слоненок,
Что он по Африке скучал
Давным-давно с пеленок.

ДУБ

Среди поля дуб
Закутался в тулуп,
Забрел в густую рожь,
На дедушку похож.
С утра и до заката,
Не знаю почему,
Колосья, как ребята,
Все тянутся к нему.
Вытягивают уши
И спать не спят — беда:
Наверно, сказки слушать
Сбегаются сюда.

КРАСАВКА

Вон идет моя Красавка!
Я навстречу побегу.
Для нее густая травка
Зеленеет на лугу.
Я кормлю ее травкою,
Я зову ее в избу.
Молча крутит головою
С белым пятнышком на лбу.
Ничему она не рада,
На меня глядит с тоской.
М-мне, — мычит, в избу не надо.
Мама в стаде за рекой».

КОЛОКОЛЬЧИК

На лугу под развесистым вязом
На закате погожего дня
Колокольчик стоит синеглазый,
Колокольчик глядит на меня.
Я его не срываю, жалею:
Пусть растет и глядит веселей.
Где расцвел он, там небо синее,
Там румяные зори теплей.

КРАПИВА

В канаве крапива,
В канаве крапива
Стоит одинока,
Стоит молчалива.
Она лишь кусаться
Да злиться умеет
Легко догадаться —
Друзей не имеет.

ГРИБЫ

Трава, умытая дождем,
Блестит и ниже клонится.
А мы грибы искать идем,
Они от нас хоронятся.
Шумят березы и дубы,
Цветами пахнет сладко.
Молчат грибы,
Весь день грибы
Играют с нами в прятки.

ИСКОРКИ

Разгорелся наш костер,
Так и пышет пламя.
Дым до неба он простер,
Сделал облаками.
Тишина среди ребят,
Не шумят, не ссорятся.
В небо искорки летят,
Звездами становятся.

ЛОПУХ

Рос лопух, большущий вышел,
Мне по пояс достает.
Под его широкой крышей
Вечно кто-нибудь живет
То мяукают котята,

То щебечет воробей,
То хоронятся цыплята
Вместе с мамою своей.
Ни жара их не пугает,
Ни сердитый с неба гром.
Вон по крыше жук шагает,
Свой осматривает дом.

СОН

Густая рябина
Стоит у ворот.
А Вовка на льдине
По морю плывет.
Под окнами грядки
Лежат при луне.
Володя в палатке,
В иной стороне.
Там белая вьюга
Бушует, кружа.
Тюлени, как друга,
Встречают моржа.
Там в санках катает
Медведь медвежат.
Снежинки летают,
И звезды дрожат.
Проснулся — рябина
Стоит у ворот.
А белая льдина
По небу плывет.

КОВЕР

Вот вынесли во двор
Большой цветной ковер:
И чистят, и трясут,
И даже палкой бьют.
Зачем? — кричу я тете. —
Зачем ковер-то бьете?’
А тетя говорит:
«Он пылью был набит.
Он станет, как картинка,
Когда его побьем.
Уж ни одна пылинка
Не заночует в нем».

ТРОПИНКА

Через рожь бежит тропинка,
Солнцем опаленная.
У тропинки этой спинка
Очень запыленная.

Васильки ей шлют привет,
Подбегают близко.
А березы смотрят вслед,
Кланяются низко.

СМОРОДИНА

«Смородина поспела!» —
Кричат перепела.
Аленка не стерпела,
В смородину зашла.
Искал а дочку мама,
Весь исходила сад.
Смотреть под кустик стала —
А ножки там стоят.

ОДУВАНЧИК

Он стоит на тонкой ножке
У тропинки луговой.
Реют птицы,
Вьются мошки
Над кудрявой головой.
Дунет ветер — и пусты
Все его карманчики.
Будут новые цветы,
Дети одуванчика.

МОРЕ

Саша в таз воды налил,
Саша воду посолил
И кораблик свой бумажный
Тут же в плаванье пустил.
Другу крикнул: «Боря!
А в тазу-то море!
Берега зеленые,
А вода соленая.
Хорошо б сюда кита —
Вот была бы красота!

КОЗЛИК

Ходит козлик у колодца,
Где обрыв оброс лозой.
Хочет с мамою колотья,
С бородатою козой.
Подошел я осторожно,
Хворостиной — Хвать!
Ах ты, козлик, разве можно
Маму обижать?

ПАРОВОЗ

Купили Пете паровоз
Большой, красивый очень.
Но задирает Петя нос,
Дружить ни с кем не хочет.
Смотреть игрушку не дает,
Кричит: «Не тронь руками!»
Чуть что — и плачет, и ревет,
И жалуется маме.
Друзьями он не дорожит,
Их и не видно рядом.
И паровоз в углу лежит,
Ржавеет до досады.

КАРАНДАШИ

Опять сегодня Боря
С карандашами в ссоре.
Забросил и тетрадь:
«Не буду рисовать!»
Ни леса и ни моря
Не нарисует Боря.
Остались корабли
У Бори на мели.
Скучают где-то птицы,
Белы, как снег, страницы.
Карандаши лежат, грустят
В коробке, как в темнице.

ЧИЖИК

Коля клетку выстроил
И наружу выставил.
Славный чижик в нем живет,
Только песен не поет.
Упросили Колю
Дверь открыть на волю.
Чиж порхнул, на ветку сел
И «спасибо» нам пропел.

КУСТ

Куст вихрастый молодой
Наклонился над водой.
А в воде плывет карась,
Рыболова не боясь.
Ясно с берега видна
Серебристая спина.
Облака гуляют стайкой
В глубине речного дна.
Ничего не видит куст.

Он стоит высок и пуст,
Наклонился над водой,
Все любит себя собой.

ФИЛИН

Вьются мошки, стрекочут сороки,
Гулко дятел стучит по коре.
Только филин вздыхает глубоко,
Никуда не летит на заре.
Даже заяц выходит из чащи
Посмотреть и потрогать цветы.
Серый филин вздыхает все чаще,
Не дождется никак темноты.
На смех филина все поднимают.
Шелестит, усмехаясь, трава.
Лишь сова чудака понимает —
Тоже с солнцем не дружит сова.

ЗАЯЦ

Кричат сороки-стрекотушки.
Синичка сядет на пенек.
А заяц серый на опушке
Проворно щиплет щавелек.
Легко спугнуть его шагами:
Услышит шорох — задрожит,
Тряхнет широкими ушами
И в чащу леса убежит.
Потом с зайчатами играет,
На время станет колобком.
А на рассвете собирает
С травинок звезды языком.

ГРУША

Миша грушу посадил,
Грушу как тростинку.
Поливать ее ходил —
Проложил тропинку.
Груша воду все пила
И росла себе, росла.
Ветки вскинула до неба,
Солнце в гости позвала.
Подружилась с соловьями,
С песней-серебринкой
И осыпала цветами
Мишину тропинку.

ЗВЕЗДОЧКА

Стукнул вечер в окно —
Сразу сделалось темно.
Я увидел из окна
Вышла звездочка одна.
Тонкий вытянула хвостик,
Свет на землю льет и льет.
Хочет к нам пробраться в гости,
да дорогу не найдет.
Летний ветер ходит лугом,
На земле теплым-тепло...
А на небе звездной вьюгой
Все дороги замело.

ВОРОВЕЙ

Воробей молодой
Весело резвился.
Вдруг в бочку с водой
С дерева свалился.
За бедой беда другая —
Кто же выручит, друзья?
Кошка дымчатая, злая —
Цап! — схватила воробья.
«Уважаемая кошка, —
Воробей заговорил. —
Дай обсохнуть мне немножко,
Чтобы я вкуснее был».
Мурка думала немного:
«Так и быть,
Лети, сушись!»
Воробей порхнул и строго
На нее прикрикнул: «Брысь!»
Так ни с чем она осталась,
Улетучилась еда.
В бочке звонко рассмеялась
Молчаливая вода.

ПОД РЯБИНОИ

Летит и летит паутина,
Горят-догорают сады.
На красные кисти рябины
Гурьбой навалились дрозды.
Под небом холодным и ясным
Я возле кудрявой стою.
Осыпала дождиком красным
Рябина тропинку мою.

СОСНЫ

Шла по лесу осень,
Листья обрывала.

У зеленых сосен
Молча постояла.
Тронула иголки,
Не сорвала — колки.
Молча села осень
В красную карету...
А в верхушках сосен
Ликовало лето.

ВЕСЕЛИНКА

Над поляною осинки
Золотил закат.
Веселила Веселинка
Песенкой ребят.
В лес ходила вместе с нами
Собирать грибы.
И качали головами
Радостно дубы.
А уехала — тропинки
Дождь прибил рябой.
Видно, лето Веселинка
Увезла с собой.

НАТАША

Издалека девочка
Приехала к нам жить.
Не умеет девочка
По-русски говорить.
Зовем ее Наташею,
С собою в лес берем
И говорить по-нашему
Учим всем двором.

ШАЛАШ

Шалаш укрыли с головой
Сухой картофельной ботвой.
И листья желтые, шурша,
Летят на плечи шалаша.
Осенний ветер воет зло,
А нам и тихо, и тепло.
Холмится сено в головах,
Шалаш антоновкой пропах.
Закутан мглою небосвод.
Вот-вот зима прихлынет к нам.
Шалаш похож на пароход,
Плывет в тумане по волнам.

КОЧАНЫ

В огороде кочаны
Вот такой величины
Наливаются.
Дед Мороз надел тулуп,
К кочанам ступ-хруп
Подбирается
Заморозить их хотел,
Весь от злости побелел —
Ничего не вышло.
Кочаны в ночи лежат
Вроде белых медвежат
И рычат чуть слышно.

ВЕТЕР

Дед Мороз рисует елки
Белой кистью на стекле.
Ветер лютый, ветер колкий
Разгулялся по земле.
Бьет снежками он в ворота,
Жучку гонит в конуру.
Он в трубу кричит мне что-то,
Ничего не разберу.
То ль зовет меня кататься,
То ли хочет в дом забраться
И на теплую печь
Рядом с дедушкой прилечь.

СНЕЖИНКА

Снежинка летела,
Снежинка летела,
В ладошке моей
Отдохнуть захотела.
Присела,
Пригрелась,
Пропала снежинка.
В ладошке лежит и сверкает
Слезинка.

ГОРА

Как у нашего двора
За ночь выросла гора.
И на лыжах — эх!
И на санках — ух!
Разгоняются ребята
И несутся во весь дух.
А стемнеет сразу тихо
Станет около двор а.
Как огромная слониха,
Спит, умаялась гора.

крокодил

Приснился Коле крокодил,
Спросил он грозно Колю:
«Не ты ль недавно получил
две двойки сразу в школе?
Ножом не ты ли вырезал
За партою узоры?
Не ты ль к калитке привязал
Котенка, как Трезора?
Вот я возьму тебя и съем
За такие штуки».
Был с перепугу Коля нем,
Дрожали ноги, руки.
А встал — учить уроки стал,
Совсем переменился.
Пошел котенка отвязал,
За парту извинился.
Ребятам больше не грубил
И лучше стал учиться...
Мы ждем:
Когда же крокодил
И Славику приснится?

ГОРОД У РЕЧКИ

Ласточкин город у речки
Клювами сотворен
Крохотные человечки
Выглядывают из окон.
Сумрак ночной растает —
Город не сторожат
Весело вылетают
И над водой кружат;
Если дожди и громы —
Все остаются дома.
Выглянут и опять
Будут спокойно спать.
Снег упадет на хаты,
Станет вода ледяной...
Все улетят куда-то,
Но прилетят весной.

БЕЗЗАБОТНИК

Среди поля беззаботник
Спит в соломенном стогу.
А к нему идет охотник,
След увидев на снегу.
Заяц вмиг беду учуял,
Опустел колючий стог.
Похвалить его хочу я

За чутье и резвость ног.
Вон как лихо серый скачет,
Ускользает, как вода.
А охотник чуть ни плачет.
Пусть поплачет! Не беда!

КОТ НА СНЕГУ

У кота сверкают пятки
Он разут — не то что мы.
Убегает без оглядки,
Удирает от зимы.
И на то, как снег искрится,
Кот не думает глядеть:
Он боится простудиться
И ангиной заболеть.

БУЛЬКА

Родился Булька. Был мороз.
Мела метель задорно.
А Булька рос себе и рос,
И стал щенком проворным.
Он стал космат и бел, как мел.
Наружу вышел смело
И все мороженое съел,
Что с неба прилетело.
Пришел, улегся на бочок
В углу, у теплой печки.
Шуршала мышь,
Скрипел сверчок,
А Булька — ни словечка.
дверь попытался отворить,
Но зря себя умаял.
Решил со мной поговорить
И весело залаял.

КОТ НА ПНЕ

Кот сидел и спал на пне,
Шевелил усами..
Видел мышек он во сне
С длинными хвостами.
К ним подкрадываться стал.
Глядь! Ох, как обидно!
Сам себя за хвост поймал,
А мышей не видно.

ЗОЛУШКА

К нам принес котенка Ромка.
Не котенок — сущий бес.

Прыгал он,
Мяукал громко,
В блюдце мордочкой залез.
Ночью в доме все уснуло,
Спал на стуле озорной:
Уронил себя со стула
И попал в ведро с золой.
Мы котенка отмывали
В белой чашке у окна.
Тут же Золушкой назвали
Дорогого шалуна.

МАНЯ

Живет собака Маня.
У Мани друг — поэт.
Родители в тумане,
А предков вовсе нет.
Они, конечно, были.
Нельзя же просто так.
Но их давно забыли,
Не вспомнятся никак.
В каком лежат кургане,
И был ли долог век?
Сидеть умеет Маня,
Почти как человек.
Когда сидит, не лает.
Когда стучат, рычит.
Все речи понимает,
Но вежливо молчит.
Глядит на мир любовно,
Характер добрый дан.
И только в родословной
У ней большой изъян.
Она ж собака, Маня.
А псы — такой народ...
Есть Пети, Коли, Бани,
А свой не знают род.

ПОД ЕЛКОЙ

Вот и праздник Новый год:
Зашумел лесной народ,
Волк играет на баяне
И под елку всех зовет.
Говорит прохожим всем:
«Никого теперь не ем!
Никого не кушаю,
Только песни слушаю».
Подбежал колючий еж
И сказал: «Ну что ж! Ну что ж!
Я не прочь плясать под елкой,

Я на елку сам похож».
Волк и зайца зазывал.
Заяц мимо проскакал.
Крикнул издали в ответ:
«Не пойду! Колючек нет».

ЖДУ ВЕСНУ

И лодка больше не плывет,
И не кричат лягушки.
Такой на речке толстый лед,
Что не пробьешь из пушки.
Ушли все рыбки в глубину
И там в потемках маются.
Я жду весну,
Я жду весну:
Весной лед сам сломается.

ПОДСНЕЖНИК

Прилетели в сад сороки,
Луг ручьями зажурчал.
Встал подснежник на припеке,
Головою покачал.
Призадумался немножко
На высоком бережку
И в зеленые ладошки
Взял по белому снежку.
«Что случилось? — грач гадает. —
Лед уходит по реке. —
А снежок никак не тает
У подснежника в руке?»

ОЗЕРО

Весна все разморозила.
Кольшется вода.
Заря глядит на озеро,
Светла и молода.
У чаек праздник на волне:
Плывут, плывут, качаются...
И звезды с рыбками на дне
По вечерам встречаются.

В ПОЛЕ

Где пробегала вьюга вскачь
И ветер выл протяжно,
По черной пашне черный грач
Расхаживает важно.
Он машет крыльями, крича,
Летит на гул моторный,

Где тракторист червей грача
Сидит в кабине черной.
Хвостатым облаком стоит
Над полем пыль густая...
Придет пора и зашумит
Пшеница золотая.

РУЧЕЙ

Чей? Чей? да ничей
По оврагу шел ручей.
Прыгал, прыгал по камням
И припрыгал прямо к нам.
«Вы тут речку не видали?» —
Он спросил, вздохнув слегка.
Мы лопаткой показали,
Где находится река.

МОСТ

Давно два берега сдружил
Чугунный старый мост.
Как лев, он лапы положил
На каменный помост.
Бежит вода, зовет вода:
«Пойдем, пойдем со мною!»
Не дозвется никогда,
Ни летом, ни весною.
Снуют машины по спине,
Трамвай гремит, ползет...
А он не скажет: «Тяжко мне!»
И даже не вздохнет.

РАКИТА У ПРУДА

Стоит ракита у пруда,
Как много лет, не знаю.
Была когда-то молода,
Теперь совсем иная.
Ей все кусты давно друзья
Над темною водою.
Не помнит бабушка моя
Ракиту молодую.
Но вот играть сюда придут
Мальчишки и девчонки —
И сразу вспомнит старый пруд
Ее, как прутик, тонкой.

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

Когда иду родимой стороною,
Везде шагает прошлое со мною:

У этого амбара я играл,
У этого моста я загорал.
Сюда ходил впервые на свиданье,
А там с косой в логу встречал рассвет.
Давно зари горячее дыханье
И твой, и мой там высушило след.
Пойду с ведром к замшелому колодцу,
В ржаной разлив рассеянно войду —
И снова в сердце что-то всколыхнется
И зашумит, как яблоня в саду.

ЖИВАЯ ВОДА

Качает ветер занавеску —
И входят в комнату ко мне
Березы, белые до блеска,
Поляны в розовом огне.
По тем полянам тропка вьется,
Ведет в село на свист скворца.
Услышу говор у колодца,
Увижу маму у крыльца.
И всколыхнется жизнь былая,
Волнуя, радуя, маня...
Там в роднике вода живая,
По крайней мере, для меня.

ПОКЛОНЮСЬ

Поклонюсь тополям и березкам,
Посмотрю над Окою зарю,
Васильку — синеглазому тезке
Из колосьев венок подарю.

* * *

В поле паводок грязь замесил.
дома не было хлеба ни крошки.
Я бродил, выбиваясь из сил,
Собирая гнилую картошку.
Раздвигал я ботинками грязь...
А сверху — переливчат и звонок, —
Весь от вешнего счастья светясь,
Ликовал на весь мир жаворонок.
Обещал он цветы на лугу,
дуги радуг по синему своду...
На высоком речном берегу
Льдины таяли, падали в воду.

ЦВЕТЫ

Просто все, а может и не просто:
На холме березки шелестят.

Под кустами низенького роста
Листья прошлогодние хрустят.
Наберем ромашек для букета,
Ландышами вырядим букет
И в далекий край проводим лето
С грустью той, которой тыщи лет.

* * *

В эти весенние дни
Там, где родился и рос,
В юность меня помани,
Шум тополей и берез.
Сброшена зимняя сонь,
Далям не видно конца...
Вышел я слушать гармонь
В алой рубахе отца.

АЛЬШАНЬ

А. И. Комарову

Шел молодой и веселый,
Шел через выгон и мост
Там, где Альшанская школа,
Там, где Альшанский погост.
В доме огонь засветился —
Стало звездой окно:
Там, говорят, я родился...
Как это было давно!

СТРУНЫ

Прошли войны тяжелые буруны.
Светла по сонным заводям вода.
Поют во мне лирические струны,
И манит в поле первая звезда.
За речкой быть большому урожаю,
Пойду косою-девятиручкой жать...
Я никого еще не провожаю,
Но так хочу кого-то провожать.
Когда б прапрадед мой восстал из праха,
Себя узнал бы, выйдя под зарю.
На мне горит отцовская рубаха,
И сам я первым пламенем горю.
Душа лететь под звездами готова
На зон поры веселой — не до сна:
На Кузнецы, на Дворики, в Лаврово...
На каждой тропке чудится Она.

* *

Вале

Взял тебя за плечи
И увел с собой.
Звезды сыпал вечер
В Орлик голубой.
Станешь одинокой,
Я приду во сне...
«Друг мой! Друг далекий!
Вспомни обо мне».

* * *

Надо от печали отключиться,
Жить, мгновенье каждое ценя.
Ночь в окне, как серая волчица,
Вижу, зубы точит на меня.
Приняла решительную позу.
Только зря старается. Ох, зря!
Завтра мне опять подарит розу
Золотая женщина — Заря.

* * *

Порою делается горько,
Что я не видел много дней
Альшань, зеленые пригорки,
Тропинки юности моей.
Тоски не в силах побороть я:
В селе, где я увидел свет,
Не встречу бабушку Авдотью
И дяди Вани тоже нет.
И Катю не увижу боле,
Надежней друга я не знал:
Я с ней в одной учился школе
И в игры детские играл.
Белеют каменные стены
Заветной горницы... От ней
На корень прадеда Пармена
Пойду с горы через ручей.

ФОМИНКА

И. Н. Гаврилову

Посредине равнинного края
Я стою у родного крыльца.
Вспоминаю, опять вспоминаю
Руки матери, голос отца.
Летний вечер. Шагают коровы.

Кнут пастуший воинственно лих.
Гончаровы, Титовы, Фроловы
Принимают кормилиц своих.
Что-то Рябчик пролаял спросонок.
Не стойся на месте быку.
Там ведро опрокинул теленок,
Там с ягненком играет ягненок —
Алый бант на кудрявом боку.
Старина. Слышу звон от Оки я.
За рекою — кресты, купола.
Вижу, бабушка прямо на Киев
Поклониться иконам пошла.
Через Кнубрь, через древние Кромы,
Через марево знойного дня...
Сторонитесь, недуги и громы:
Если что, то не будет меня.

КАЛИНОВЕЦ

Скажи, Калиновец, скажи,
Где тут растет твоя калина?
Дорогу в сказку покажи,
Прими в объятия, как сына.
Тут не косил, овец не пас,
Не мок под ливнями густыми.
Но слышал в юности не раз
Твое пленительное имя.
Оно, раскинув два крыла,
Парит в уборе вечно новом...
Здесь мама маленькой была,
В венке бродила васильковым.

ЯКУНИН РОВ

Когда весна со всех бугров
Придет плясать и петь по кругу,
Шумит, шумит Якунин ров,
Срывая снег, как с перепугу.
Бежит и пенится поток
И, как траву, сугробы косит.
Выносит глину и песок,
И даже камешки выносит.
Все сплавит яростно в Оку,
Но срок придет — угомонится...
И летом, лежа на боку,
В кустах чуть слышно шевелится.

СУХОДОЛ

В Суходол на покос! В Суходол

за грибами!
Там орешник раскинёт шатер над тобой.
Там березы на горке белеют стволами
И счастливые птицы поют вразнобой.
В царстве летнего лога над буйной
травую
Правят бабочки бал и ликуют шмели... В сорок третьем сюда мы ушли
от конвоя.
В Суходоле не сразу нас немцы нашли.
Снова долго брели мы под облаком пыли,
Но запомнили лог в его полной красе,
Где скрывались и воду болотную пили,
Засыпали в кустах на холодной росе.

ВЫСЕЛКИ

В. М. Неделину

Жили Неделины, Суровы жили,
Мать моя крестная тоже жила.
Памятью этой мы все дорожили
Даже вдали от родного Орла.
Мать моя крестная так была рада
Встретить на Невском проспекте меня.
Вспомнила яблоки старого сада,
Памятью в край наш маня и маня.

ПОКАНОВКА

Не вспомнить как-то и неловко
Оки альшанский поворот,
Кусты, деревню Покановку
И тетку Феню у ворот.
Ну и, конечно, дядю Яшу.
Стоит, чуть-чуть навеселе.
Зовет: «Зайди-ка в хату нашу.
давно закуска на столе».
Пять дочек шустрым хороводом
За нами пристально следят.
А над трубой по небосводу
два белых облачка летят.
В краю некаменных усадеб
Мир добрым светом осиян.
Пять дочерей — пять шумных свадеб.
Шестую справил сын Иван.
Была пора — гармони пели...
Сирень цветет, как встарь цвела.
А в поле плачут коростели
О том, что молодость прошла.

В ХАТЕ

По ночам поскрипывает сад.
Зол мороз. А в хате нашей тихо.
Лист оконный снежно-полосат,
Не выпускает ветренное лихо.
Пусть пурга заслонкою гремит,
Завывает яростно и люто,
А войдешь — и сердце защежит
От простого сельского уюта.

ЛАВРОВО

Мимо озера в Лаврово
Нас дорога поманит.
Рады мы увидеть снова
Дом у стареньких раakit.
Школа. Добрый мир природы.
Парта старая на двух...
Там прошли такие годы,
Что захватывает дух.

ГОРА

Над речкой гора-городище
С колодцем, с травой-муравой.
Минувшее пялит глазища
На мир удивительный мой.
Ракиты, поселки и села.
Поют петухи на заре...
С мечом и дубиной тяжелой
Стоит богатырь на горе.

ДОЖДЬ

Дождь пришел, ударил водопадом,
Как с горы невиданно-крутой,
Над травой, над яблоневым садом,
Над заречной нивой золотой.
Людный город, тихий полустанок
Растревожил вихорь-водопад...
В небе — гром буденновских тачанок,
Танки катуковские гремят.
Может, зря фантазия искрится
Молоньем на запад и восток.
Может, там
Илья на колеснице,
Грозных лет пронзительный пророк.

СОН

Наплывает черный сон:
Стонут наши крутояры,
Взяли девушек в полон

Злыдни — крымские татары.
Хан не зря ходил походом,
дав хороший гон коню:
Сиротели род за родом,
Засыхали на корню.

ЛИКИ

Брату Ивану

Сынам поведай молодым:
Забвенье дедов — летаргия.
Матвей, Максим, Антип и Клим
Вот наши предки дорогие.
Был Спиридон, и был Пармен,
Еще Артем — отец Пармена.
На речке мелкой до колен
душе не вырваться из плена.
Еще — Иван, еще — Стефан,
Отцы Ивана и Стефана...
Густой надвинулся туман,
Но лики светят из тумана.

ДОМ

Без хозяина дом сирота.
Умер старый. Какая досада!
Сад не тот, и дорожка не та,
И не та появилась ограда.
Кот оставил стареющий дом.
Стал амбар не амбар, а умора.
В темной горнице полный Содом,
В огороде гуляет Гоморра.
Был хозяин в работе с утра,
Крепко знал деревенское дело:
То была посевная пора,
То уборка цепами гремела.
Ну-ка, старую тяпку бери,
Навались на бурьян и сурепку...
На гвозде от зари до зари
За тобою следит его кепка.

САЛТЫКИ

На зеленом пригорке больница,
Теплый ветер польнью пропах:
В той больнице я мог бы родиться,
Когда мама была в Салтыках.

Закипает душевное слово,
Колокольчиком тонко звенит:

Прислонился к Булгакову лесу,
Подружился с травой-муравой.
Приоткрою бывшего завесу —
Голоса, будто гул ветровой.
Тут жила моя тетка Матрюща,
На просторе хозяйство вела.
А еще Степанидина Нюша
Возле старого сада жила.
Молодою была и красивой,
И любила, как только могла.
Не вернулся с победой Василий,
Похоронка ей душу сожгла.
В тихом сумраке яблонь и вишен
Что-то жуткое чудилось ей...
Говорят, рассыпался над крышей
И ласкал ее огненный змей.

ПОЛОВОДЬЕ

Половодье. Тонут берега.
Чуть видна развесистая ива.
Гонит лед, как лютого врага,
Сила торопливая разлива.
Гонит и угонит, побороть
Так легко оторванную льдину.
Трудно было только расколоть
Ледостава белую равнину.

ЛАСТОЧКА

В реке вода пошла на убыль.
Вновь соловей в кустах поет.
Вот-вот листва сухая с дуба
На землю шапкой упадет.
Весна в полях и в каждом доме.
Хлопот у пахаря полно.
О первом ливне,
Первом громе
Щебечет ласточка в окно.

ДРАГУНСКИЙ ЛЕС

Я по жизни по всей пронесу
Грозной осени дымные дали.
У орудий в драгунском лесу
Наши насмерть солдаты стояли.
И срываются каплями слез
Каждый раз под седым небосводом
Невеселые листья берез
На курган сорок первого года.

* * *

Черны, как ворона крыло,
Стволы дубов — стоит дубрава
У входа в русское село
Зеленым памятником славы.
Цветное кружево полян
Светло под облаком летящим.
Но голосами партизан
Гудит в грозу лесная чаща.
За громом — гром, за боем — бой.
Огнем прошита туч завеса...
И еле слышен голос мой
Во мгле разгневанного леса.

ДВОРИКИ

Памяти Н. А. Парахина

Смотрю на лунную дорожку.
Иду, как прежде, на восход.
О чем теперь поет гармошка?
Зачем на дворики зовет?
Глаза закрою — вижу пары.
Над крышей месяц золотист.
Берет красавицу Тамару
В плен чернобровый гармонист.
Глаза открою боль займется.
Вздыхают яблони в саду.
Тебя не встречу у колодца,
С тобою полем не пройду.
Невесел мир твоей усадьбы,
Где ты работою горел.
друзья давно сыграли свадьбы,
Свою сыграть ты не успел.
На сенокосах был не промах,
Жил, сельским воздухом дыша...
В плену лугов, дубрав, черемух
Твоя затеряна душа.

В О Л О К О Н К А

Ракиты сплошь усеяны грачами.
Как шапки, гнезда в сумерках ветвей,
В кустах у речки майскими ночами,
Не умолкая, свищет соловей.
Стоит в воде усталая корова,
Гоняя мух ударами хвоста.
Все лето малышей светлоголовых
Не оторвать от старого моста.
Нашел теленок томную отраду
Чесать в жару об изгородь бока.
С утра хозяйка ищет за оградой
Управу на заморского жука.

ЖИВУ

Я там живу, где платят гробовые:
Порой качает, как на корабле.
Но славлю луговые, полевые
И прочие угоды на земле.
Стихи читаю маленьким ребятам
О той войне, о детстве на войне.
От рук отбился расщепленный атом
И, как фашист, работает во мне.

НА ПОЛЯНЕ

А. И. Овчинникову

На поляне, помню, было тихо.
Где-то птица хлопала крылом.
Стройный лось и строгая лосиха
Под сосною замерли вдвоем.

Не зима пугала их снегами,
А машины нашей чернота...
Зеленели ветки над рогами,
Даль была угрюма и пуста.

СОН-ТРАВА

Весел говор кленов и осинок,
Шаловлива летняя листва.
А в тени под россыпью росинок
Беспробудно дремлет
Сон-трава.
То теплом,
То холодом подуло,
То сияет небо,
То гроза.
Не пойму, с чего она уснула,
Принакрыв ресницами глаза.
Рядом на заре
Встает деревня.
Гром тележный слышится с горы.
Спит она, как некая царевна,
С самой незапамятной поры.
Отбушует зелени веселье,
Меч мороз над лесом занесет.
И проснется в сумраке осеннем
Сон-трава...
Проснется и умрет.

В ПАМЯТИ

П. Ф. Гайманову

Это в памяти надо беречь...
Встала бабушка в лад с петухами,
Чугунками заполнила печь,
дым пошел, и запрыгало пламя.
А потом мы сидим за столом
И глядим, как картошка дымится.
На широком снегу за окном
Просит корочку хлеба синица.
Не оставили птицу в беде.
Воробьи тут как тут подспели
И у дедушки враз в бороде
Озорные смешинки запели.
«Пострелята!» — прикрикнул, смеясь,
И, сутулясь, отправился в хату.
Луч упал на лицо, золотясь,
И к бровям прикоснулся мохнатым.
Молча дедушка дратву берет,
Шило, свайку — и дело запело:
Он и валенки мне подошьет,
И сработает лапти умело.
У окна села бабушка прясть.
Села шить бы она, да что толку:
Трудно ниткою в ушко попасть
И заставить работать иголку.
Это дело с руки молодым.
Мама может: она молодая...
Все ушло, улетело, как дым,
Только в душу приходит, играя.

ТОНЯ

Потянуло к зеленому долу,
К тихим хатам,
К реке голубой.
Мы ходили в Альшанскую школу,
На пятерки учились с тобой.
Петухи нас будили горласто,
Снег наваливал с облачных сфер.
Нас Надежда Ивановна часто
Всем другим приводила в пример.
Открывались нам ясные дали,
Только б рядом шагать и шагать.
Помню, сказки мы вместе читали,
Стали Пушкина вместе читать.
За цветами ходили в Крутое,
Рвали вишни в саду молодом,
И звенело порой золотою
Наше детство
В краю полевом.
Как весной провожали мы льдины!

Все бросали, бросали снежки...
Вдруг тяжелым огнем скарлатины
Опало твой дом у реки.
И поныне, поверь, нелегко мне
Вспоминать, как прощались с тобой.
О тебе мне то вишня напомнит,
То у тропки цветок голубой.

ЮНОСТЬ

В январе на заре так морозы трескучи.
Через поле на лыжах я в школу иду.
Машут крыльями снежные, хмурые тучи.
Не пургу ль обещает сорока в саду?
Что пурга? Мне знакомо метельное лихо!
И мороз не мороз, если щеки горят,
Если печь докрасна довела сторожиха
И улыбкою доброй встречает ребят.
Пусть ракита вздыхает, вся в инее белом,
Это вспомнится мне через множество лет:
Занимаемся мы удивительным делом —
То читаем,
То пишем,
То держим ответ.
Но о том, как смутила улыбка соседки,
Сколько в душу вселила горячей тоски,
Не заставят сказать никакие отметки,
Никакие упреки у темной доски.
В клубе вечером нас ожидает веселье.
Не расходимся долго. Учитель, прости.
Мы стоим на пороге смятений весенних,
От которых уже никого не спасти.
Среди ночи полями шагать не в новинку,
Иль на лыжах катить, рассекая пургу:
Кто в Козлы, кто в Сучки, ну а я —
на Фоминку,
Что подковой широкой лежит на лугу.

КУМАНИКА

В. П. Гаврилову

За рекой гора Кавказка,
А внизу, где плеск воды,
Куманика-синеглазка
Бережет свои плоды.
Берег детства, помани-ка!
Сказка старая жива:
Голубика-куманика
Тихо вяжет кружева.

Подойду, раздвину ветки:
до чего же хороша!
Чуть не выскочит из клетки
Беспокойная душа.
Довели б ее до ручки
В наши злые времена,
Но работают колючки
От темна и до темна.
Вьется, словно повилика,
Источает аромат
Куманика-куманика —
Наш орловский виноград.
Я сказал бы ей словечко,
Но, от шума вдалеке,
Водяной сидит у речки
С тонкой удочкой в руке.
Тишины он друг великий,
Ненавидит всякий шум.
Не чужой для куманики,
А, наверно, сват и кум.

* * *

Кто-то мне доказывал, что в небе-де
Божий мир на краски не богат.
Посмотри: как розовые лебеди,
Облака присели на закат.
Звезды, будто бусы, рассыпаются,
Думы наши с тайнами сдружив.
Ночь приходит сказочной красавицей,
Гребень-месяц в косы заложив.

ПОЛОВОДЬЕ

Фоминские вижу просторы,
Широкое буйство воды.
Под вишнями тетки Федоры
Качаются шальные льды.
Большая у марта работа.
Я давнюю быль не забыл:
Альшанский мужик на воротах,
Как будто под парусом, плыл.

* * *

Была буйная метелица,
Были горы у моста.
Скоро травами застелятся
Эти самые места.
Верх берут румянолицые
Зори, выйдя на простор.

Разговаривают с птицами
Ручейки, сбегая с гор.

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

Он молча встал, услышав дождь осенний,
В окне увидел хмурый небосклон.
дыханьем трав наполненные сени
Его манили свежестью. Но он
Задумался...

дохнуло вновь войною,
Припомнилось ему все то ж, все то ж,
Как в этот день он пулей разрывною
Был ранен в грудь в бою у речки Сож.
друзей припомнил ярость и отвагу
И то, как смерть совсем была близка:
Недаром в похоронную бумагу
Попал по воле писаря полка...
Он печь открыл и на дрова, на пламя
Привычно уголь ссыпал из ведра.
Пошло тепло широкими волнами,
Как на войне от жаркого костра.
Играл огонь.

Отец смотрел сурово
И вдруг, какой-то странный приняв вид,
Присел, большой и грузный, и два слова
Из сердца выдавил угрюмо: «Грудь
болит...»

И мама, что с войны его встречала,
Что рядом с ним полвека прожила,
Над ним в слезах отчаянно кричала,
Но ничего поделать не могла.
Ничто уже не виделось, не снилось
Ему под сводом пасмурного дня...
А печь топилась, весело топилась,
Играя ярко бликами огня.

ПОЛЕ

Поле. Рокот комбайна.
В ясном небе стрижи.
Есть какая-то тайна.
Но какая? Скажи!
Удаляется рокот.
Слышу гулы времен:
Крымской конницы топот,
Русской пленницы стон.
Сабель свист, гром тачанок,
Грохот бомб в тишине
И опять полонянок
Плач в вагонном окне.
Поле: Рокот комбайна.

Синь да зелень вокруг...
Неужели случайно
Все припомнилось вдруг?
Мне не хочется плена
Ни в морозы, ни в зной.
Неужели измена
Завладела страной?

СТАРУШКИ

Живут на деревне старушки:
На лицах — печальная сонь.
Как будто не пели частушки,
Не слышали сроду гармонь.
Что было вчера, забывают.
Дрожат за родное гнездо.
Не просто живут — доживают...
О, это ужасное до»!

ДВА КЛЕНА

Клен жарою был так накален,
Даже листья слегка пожелтели.
Дождь прошел — молодеет мой клен,
Кровь кипит и пульсирует в теле.
Клонит буйное чудо кудрей
К той, что рядом: она — королева.
На коленях стоит ветровей,
Просит крыльев-семян для посева.

КОРОВЫ

Здравствуйте, коровы! Как здоровы?
Как на горке травная еда?
Но хвостами двигают коровы
И молчат, как в прежние года.
Я хотел им сделать замечанье:
Мы же очень любим замечать.
Но дороже золота молчанье.
Где бы научиться помолчать?
Дернуло вчера проговориться —
Обсуждал с приятелем вопрос.
Воробей — малюсенькая птица,
Подхватил и по ветру разнес.
Сел на провод, громко почирикал —
И пошло гулять по проводам.
Знают все от мала до велика:
Заходили сплетни по следам.

РЯБКА

Рябка рвет в досаде повод,
Просит в холод заключить.
Кружит свод,
Ищет овод,
Где бы кожу проточить.
Жаркий день, как наказание.
Рябку, свод, не карай:
Ей оказано вниманье,
Топать велено в сарай.
Овод злится, свод вьется.
Рябка думает в тени:
Хорошо кротам живется
Даже в солнечные дни».

ДЕРЕВНЯ

Я жил в деревне, жил в деревне
Не год, а целых двадцать лет.
Запомнил хаты и деревья,
И между тучами рассвет.
Запомнил поле за канавой,
Амбары, двери на засов.
Но позабыл (о, Боже правый!)
Так много лиц и голосов.
Обратно мне в деревню надо,
В те незабвенные года...
Иду я рощей, лугом, садом,
По хатам шарю жадным взглядом:
Куда пропали все? Куда?

СТУДЕНТЫ

Ночами сердце колотилось:
Опять мы были на войне.
Мне все деревня наша снилась
В незатихающем огне.
Один — он вел в атаку роту —
Во сне кричал, срывая гнев.
Другой все падал с самолетом
На сучья черные дерев.
А третий с воспаленным взглядом
Стонал в немыслимой дали.
Шел третий бухенвальдским адом,
Вонзая в землю костыли.
Отец мне снился с пулеметом,
А другу — холмик со звездой...
Наутро шли мы на зачеты
Дорогой жизни молодой.

САД

Стихи прочел Ашихмину Алеше:
Расцвел в улыбке — добрая душа.
Ударил сад в зеленые ладоши
И зашумел за стенкой шалаша.
Недавно был на той родной равнине.
Шалаш исчез и всеми позабыт.
Уехал друг. Тех яблонь нет в помине.
А сад шумит,
По-прежнему шумит.

* * *

Луг, деревня, сад, смородина.
Вишня в белом, как в снегу.
дорогая моя Родина,
В сердце лик твой берегу.
Свет мой,
Русская красавица,
Мать с молитвой обо мне...
Песня к сердцу прикасается
О родимой стороне.

СА/ЦОЛЕТ

Высоко-высоко самолет.
Далеко-далеко мое детство.
Самолет ту же песню поет —
Не могу на него наглядеться.
Прилетел он из дальней страны,
Где такие ж поля, крутояры,
Где растаяли сладкие сны
Под соломенной крышей амбара.
Расцвела сирень у ворот,
Я не трогал те шапки сирени...
Молча бабушка шла в огород,
Становилась полоть на колени.
Мама с ведрами шла за водой.
Окна настезь, чтоб не было душно.
И отец молодой-молодой
Лошадей запрягал на конюшне.

ОТЕЦ

Пахал, косил, стога метал и сеял,
Стерег скотину, много воевал
И столько дум о Родине навеял,
Когда за песней песню напевал.
Старинные, из солнечного клада,
Что так волнуют русские сердца.
Недаром есть селение Отрада
В краю моем, где песням нет конца.

МАТЬ

Мама кашляла кровью...
Бережет моя память:
Подходила с любовью
Одеяло поправить.
«Спи, сынок!» — говорила,
Было море тепла...
Снегом мир завалило
В день, когда умерла.

* * *

Последний месяц лета.
Прохладой дышит день.
Но льется
Ливень света
На крыши деревень.
Красным-красна рябина,
А елка зелена.
Раздольная равнина —
Родная сторона.
Лугами речка льется.
Она в тени раки
То тихо засмеется,
То лихо зашумит.
Прислушиваюсь снова я:
О чем поет она?
«Орловщина...
Орловия...
Родная сторона...»

БАБУШКА АВДОТЯ

Половодье у бабушки — плынь,
Шум воды, ликование света.
«Синий май. Зоревая теплынь», —
Королевский подарок поэта.
Ах, была она тоже поэт.
Помню лето, траву по колено.
А она в девяносто лет
Ворошила на погребке сено.

МАЛИНА

Малика разрослась в саду отца.
Сам рассадил. Хорошая малина.
Попал в кольцо, не выйти из кольца.
Не разберу, где край, где середина.
Родной усадьбы мил зеленый плен.
Рад на колени стать перед травой.

Была моя малина до колен.
Теперь я в ней скрываюсь с головою.

ГУЛЫ

Моторные гулы земли,
Где ласточка тихо летела,
Сквозь каждую клетку прошли
И дрожью наполнили тело.
На камне под кроною крыш,
Где голос доходит до крика,
Поди-ка попробуй, услышь,
Как шепчет трава-повилика.
Средь ночи смотрю на луну,
А рядом ревет радиола...
Ну кто мне вернет тишину,
Молчание росного дола?

вВГРЯДУЩЕЕ

Все мы от кого-нибудь зависимы.
Блудово сам Блудов основал.
Черемисы, видно, Черемисино,
Или Черемисин — генерал.
Что от нас в Грядущее потянется?
Лес? Овраг? Ракиты над рекой?
Пусть Россия устоит, останется —
Нам не надо почести другой.

КУКУЕВКА

В старину порядки строги.
Вывел граф мужичью рать,
Поселил их у дороги:
«Тут извольте куковать!
До сих пор они кукуют —
Развеселые дела:
Скоро город нарисуют
И дотянут до Орла.

ГЛАЗУНОВКА

Стали дали опять синеокими.
Мчится поезд, гремя и звеня.
Глазуновка глазами глубокими
Из-за кленов глядит на меня.
Подружусь с соловьями, кукушками,
В старину погляжу, как в окно,
Знаменитую предками Пушкина:
Жили в этом краю, в Тагино.

НАРЬПШКИНО

Один Нарышкин был охотник,
Его художник рисовал.
Легко румяный беззаботник
Себя к искусству приковал.
Другой, или верней — другая,
Совсем не зря жила-была:
Красивая и молодая
Петра России родила.

ДУМЧИНО

Места лесистые, разбойные.
Дрожали робкие сердца.
Терзали думы беспокойные
И дворянина, и купца.
От тех времен сбежала шибко мы,
Но попадаем в переплет:
Русалка с ласковой улыбкою
Возьмет и сердце отберет.

СТАЛЬНОЙ КОНЬ

Назвали станцию и все же
Милее луг и лес густой,
И конь отрада молодежи,
С хвостом и гривой золотой.
Какие грузы принимает!
Как гордо голову несет!
Глядит и что-то понимает.
Железный, разве он поймет?

ГОЛУНЬ

Речка, горка, деревья и птицы.
Вспышка радуги яркой дугой.
В Голуни не поручик Голицын,
Жил Голицын какой-то другой.
Дом оставил,
Конюшни оставил —
Мир такой не объедешь конем.
Вижу, век наш себя позабавил:
Потолок и березка на нем.

МОЛОДОВОЕ

Рисует дивные картины,
Из глубины веков спеша,
Теплов времен Екатерины,
Его земля его душа.
Любил он рощи и покосы,
Прогулки с книгой у пруда...

Ему Вольтер и Ломоносов
Сюда писали иногда.

РУССКИЙ БРОД

День был свадьбой обозначен.
Этот день и этот край
Полюбил душой горячей
Данилевский Николай.
Постоял он за Россию,
В обхожденье прост и мил,
И со всей ученой силой
Яро Дарвина громил.

БРЯНСКИЙ ЛЕС

Ф. П. Шелаебу

Как поеду Брянским лесом,
Как услышу сосен звон,
И увижу с интересом
древность княжеских времен.
Партизанскую поляну
Осмотрю:
Какая Русь!
И трубчевскому Бояну
Прямо в ножки поклонюсь.

ПОД ЛИВНАМИ

Непогода хлещет ливнями,
Низко кланяется рожь.
Но такой простор под Ливнами,
Что потопом не зальешь.
Жизнь купеческая, барская
Растворилась навсегда,
Словно конница татарская,
Как германская орда.

НОВОСИЛЬ

Посреди большой России —
Новосиль.
Ох, люблю я в Новосиле
Неба синь.
Как лебедушки, девчата.
Берег крут.
Грозно вдаль глядит Горбатов.
Пушки бьют.

КНУБР Ъ

На Кнубре на заре Ломоносов
Подгонял ямщика: «Запрягай!»
Тот поглядывал заспанно, косо,
Хмуρο топал в каретный сарай.
Вожжи в руки и «С Богом, родные
Колокольчиков звон — благодать...
И поехал Михайло на Киев
В лавре умные книги читать.

В БОЛХОВЕ

На этом самом косогоре,
Клобук надвинув до бровей,
Искал коней монах Григорий,
Нашел проворнее коней.
Потом привел такие громы,
Такие развернул дела...
Ему «ура!» кричали Кромы,
Орел гремел в колокола.

ЛЬГОВ

Выходи-ка из заспанных комнат
Да в дорогу, в селение Льгов.
Эта церковь Тургенева помнит,
Помнят старые кочки лугов.
Ермолая, Сучка вспоминаем,
Диких уток, коварство пруда...
Над болотистым, низменным краем
Золотая сияет звезда.

СУДЬБИЩИ

В пятьдесят шестом в мороз трескучий
Ночевал в Судбищах — не забыть...
Шли татары, нависали тучей,
Чтобы волю русскую убить.
Лет четыреста назад сраженье было.
Билась шереметьевская рать...
А меня в гостинице знобило,
Трудно было в холод засыпать.

ХУДОЖНИК ШВАРЦ

Не слышно грохота телег.
Леса от инея мохнаты.
Художник Шварц рисует снег,
Художник Шварц рисует хаты.
И царский выезд на холсте
Во всем движении тяжелом...

Сюжет в старинной красоте
Прильнул к орловским снежным селам.

РОЖЬ

Поеду я на Хомутово,
А там — в поля.
На сердце дрожь:
Красу Руси открыть готова
Мне мясоедовская рожь.
Он рисовал родное поле.
Его душа была в огне.
И мне все дорого до боли
В орловской нашей стороне.

ХОДОТА

Князем был у вятичей Ходота,
Знал его Владимир Мономах.
Краеведу трудная работа —
Отыскать следы его в полях.
Говорят, был сын,
Была столица
Город по прозванию Кърдно.
Лишь ковыль на солнце золотится,
Где была страна давным-давно.

КРОМЫ

Здесь судьбу Москвы решил Басманов;
Воевода Федора-царя,
Начав путь на стороне обмана,
Самозванцу почести творя.
Здесь донской казак Андрей Карела
Лихо атаманил над Кромой.
А потом рубили красных, белых,
Прорубали к морю путь прямой.

* * *

На металле — фамилии густо:
В обелисках моя сторона.
Стисну зубы до боли, до хруста —
Давит сердце полей тишина.
Что ни камень, то горечь и мука.
Тишина средь покосов и нив.
Только слышно, как Жуков, да, Жуков,
Генералов зовет на прорыв.

МАЛОАРХАНГЕЛЬСК

Где Пушкин принят был за ревизора,
Солдаты, выбив немцев, строем шли.
Чинили мост проворные саперы,
Зияли раны взорванной земли.
Вот-вот ручьям по всей земле Орловской
Шуметь и почкам лопаться в садах.
Стоял у школы строгий Рокоссовский,
Сжимая трость в натруженных руках.

ЛИТОВЦЫ

Вспоминается вечер в Орле
на Текмаше»: Дмитрий Блынский о юности строки
читал,
Межелайтис, Венцлова Орловщине
нашей

Не жалели стихов — аплодировал зал.
Алексеевка — там их собратьев могила.
Поклонились земле и родным именам.
Всюду горькая память их души томила,
Повезли эту память к балтийским
волнам.

ОСТРОВСКАЯ

Была она в писательской бригаде:
О мужестве — первейшие слова,
О муже — за него бойцам в тетради
Автограф молча ставила вдова.
Была добрее к раненому рана,
В глазах не так темпа была печаль.
Шла по войне с героями романа,
Чтоб знали все, как закаляют сталь.

АНТОКОЛЬСКИЙ

Не асфальт Москвы, от ливня скользкий,
А завалы, щебень и зола:
Шел в пилотке Павел Антокольский
По разбитым улицам Орла.
Был поэт при славе и таланте,
О войне стихами говорил...
Видал в каждом юном лейтенанте
Сына, что России подарил.

ДАЛИ

Под грачиными черными стаями
Изумрудные дали полей.
Там Жидкое,
А там Ермолаево,

Рядом Рябцево с башней своей.
Волоконка, а там — Черемисино.
Мост. Лунево. Платоновский храм...
Подняло мою душу, возвысило,
Повело к городищам-горам.
Русь. Россия, былинная, древняя,
Молодая, большая страна,
За полями, лугами, деревьями,
За любой деревенькой видна.

РОЖЬ

Я иду стеною хлеба,
Впечатленьям отдаюсь.
Надо мной родное небо,
А кругом — сплошная Русь.
В речку облако глядится.
До чего светла струя!
На добра коня садится
Славный Муромец Илья.
Сад шумит над крутояром.
Гул машины. Гром телег...
Отомстить врагам-хазарам
Собирается Олег.

РЕК И

Орловские реки послушай,
Взгляни на полвека назад.
Поет о Горбатове Зуша,
На Оптухе грохот гранат.
Запомнили гулкие танки
Под Болховом воды Нугри.
Сосна чужеземцев останки
Куда-то снесла в пустыри.

НАРВА

Нарва русскою останется,
Нарва Питеру сестра.
Никогда не затуманится
Слава Первого Петра.
Наши храмы златоглавые.
Нашей крепости гранит.
В песне Нарвскою заставою
Наша молодость гремит.

ПОЛЫНЬ

Седая, горькая на круче
Стоит полынь. Из старины
Выходит сумрачный, как туча,

Наш князь: глаза тоской полны.
Но от дыхания полыни
душой воспрянул и расцвел.
И он пошел вдоль речки синей,
К себе на родину пошел.

АЛЬШАНСКИЙ ХРАМ

Альшанский храм, построенный
графиней,
Тюрьмою был, колхозным складом был.
Святые лики в росписях поныне
Старинный храм-страдалец сохранил.
Прислушайся — донныне песнопенья
Под куполами рваными слышны.
Прапрадед мой скользит косматой тенью
Вдоль страшно изувеченной стены.

БРАТА БРАТ

Бабушку Наталью слушать страшно,
Эту быль забыть я не могу:
Брата брат в атаке рукопашной
Заколел на Шаховском лугу.
Разыгралась вьюга-непогода,
Завывая дико и шурша...
К вихрям девятнадцатого года
Прикоснулась детская душа.

БОГОРОДИЦА

А. И. Курнакову

Там, где заря с горою сходится,
Ей нелегко было брести.
Искала травы Богородица,
Чтоб землю Русскую спасти.
Средь воровства и пьянства дикого
Искала светлые места
Для возрождения великого
Во имя вечного Христа.
Мы не спешим облагородиться
В краю покосов и полей:
Нашла не травы Богородица,
А крест еще потяжелей.

СОВЕТ

Да сними ты с себя, как коросту,
Всю недобрую славу и грязь.
Жить начни и спокойно, и просто,
Сам себе и работник, и князь.

Нужно доброй звездой золотиться,
Злу решительно ставить препон...
И тебя заприметит царица,
Поведет за собою на трон.

* * *

А. С. Захарову

Вот и кончилось время труда.
Стихли птицы. Умолкли моторы.
Ты куда-то ушел навсегда
За моря и высокие горы.
В том краю ни музеев, ни книг,
Ни друзей говорливого круга.
Там столетья сливаются в миг,
И бушует лишь звездная вьюга.
Мы — невольники в нашей судьбе,
Всем от века начертано что-то..
Шкаф открою — кричат о тебе
Золотые твои переплеты.

НЕ НАДО

Когда придут обида и досада,
Возьмутся настроение ломать,
Не говорите лишнего, не надо:
Учитесь молча истину искать.
Недалека та истина простая,
Она всегда у ссоры на краю:
Чужую книгу в ярости листая,
Перечитайте в горести свою.

БОЛЬШАЯ РОДНЯ

У идущего к власти — семья,
Дети есть, даже внуки имеются,
И племянники есть, и друзья:
Каждый смотрит в глаза и надеется.
Тут легко ль устоять и не пасть:
Каждый шаг — неусыпное бдение.
Вся родня с получающим власть
Принимает народ во владение.

РАСПЛАТА

В день именин она блистала —
И вдруг, как гибельный свинец,
Ей правда страшная предстала,
В кого стрелял ее отец.
И, недоступная веселью
Отныне раз и навсегда,

Закрылась в комнату, как в келью,
Во имя скорбного труда.
Смотрела в угол, где иконы,
Из сердца вырывался крик,
И видела не лик Мадонны,
А Пушкина ярчайший лик.
Она молилась до рассвета
И видела одно всю ночь:
Убийца целился в поэта,
А попадал в родную дочь.

СТРУНЫ

Я не скрываю, что люблю Россию,
Что русский стих,
Как музыка, во мне.
Горит закат, все ближе вечер синий,
А там и ночь со звездами в окне.
Поют души натянутые струны
Про то, во что я издавна влюблен...
Не осуждай меня, мой спорщик юный:
И ты от русской матери рожден.

ЗАПОВЕДЬ

Не забудь ни в труде, ни в бою,
Крепкой памятью душу порадуй:
Чти отца ты и мать свою —
Долголетие будет наградой.
Каждый сам на планете творит
Жизнь в преддверии Божьего царства.
Вся Россия на этом стоит
И другие стоят государства.

ДЕТИ

Солнцу рады, и деревьям рады,
Рады сказкам, музыке, весне.
Неземная стелется отрада,
Детство возвращается ко мне.
Я стою у райского порога,
Детство колокольчиком звенит...
«Только что пришли они от Бога!» —
Мне отец Владимир говорит.

СВЕТ В ОКНЕ

Сестре Тоне

Снится мне: иду я по Фоминке.
В серых тучах прячется луна.
На кусты крыжовника, травинки

Свет упал дорожкой из окна.
Наклонилась мама у корыта.
Вон отец с газетою в окне.
Я стучусь. А дверь давно открыта —
Славно все устроено во сне.
Разбежались звездочки по небу.
Шумен сад, как много лет назад...
Как давно я на погосте не был,
Где родные рядышком лежат!

ОГОРОДЫ

Когда сойду под сумрачные своды,
Или, как говорят, отдам концы,
Мне снится будут наши огороды
И в лопушистых листьях огурцы.
Воскресну я (врагам да будет пусто),
Приду к тебе и сяду на крыльцо.
Спрошу: «Ну, как живет моя капуста?»
Мне ж надо правду знать, в конце концов!

* * *

Грянул гром. Погода переменчива.
Ночь стоит ненастная в окне.
Самая пленительная женщина,
Может, вспоминает обо мне.
Вспоминает! Вижу, улыбается.
Ах, улыбка милой — не пустяк.
В нежность чувств вопрос ее врубается:
«Уложил ли сено на чердак?»

ЗОРИ

Л. Ю. Мусееву

Наши зори золотом горящим
души греют, радуют сердца.
Милые тургеневские чаши,
Вам я буду верен до конца.
Светлые березовые блики,
Орлицкая тихая вода...
Может, завтра сделаюсь великим,
Вырастет по пояс борода.
Буду, как Толстой, я подпоясан
Или вдруг по-бунински одет.
Назову я ослика «Некрасов»,
Как хотел язвительнейший Фет.
Глядь-поглядь за премией поедем.
В бабочке, как в прежние года...

А еще милей лежать медведем
В тишине дворянского гнезда.

КОРНИ

Ивану Александрову

Говорят, мой прадед куролесил,
А другой се сказки говорил.
Бабушка одна жила в Одессе,
А другой был Киев очень мил.
Я живу, ощупывая корни,
В стороне тургеневских аллей.
И земля родимая просторней,
И страна великая милей.
Стариною сердце разогрето.
Сколько удивительнейших лиц!
По корням добрался до Афета
От поющих фетовских страниц.

* * *

Прибежали к дому ребятишки,
Трос удивительных детей:
«Почитайте что-нибудь из книжки! —
«Из какой же книжки?» — «Из своей».
Сочинил я много, даже очень.
Подобрать стараюсь поскорей.
Надо веселее и короче,
Про цветы, а больше про зверей.
Подыскал. Читаю им. Однако
Дальше вот как двинулись дела:
Подошла ушастая собака
И детей на речку увела.

ПРИМЕТЫ

Время звездам во тьме золотиться
Над рекой, над толпою раки.
Кружит цапля — премудрая птица,
Дождевую погоду сулит.
Полетели в поля куропатки.
А в траве: «Спать пора! Спать пора!
Заблестела роса — все в порядке:
Завтра снова прихлынет жара.

ПОРТРЕТЫ

Мужики с портретов улыбаются
Возле жен под крылышком зари.
Среди них красавцы и красавицы
И, конечно, есть богатыри.

Милые! Родные люди русские!
Трудная и горькая судьба.
Было все: и выпивки с закусками,
До седьмого нота молотба,
Горечь слез большого расставания,
Гром побед, изгнание врагов...
Все теперь на дальнем расстоянии
От родимых пашен и лугов.
Подошло к концу стихотворение.
Вижу их, как рыб за стенкой льда:
Все, уверен, просят повторения
Жизни, улетевшей навсегда.

НАЧАЛО

В. Г. Сидорову

Постою у начала Орла —
У моста, у воды, у причала.
Две реки — два орлиных крыла:
Стариною меня укачало.
И опять исторический сон:
Казачи, мужики, воевода,
Шорох веток, и шелест знамен,
И орел в синеве небосвода.

НОЧЬ

За Окою в сумерках зарницы,
У крыльца дворца всю ночь фонарь.
До утра Димитрию не спится:
Государь совсем не государь.
Глухо шепчет ветер: Самозванец,
Шел бы спать подальше, за моря».
Мошкара ведет веселый танец
В ровном свете звезд и фонаря.

СТАРИНА

Стариною наш город богат,
В каждом камне ее примечаю:
На Посадской увижу Посад,
На Стрелецкой стрельца повстречаю.
На Пушкарной пушкарь с бородой,
На Гостиной купчина усатый.
Смыло всех и не смыло водой,
Зацепились за славные даты.

ИВЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Иверская церковь у вокзала
Сберегла высокую мечту.
Иверская церковь рассказала,
Как в народе ценят красоту.
Устояла в бурях, уцелела.
Вновь моления древние слышны.
Собрало людей святое дело
Возрождение русской старины.

БОТАНИКА

Выгоняли пленных на работу.
Чистили, как генеральский двор.
Вдруг один рванулся к самолету,
И взревел отчаянно мотор.
Улетел к своим!
Земля звенела.
Крылья рассекали небосвод.
Нам про то невиданное дело
До сих пор Ботаника поет.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

На Ильинке часовня была,
Русский князь был в серебряной раме,
Про свои боевые дела
Прихожанам твердил вечерами.
Нет часовни, но князя слова
Так и слышатся в сквере Танкистов,
Потому что Россия жива,
Словно дуб вековой, многолистый.

ИМЕНА

Зинаида Райх и Анна Керн —
Имена, как звезды над Окою.
Я их открываю, как Жюль Верн,
Торопливой, песенной строкою.
И опять Есениным горю,
Пушкин мне — разлив весенней сини.
Я с восторгом строчку повторю:
«Милые красавицы России».

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Он прошел широким шагом
По читающей стране,
По допросным злым бумагам,
По тюремной тишине,
А потом в расцвете, в силе —

По тургеневской земле,
По гостинице «Россия
В славном городе Орле.

П Е Т Р

Вы еще не видели Петра?
Торопитесь! Он спешит в Полтаву.
У него горячая пора:
Надо добывать России славу.
Он сердит.
Он что-то говорит.
Золотой зачем-то вынимает.
Это он орлян благодарит
И малины блюдо принимает.

ЦАРЕВ БРОД

У Царева брода, у Царева,
Где Пожарский вынес тяжкий бой,
Ест траву пятнистая корова,
Небосвод над нею голубой.
Топчет луг копытными ногами.
Ни литавр, ни боевых знамен.
Рыжий месяц с тонкими рогами,
Как теленок, влез на небосклон.

ТЕНИ

Михаила Архангела храм,
А поодаль Василий Великий.
В воскресенье звон по утрам,
Поздно вечером — лунные блики.
В полисадах бушует сирень —
Хорошо постоять у сирени...
Леонида Андреева тень,
Леонида Афонина тень —
Дорогие орловские тени.

ИНСТИТУТ

Упаду я, наверное, ниц
Пёред памятью бабушек милых.
Институт благородных девиц,
Все ты спрятал в холодных могилах:
Смех и говор, и звездочки глаз,
Рук, целованных нежно, мельканье,
Юной силы и веры запас,
И о нас золотое мечтанье.

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

В Орле целует камни лето,
Зима приходит в серебре...
Кадетский корпус, где ты? Гдет?
Ужель на этом пустыре?
Ушли кадеты строй за строем,
Судьбою путь суровый дан:
Кому шагать на Шипку с боем,
Кому на дымный Ляоян.
Кому-то выпала чужбина,
Тоска по Родине до слез...
Сынов народа-исполина
Пустырь угрюмый перерос.

ГОРОДСКОЙ САД

До старины подать рукою:
Шумит, как много лет назад,
Над величавою Окою
Орловский Шредеровский сад.
Скамейки строгого бульвара.
В цвету каштаны. Дуб седой.
Старинный вальс. Кружатся пары.
Идет Тургенев молодой.

МИХАИЛ РОМАНОВ

На улице, в каштаны разодетой,
Балконы дом повыставил, светясь.
По лестнице витой, как раз по этой,
Бывало проходил великий князь.
Борисоглебская: там жил, где дом
со львами.
Гусарским князь командовал полком.
Любил балы и рожи с соловьями,
Любил прогулки долгие верхом.

МАША

Болховская слышит наша
Торопливый каблучок:
Это — Вилинская Маша,
Та, которая Вовчок.
Косы в лентах. Глаз озера.
Приливает к щечкам кровь.
Будет слава очень скоро.
А пока — одна любовь.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

В переулке он жил Соляном,
Над стихами сидел вечерами...
для меня этот каменный дом,

Как увижу, звенит соловьями.
Соловьи прилетели с войны,
С огневого переднего края,
Где к поэту орловские сны
Приходили, до слез обнимая,
Вспоминал он тургеневский сад,
Вспоминал он лесковские рощи,
Встречной девушки пристальный взгляд
И Щепную шумливую площадь.

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Он еще не Феофан Затворник.
У высоких кованых дверей
На него покрикивает дворник:
«Проходите, юноша, скорей!»
Семинарских лии он слышит шумы,
Видит птиц в весенней синеве.
Зреют удивительные думы
В осененной Богом голове.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ

Орел наш северный покоится в Орле,
Стена церковная украшена портретом.
Идет молва, как песня, по земле:
В Орле Ермолов встретился с поэтом!
Великий Пушкин! Свет горячих глаз.
В стихах — солдат, не ведающий страха.
А где-то близко высился Кавказ,
Надвинув гордо белую папаху.

АННА КЕРН

В родном Орле хотя бы тенью
Мелькни среди нашей суеты:
«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты».
Пройди бульваром, сонным садом,
Тропой над Орликом пройди...
Ермолов рядом,
Пушкин рядом
И все бессмертье впереди.

ВАЛЕРИИ ЛЯСКОВСКИЙ

Старика восьмидесяти лет
Знали все от мала до велика.
Александра Третьего портрет
для него ужасная улика.
Где убит? Затеряны следы.
Были дни метельны и суровы.

Как любил он рощи и сады,
Русской сказки царственное слово!

АНАСТАСИЯ ВЯЛЬЦЕВА

Расстилается свет по земле
От имен, что восходят, играя.
Пела Вяльцева, пела в Орле —
Молодая, совсем молодая.
От восторга сходили с ума,
Услыхав колокольчиков звоны...
Это пела Россия сама
Под косой, как под царской коровой.

КУКША

Усекли на заре топорами
Просветителя края. И вот
Он — святой, в раззолоченной раме,
По векам, как по лесу, идет.
На пути утомительно-длинном
Топоры все гремят и гремят...
Убиенные, тоже невинно,
Словно ангелы, следом летят.

СЕРГЕЙ НИЛУС

Скромной пищею насытись,
Шел в архив, как в темный лес,
Монастырский летописец
Предсказаний и чудес.
Не вязал словесных кружев,
Чтил завет святых отцов
И нежданно обнаружил
Клад ужасных мудрецов.

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Жила в Москве, душою на орловской
Родной земле, где пруд в кустах ольхи..
Спросил ее когда-то Маяковский:
«Вы что же? Тоже пишете стихи?!»
Есенин полонил рязанской синью.
С Ахматовой сидела за столом.
Орловский ветер, пахнувший полынью,
Манил в старинный яковлевский дом.

СТ ЕПАНОВКА

Старые деревья, старый пруд.
Свежий ветер веет в поле чистом.
Соловьи Степановки поют,

Лес наполнив щелканьем и свистом.
Ах, каких гостей он принимал,
дом, что нам лишь грезится и снится!
Жил Толстой, Тургенев ночевал,
И была хозяйка, как царица.
А царем усадьбы сам Шеншин —
Остроумный, шумный, бородатый.
Аполлон спускался к ним с вершин,
С ними был с утра и до заката.
Было все: и неустанный труд,
И вставанья рано с петухами...
Соловьи Степановки поют.
Лес звенит бессмертными стихами.

ПРАВНУК ПУШКИНА

Добрый вечер, Григорий Григорьевич!
Вам поклон от друзей из Орла.
Тяжела новостей ваших горечь:
Умерсын, и жена умерла.
Поживите, пожалуйста, долго
Продолженьем великих стихов...
Родословная тянется Волгой
По стене через восемь веков.

ИВАН НОВИКОВ

Счастлив был, как влюбленный
мальчишка.
Власть большую над словом обрел:
«Кто сказал, что Орел — городишко?
Средоточие мира — Орел!»
Все судьба ему вдруг отпустила:
И жену, и цветение сил,
Где Калитина Лиза грустила,
Где потом я с тобою бродил.

ИВАН ПАТЕНКОВ

Как будто из далеких стран
Приехал и стоит у дома,
Товарищ Патенков Иван —
Редактор, член бюро обкома.
Роняет липа белый цвет,
А он Есенина читает...
И никаких обкомов нет —
Душа под звездами летает.

ВЛАДИМИР МИЛЬЧАКОВ

Стонут ветры и плачут дожди,
Но «Разведка идет впереди».

Бьют наотмашь бураны косые,
Но — «Мои позывные — Россия».
Уломали предсмертные муки,
Но растут подмосковные внуки
И у сына — афганская боль,
От отца перенятая соль.

МАКАРИЙ ГЛУХАРЕВ

Жил да был отец Макарий
Над рекою, на горе...
Я стою, как на пожаре,
На бурьянном пустыре.
Воробьев живая стая,
Услыхав вечерний звон,
К просветителю Алтая
Прилетает на поклон.

СВЕТЛО ОТ СВЕЧ

Светло от свеч. Иконы с позолотой
Позвал людей к богослуженью храм.
И хор запел Молитвенное что-то,
Возвысив наши души к небесам.
Родные тени — прадеды и деды —
Прошли, шепча: О, Господи, спаси!»
Я слушаю, как слушал Грибоедов,
Что пели в храмах Киевской Руси.

* * *

Была Россия, как в пожаре.
Церквей рубили купола.
В ту пору был убит Макарий,
Епископ города Орла.
Земля запомнила сырая.
Поднял он к небу грустный взгляд
И тихо молвил, умирая:
«Прости! Не знают, что творят».

ОЛЬГА РОМАНОВА

Ей казнь была в ипатьевском подвале,
Где в муках кончились родные, сестры,
брат.
Потом штыком царевен добивали,
И ей достался яростный булат.
Нашли стихи. Их все читают ныне.
Молясь за палачей, ушла, как сон...
Она была великою княгиней,
Великой и взошла на вечный трон.

БОЛЬШАЯ ЧЕРНЬ

Земля снегами успокоена,
Но в Чернь и в стужу заверни:
«Певца во стане русских воинов»
Поэт дописывал в Черни.
Вот здесь из сумрака туманного
Жуковский видел
Даль в огне
И слушал громы поля бранного,
И стон, и крики при луне.
В усадьбе доброго Плещеева
При оплывающих свечах
Писал и верил:
Рать Кашеева
Рассыплется
И в пух, и в прах.
Ракиты.
Роща.
Тропка узкая.
Девичья песня у ворот...
И тут крылами слава русская
Гремела гордо
В грозный год.

ГОРЫ

Мне орловские горы приснились
В тишине после гулкой грозы.
По Ямской ямщики проносились,
А на Взвозной скрипели возы.
Вспоминается город вчерашний:
Гуси, куры, с дровами дворы...
На Егорьевской — белая башня:
Похвалинскому мало горы.

БУЛЬВАР ТРУБНИКОВА

Глядит бульвар с открытки старой,
В нем память Трубников врубил.
Любил он сумерки бульвара,
Аллеи лунные любил.
Тень губернатора увижу,
Тень губернаторши мелькнет...
Приедет правнук из Парижа,
О старом времени вздохнет.

ОБЕЛИСКИ

Иоанна Крестителя храм,
А вокруг обелиски толпою.
Знаю: где-то затеряны там

И бойцы Бородинского боя.
Хоронили своих и чужих,
Всех в могилу одну опускали...
Сорок третий воинственно лих —
Мы такого согласия не знали.
Разбудили в нас гневный азарт,
Даже к павшим мы были жестоки...
Если жив еще где Бонапарт,
Пусть прочтет эта строгие строки.

ГРАФИНЯ СОФЬЯ

Когда поземка белая кружила,
Когда утрата так была горька,
На грудь поэта розу положила
Графини Софьи нежная рука.
Графиня Софья устали не знала,
Как Фет — орловский звонкий соловей:
Семь раз «Войну и мир» переписала,
Чтоб стали мы добрее и умней.

* * *

Сначала мать явила сына,
Орла — орлиное гнездо.
А уж потом была Полина
С ненашим звуком Виардо.
Бушуют волны лихолетий,
За томом делается том...
Сначала мы отцы и дети,
Все знаменитое потом.

ПОЛ Я

Девочка Поля мне видится в Спасском.
Дочь. Самого знаменитого дочь.
Слушает песни, слушает сказки
И соловьями набитую ночь.
Как ей жилось там в каком-то Париже?
Как вспоминалась российская даль?
Я ее маленькой-маленькой вижу:
Руки в работе, на сердце — печаль.

ТУРИНСКАЯ СВЯТЫНЯ

Книги говорят о Божьем сыне,
Чтоб душа была, как свет, чиста.
Плащаница в городе Турине
Нашим дням являет лик Христа.
Много лет назад варили в масле
диво-ткань. Увы, напрасный труд.
Очертанья Бога не погасли,

И доньне в целости живут
Атеист — враг болтовни и лени
Книгу написать решил о ней.
Написал и рухнул на колени:
Возвратилась вера прежних дней.
Проявил фотограф редкий снимок,
Присмотрелся и оцепенел.
Стал молиться истово, как инок,
Самой страстной верою горел.
Собирались люди от науки,
Протоколы строгие ведя.
Изучали и лицо, и руки,
И следы от каждого гвоздя,
Труд мужей ученых был упорен,
Вывод вызвал общий интерес:
Красок нет, а лик нерукотворен,
Тут скорее — атомный процесс.
Ранами истерзанное тело
По велению свыше ожило,
Через камни призраком прошло
И к престолу Неба улетело.
Всенародной памятью хранимо,
Как он принял тяжкий груз креста.
Словно тень страдальца Хиросимы,
Вечен лик воскресшего Христа.

ЗВЕЗДЫ

Было безвидно и пусто
Там, где мы все родились.
Вспыхнула Божия люстра —
Звезды на небе зажглись.
Каждая — светлое солнце,
Жарких лучей бытие,
Ангелов добрых оконце
В сердце твое и мое.

БУЛГАКОВ

Веру потерял Сергей Булгаков
У орловских храмов на виду.
Как же он и мучился, и плакал
В семинарском пасмурном саду!
Веру вновь в горах Кавказа встретил—
Золотую тропку через рожь,
И опять восторженно заметил:
Как же мир божественно хорош!

ГЕНЕРАЛ КОРФ

Разнесли могилу в пух и прах.
Как-то сохранить сумели кости.

День осенний в ливневых слезах,
Говорим мы речи на погосте.
Мокнут крыши, мокнут тополя.
Скорбное молитвенное пенье...
Вновь прими, орловская земля,
Славный прах былого поколенья.

ГЕРМОГЕН

Русь не рухнет на колена,
Дух великий небом дан.
Патриарха Гермогена
Мне напомнил Иоанн.
Волю церкви
Волей царской
Московиты нарекли.
Вышли Минин и Пожарский,
А за ними все пошли.
Сторонись, чужие страны!
Крепко спаяны сердца:
Все Иваны да Иваны,
И Иванам нет конца.
Нам не надо было драки,
Но ведь Русская земля...
И пошли себе поляки
Вон из нашего Кремля.

СЛАВА

Я смелость уважаю глубоко,
Хоть сам страшусь и молнии, и грома.
Василий Образцов, Иван Санько
Однажды поднялись на крышу дома.
С такой горы увидели Орел,
Такое дело сотворили руки,
Что каждый славу вечную обрел,
Героям позавидовали внуки.
Когда вдвоем крепили красный флаг,
Подставив лица молодые ветру,
Глазам предстал поверженный рейхстаг
За тысячи солдатских километров.

БУРАН

Могила Нсанбаева Бурана
В моем краю. Цветы сюда, цветы!
Ярчайшею звездой Казахстана
Душа Героя смотрит с высоты.
Поля Орловщины,
Холмы, долины, спуски
Встречают с ним и осень, и весну.

Он отдал жизнь за русских и нерусских,
За всех, кто вел за Родину войну.

ДОЧЬ ПОЛКОВОДЦА

М. Г. Жуковой

Не командовала фронтами,
Даже взвод не вела за собой:
Приставала с вопросами к маме,
Когда шел он из боя в бой.
Шел полями, залитыми кровью,
Две столицы от смерти спас.
Ну, а к ней только с нежной любовью,
С добрым светом отцовских глаз.
Гладил волосы ласково: «дочка!»
На руках относил к жене...
Эти руки поставили точку
В самой-самой большой войне.
А теперь она выступает,
Все о нем говорит, о нем.
Оборону врага ломает,
Наступает и крушит огнем.
И опять победное знамя
Видят воины всех застав,
И встают полки за полками,
Голос Маршала услышав.

ГОРА

Памяти В. Д. Костромичева

Внизу струится Оптуха красиво,
Как будто кто ее нарисовал.
Была тут крепость вроде Новосия:
Колодец цел и даже виден вал.
Копали тут Полибин, Максимовский.
Коров Залида гонит на заре.
И грустно мне: я — краевед орловский,
А ничего не знаю о горе.

РАКИТЫ

Стоят толпой ракиты —
Грачей горластых кров.
На ферме деловито
Собрал пастух коров.
Весь день у белой башни
Гудит моторный век.
А рядом век вчерашний
Грустит, как человек.

КАРТОШКА

А знаете? Картошка зацвела!
Дожди недаром гладили по спинке.
Еще вчера невидною была,
Теперь цветы белеют, как снежинки.
Не зря ее опахивал сосед,
За труд бутылку горькую приемля:
Шел за сохой, до пояса раздет,
Босыми пятками утаптывая землю.

ПОД ШОРОХИ ЯБЛОНЬ

Под шорохи яблонь и громы телег
Читаю в тени за амбаром:
«Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам».
Иду и пою в колосистых полях,
Слезами душа закипает:
«Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает».
Война. От избы головешки чадят.
Но песня во мне остается...
Доныне, Россия, тебя не щадят
За то, что народ не сдается,
За то, что забыть не желает никак
Горячие дни Сталинграда,
Амурские волны,
Андреевский флаг
И щит на воротах Цареграда.

ПАТРИАРХ ТИХОН

Тихон был совсем не тихий.
Видал: Русь попала в плен.
И давай работать лихо,
Как великий Гермоген.
Встал, народ прикрыв собою,
Сам ничем не огражден...
Нет, не вышел он из боя
В смуте нынешних времен.

КУПОЛА

Давние сказанья и поэмы
Для ума и сердца воскреси.
Купола, как воинские шлемы,
Охраняли святость на Руси.
Умолкали распри и раздоры,
Затихал страстей водоворот.
Собирали русские соборы
Светом православия народ.

ЮЛИЯ ВРЕВСКАЯ

Открывает нам даль деревенская
Красоту среднерусских полей,
И встречает нас Юлия Вревская
В старом парке усадьбы своей.
Молодая, красивая, смелая,
Как в былые свои времена,
В белом платье, как облако белое,
К нам идет по аллее она.
Старый Мишковский парк не обидится,
Не посетует даль деревень,
Что в Болгарии тоже увидится
Нашей Юлии милая тень.
Молодая, красивая, смелая,
Как у нас над Сосною-рекой...
Город Бела, как облако белое,
Бережет ее вечный покой.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Как поеду в края хотынецкие,
Захочу под сосной постоять:
То нашествие вспомню немецкое,
То французов разбитую рать.
Залюбуюсь я утками дикими,
Где река, извиваясь, бежит.
Дуб-красавец с Ивана Великого
О Тургеневе мне прошумит.
Отыскать бы свидетеля хмурого,
Чтобы он рассказал не тая,
Как сюда из-под города Мурома
Вдруг пожаловал славный Илья.
Не поведает куст мне ракиновый,
На каких зоревал он холмах,
Где дрожала земля под копытами,
Где сидел Соловей на дубах.
Там, где птицы теперь хороводятся
И деревня глядит на простор,
Победил наш Илья и, как водится,
Прибыл с пленным на княжеский двор.
За дорогу сумел сагитировать,
Будто душу иную вложил.
Не будил больше мир Будимирович,
А Владимиру честно служил...
Выбрал келью Илюша для старости,
Меч оставил, простился с конем.
Вспоминал молодецкие шалости,
И легенды явились о нем.
Русь родную с холмами, равнинами,
Городами он знал на зубок.

Бородою оброс и былинами
Русский витязь, монах Чоботок.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Эта ширь — души моей основа.
Путь-дорога стелется, пыля.
Здравствуй, поле,
Поле Куликово,
Грозная и милая земля.
Не гремят мечи, не свищут стрелы.
Не слышать Боброка и Бренка...
И плывут в спокойные пределы,
Будто бы играя, облака.
На березах — ликованье света.
Но видна и в прорезь ивняка,
Словно бурка, схима Пересвета,
Бравого монаха-земляка.
И моя здесь выкована доля,
Путь наш славой предков озарен...
Русская раскованная воля
Бьет крылами ветров и знамен.

СТРОКА

Изящно-нежная строка
Пришла, пройдя через века,
К потомкам. Там ее спросили:
«Тебя сработал ювелир.
Вся в жемчугах пришла на пир.
Но что ты скажешь о России?»
Строка, строга и холодна,
Стояла, дум своих волна,
И ничего не отвечала.
Потомки молча мимо шли
Туда, где плыли журавли,
Жалейка жалобно звучала.

НА ШИПКЕ

Постою над каменной плитой,
Помолчу в томительной печали.
Там лежат елецкие, под той
Удалые брянцы замолчали.
Хор возносит к небу имена
Россиян, что смертью храбрых пали
За тебя, славянская страна,
За твои сияющие дали.
Вижу имя города Орла,
Где парят орлы и свищет ветер...
На сто верст сияют купола,
Золотом горят на сто столетий.

* * *

Душою, с детства озаренной,
Рад повторить в краю любом:
«У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том».
Без этой сказки сердце чахнет,
Как вянет в изморозь трава:
«Там русский дух! Там Русью пахнет!»—
Какие дивные слова!
Я, на портрет поэта глядя,
Живу с ним рядом на земле...
Антип Катанов, мой прапрадед,
Его
увидеть
 мог
 в Орле!

КАМЕНСКИЙ

В тишине орловской, деревенской
День стоит от солнца золотой.
Николай Михайлович Каменский
Крепко спит под каменной плитой.
Был он знаменитым генералом,
Есть о нем в истории строка.
По альпийским горным перевалам
Шел он в бой под знаменем полка.
Зоркий ум и удаль молодая,
Неподкупна совесть и чиста,
Вел солдат он, кликом окрыляя,
По пролету Чертова моста.
Не его ль отцу, чей грозный нор,ов,
Что беды нечаянной обвал,
Написал в Сабурово Суворов:
«Юный сын Ваш — старый генерал!»
Был грозою шведским генералам,
Был пашам турецким злей беды.
Вел солдат по новым перевалам,
Нес весну в болгарские сады.
И от Бухареста до Белграда
Шла о нем высокая молва.
И в душе, как высшую награду,
Он берег Суворова слова.
Допоздна просиживал над картой,
В буре боя устали не знал...
Говорят, агентом Бонапарта
Был отравлен храбый генерал.
Горевал Кутузов о Каменском,
Хмуро в даль дорожную глядел.

В стороне орловской, деревенской
Били пушки, колокол гудел.

ЕВГЕНИЙ СОКОЛ

А. Е. Венедиктову

Весна березы распирала соком,
Поля в испарине лежали, как в дыму...
Шел по земле поэт Евгений Сокол.
Кому известен он?
Да никому.
Забыты его радости и беды,
Нигде его стихов не издают.
Лишь только в добром сердце краеведа
Его судьба
Найдет себе приют.
Он счастлив был в Москве
В тот день весенний,
Когда апрель
Над миром голубел,
Когда стихи
Дарил ему Есенин,
Да так дарил,
Как только он умел.
Хвалил за душу русскую большую,
Свою ему
Распахивал, как сад...
Приеду в Волхов,
К дому поспешу я,
Где Женя жил
Сто тысяч лет назад.

МЦЕНСК

Памяти С. Ф. Соловьева

Я слышу цоканье подков:
Опять татары, не иначе...
В любом нашествии врагов
Ты доброй меткой обозначен.
Твоя история не спит.
И вновь звучит, как встарь звучала.
И танк, как памятник, стоит —
Гремучей гвардии начало.
Родная гвардия моя,
Твой путь к победе был неистов.
Ты, как гремучая змея,
Смертельно жалила фашистов.
О, город храмов и садов,

Отсюда в Спасское спешу я...
В тебе и цоканье подков,
И нежный трепет поцелуя.

* * *

Жил и я, как одержимый,
По-газетному кричал.
Славил новые режимы,
А былые обличал.
Был и я, как заведенный,
Как на резвом скакуне.
А теперь иду с поклоном
К стародавней старине.
Барды новые в экстазе
Славят миф со всех сторон...
И Отрепьевы из грязи
Поднимаются на трон.

БАЛЛАДА О ЦЕНАХ

Запахло обстановкой грозовой.
Стою и думаю под хмурым небосводом:
Не беспредел бушует ценовой,
А лютый враг пошел на нас походом.
Год сорок первый,
Сорок первый год
Опять пошел крушить мои заставы.
И черный ворон ворона зовет
Пить нашу кровь в полях российской

славы.

О, цены, цены! Пухнет голова
В чаду очередного повышенья.
Внимание! Передает Москва:
Войска попали наши в окруженье!
Все выше ценник масла и колбас.
На рыбу глянули старушки —

зарыдали..

Вчера фашисты вышли на Кавказ.
Взят город Минск. Смоленск врагу

отдали.

Конфеты недоступны детворе,
А шоколадки вовсе незнакомы,..
Гудериан сегодня на заре
Взял древний Брянск
И движется на Кромь.
Вчера был праздник и салют гремел.

Сегодня небо хмурится сурово.
Чужие танки заняли Орел,
Под Мценском рвут заслоны Катукова.
Нет, не во сне ужасном — наяву
Проезд и газ взвились до небосвода...
Вот-вот начнет сражение за Москву
Великий маршал русского народа.

РУСКОЛАНЬ

Платим мы страданиями дань
За блужданья долгие в тумане.
Вот была, к примеру, Русколань.
Стал разброд,
Не стало Русколани.
Побежали волки по Руси,
Навалилась смертная усталость...
Господи! Помилуй и спаси
То, что от величия осталось.

СВЯТЫН И

Храм на горке цел наполовину,
Чуждым звуком взломанная речь...
Берегите русские святыни.
Знайτε: больше некому беречь.
Тонет даль лазоревая в дыме.
Еле песня русская слышна...
Берегите Шолохова имя
И другие наши имена.

ТРЕВОГА

В подворотнях, среди площадей
Сатана убивает людей.
Сладко стелется дым голубой.
Наркомания. Пьянство. Разбой.
Ох, уж эта пора перемен
С безработицей, взрывами цен...
Без войны, без особых хлопот
Убивают великий народ.

ВОПРОС

Где б нам, как в юности, послушать,
Поманив минувшее рукой:
«Расцвели яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой»?
Как мне грохот перекрыть московский,
Накаляя гневом провода:
Жил ли где писатель Исаковский?
Может, он и не был никогда?

Где России песенная слава?
Тоже понавешали собак...
Может, Исаковский — Окуджава?
Или сам великий Пастернак?

РОБЕСПЬЕРЫ

Сорвало державную плотину:
Кровь людей пьянила, как вино,
И поэты пели гильотину,
Возле церкви веяли зерно.
Вот назад качнуло в лоно веры,
Написались новые стихи,
Взяли свечи в руки робеспьеры
И пошли отмаливать грехи.

ШАХТЕРЫ

Шумит Москва. Поют моторы.
Пируют новые папы.
Стоят угрюмые шахтеры
У белокаменной стены.
В Кремле проходят заседания.
А тут — позор моей стране —
Зарплаты ждут, как подаянья,
За труд в кромешной глубине.

ПИРОЖОК

Кто-то кинул кусок пирожка,
Мужичок-инвалид поднимает...
Навалилась на сердце тоска,
Всю политику жизни ломает.
И мне слышится в этот момент
Нарастающий гул революций,
М в отставку летит президент
Со своей конституцией куцей.

НАБАТ

Вспомни нашу историю, брат:
В ней спасение Родины, в ней!
Что ни имя, то грозный набат,
Поднимающий к солнцу людей.
Не терзай свою душу тоской:
Зря ликует продажная гнусь...
Бродит Сергей с дорожной клюкой,
Собирает великую Русь.

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

Собирали князья и цари,
Все Отечество нам собирали.
Что ж ты, русское сердце? Гори!
Неужель тебя в лед заковали?
Полыхни над вершинами гор,
Посвети на дубравы и степи,
Чтоб сгорел беловежский позор
И по ветру развеяло пепел.

КАЗАКИ

Г. А. Агаркову

Мне видится конник в атаке,
Воитель за землю свою...
Куда подевались казаки?
А были ведь в нашем краю.
С татарами бились геройски
И вздрагивал гордый Гирей,
Завидев бесстрашное войско
Вдали от лазурных морей.
О, рыцари дикого поля,
Бессонная стража Орла,
Не ваша ли дерзкая воля
В характере предков жила?
Не вы ль слободою Казачьей
Селились на речке Сосне?
Не вашей ли кровью горячей
Алеют цветы по весне?
Преданьем, легендою, сказкой
Умели вы душу зажечь...
На улице, верю, Черкасской
Жива Запорожская сечь.
Вас помнят и Болхов, и Кромы,
И Мценск, и фоминская степь,
Где слышал я первые громы,
Где вырос и духом окреп.
Под небом раздольного края
Несметная сила видна.
Казачья душа золотая
России и Богу верна.

КОВЕР

З. М. Кириенко

Я слышу великие звоны,
Рванулась душа на простор:
Наталья из «Тихого Дона»
Берет люберецкий ковер.

Событие наделало шороху,
Становится тесно словам:
Сам Шолохов, Шолохов, Шолохов,
Как степью, прошел по коврам.

* * *

Я слышу: «Русская красавица».
Я слышу: «Русский богатырь».
И слово к сердцу прикасается,
Родную высветило ширь.
Рев мотоциклов. Оккупация.
В отцовской хате немцы пьют...
Сильна терпеньем наша нация
И верой: «Русские придут!»

ПАРАД

Дорогое видение мне —
Маршал Жуков на белом коне
И знамена чужие у ног
После долгих и трудных дорог.
На раскол, на разброд, на разлад
Выпускай, моя память, парад,
Чтоб скакал и скакал по стране
Маршал Жуков на белом коне!

ДУМЫ

Шелест листьев и стрекот сороки,
Груз печали и радость любви —
Все войдет в торопливые строки,
В сновиденья и думы твои.
Поспешి рассказать откровенно,
Что пришло и случилось с тобой.
Одиночества серые стены
Поломаешь упругой строкой.

ОДНАЖДЫ ВЕСНОЙ

В. А. Фролову

Какая пища разговорам!
Кому-то сад,
Кому-то ад.
Артист, гонимый режиссером —
Российской Думы депутат!
Кому-то здорово не спится,
Грызет глаза вчерашний дым...
А над Орлом ликуют птицы
Под русским небом голубым.

ПТИЦЫ

О чем рассказывают птицы
В саду за хатой вразнобой?
Наверное, о загранице,
Где сроду не были с тобой.
Где море есть и много парков,
В лазурных водах спит рассвет,
И некто с именем Петрарка
Лауре дарит свой сонет.

ГРОМ

Гром над горою грохочет,
Сполохи в далях полей.
Вороны гибель пророчат
Родине милой моей.
Как при царе Михаиле,
Смуте уняться веля,
Встанет ли в славе и силе
Русская наша земля?
Верю, что сильными будем,
Выйдем, победу трубя,
Если мы, русские люди,
Не растеряем себя.

ДВЕРЬ

Горит пожар в пучине мирозданья,
Вселенской муки ненасытный зверь.
Та казнь близка. Но ближе покаянье.
Спеши! Спеши в распахнутую дверь.

ХАМ

Жил хам. Кипела ярость в хаме
На горе классовым врагам.
Он посрывал иконы в храме
И кинул колокол к ногам.
И после долго кипятился,
Карьеру подлую творя.
Но день пришел — и воротился
Он в лоно высшего Царя.
Была кончина негодяя
От пьянства мутного горька...
К Престолу ангел нес, рыдая,
Шальную душу дурака.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА

Памяти О. П. Власовой

Ольге Павловне Курские улицы
Были все, как родительский дом.
Вспоминая, до слез разволнуется:
«Тут, бывало, держали коров.
Были парни в работе умелые,
Не спешили к дверям кабака.
А девчата, что яблоки спелые,
От парного, видать, молока».

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА

В Орле входила к раненым в палаты,
И становилось каждому светлей.
«Спасибо, мать», — шептали ей

солдаты —

Косцы лугов и пахари полей.
Урал. Святое сердце в шахте билось
В одну из самых горестных ночей.
За всю Россию бедная молилась,
За всю, как есть — от жертв до палачей.

АЛЕКСАНДР ГОРБАТОВ

Александр Горбатов был гусаром
С пикой, шашкой, на лихом коне.
В сорок третьем навестил не даром
Дом, который корчился в огне.
Догорала старая казарма.
Шли вперед победные войска.
Обнимала душу командарма
О сгоревшей юности тоска.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Живет в работе с перёгрузками.
Машину водит. Пьет вино...
Ему: «Вставайте, люди русские!»
Гремит военное кино.
Случись опять — обнимет сына
И, обретя суровый вид,
Доедет в танке до Берлина
Или под Ливнами сгорит.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

Ю. В. Паикову

От нарядной улицы московской
до смоленских пасмурных полей
Михаил Василич Исаковский
Был услышан Родиной своей.
Манит, манит песенная стая
И теплыню душу обдает
Где шумит пшеница золотая,
Где простая девушка живет.
Не забыть, как желтый лист качался,
И простор туманом был одет,
Как с последней осенью прощался,
Может, самый песенный поэт.

БЕЛАЯ РУСЬ

Беларусь — это Брест и Полесье,
И жалейки жалеющий звук.
Я люблю ее тихие песни,
И цветы, и березы вокруг.
Был в Ольшани ее, как в Альшани,
Где впервые увидел рассвет.
Видел Неман в молочном тумане,
Был стихами Купалы согрет.
Вспоминаются добрые строки,
С ними доброй душою сольюсь.
Вижу в лебеде я и в сороке,
В каждом аисте Белую Русь.

БРАТ

Вышли звезд космические рати,
Лунный свет дороги озарил...
Все о брате, все о младшем брате
Валентин Гагарин говорил.
Быстро время, помнится, катилось,
Ночь брала решительно в кольцо.
А во тьме светилось и светилось
Всем векам открытое лицо.

УКРАИНА

Украина — Шевченко и Гоголь,
Звон цымбал, зовы нежные глаз.
Это — степь и в величии строгом
На коне с верной люлькой Тарас.
Наблюдаю, как будто с горы я:
На Кромской собирают возок.
Наш Орел покидает Мария,
Скоро станет великой Вовчок.
Ночь пришла, и природа уснула.
Только Гоголь уснуть не хотел:
Космонавт, по прозванию Вакула,

В Петербург на заданье летел.
Хоть у беса коварны привычки,
Сыновья Украины хитрей:
Он сумеет достать черевички
Для желанной Оксаны своей.

ДАРЬЯ

Встала, задумалась Дарья
С тихой печалью в глазах:
Край керосиновой гарью,
Черным мазутом пропах.
Стала усердно молиться
Лицам святого угла...
Радость в ворота стучится,
Гривою конь золотится,
Нефть с огородов сошла.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Речка малая, забитая
Вышла вдруг из берегов.
Заходила под ракетами,
Над просторами лугов.
Все препоны пересилила,
Применив упорный труд...
Как по морю, морю синему
Гуси-лебеди плывут.

* * *

Тополями в рассветном тумане
Незабвенные тени встают.
Вновь поют петухи на Альшани,
А у речки гармони поют.
На Фоминке такое творится...
Гром тележный стоит у крыльца.
В сад опять прилетела жар-птица...
На войну собирают отца.

ФАК ЕЛ

С факелом носился по деревне,
Выполнял старательно приказ.
Сразу стали черными деревья.
Дом, как факел, вспыхнул и погас.
Все рвалось, горело и дымилось.
Ветер серый пепел раздувал...
Мне недавно в городе приснилось,
Как бежали прятаться в подвал.

У ПОРОГА

Он стоял у нашего порога
С черепом на черном рукаве.
Танками гремевшая дорога
Уводила ворога к Москве.
Но была дивизия разбита,
И позором кончился поход...
Внук его приедет деловитый,
А могилу деда не найдет.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы песней начат —
Расступилась тишина:
Ветеран поет и плачет,
Вспоминает имена.
Обелиски с именами
В каждом городе стоят.
У него под сапогами
Те дороженьки скрипят.

ВСТРЕЧА

Встретились два друга, обнялись.
И сдружила гарь пороховая.
Будто бы две речки полились,
Два горячих сердца обнимая.
Приутихли старые к утру,
Наступило время расставанья...
И остался каждый на ветру
Ворошить костер воспоминанья.

ЗВЕЗДА

Я вижу, под звездами стоя,
Как тени скользят за селом:
Московскую школьницу Зою
По снегу ведут босиком.
В петле умирает...
«Святая!» —
Рыдая, кричат провода.
В полнеба горит золотая,
Ее молодая звезда.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Песня старая упорно
Держит, как в плену:
«Свистал ворон,
Свистал черный,
Свистал на войну»
Две войны отец изведал
Ворону вослед.

Были беды и победы,
Больше было бед.

* * *

Старинная книга открыта...
О, время светелок и свеч!
Из слов, что давно позабыты,
Сплетаю красивую речь.
И мир мой становится краше
В сиянии давнего дня...
«Сударыня! Милости вашей
Прошу. Полюбите меня».

ГУСАРЫ

Забываю говор пустозвонский...
Раздвигают сумрачную мглу
Пьер Безухов, и Андрей Болконский,
И Наташа наша на балу.
Были шведы. Сплыли, как татары.
Жгут французов русские снега.
Засверкали саблями гусары — Родину спасают от врага.

УРОК

На уроке истории снова
О Кутузове слышится слово,
О нашествии подлом врага.
Поднимаются русские люди,
Собираются русские люди.
Алой кровью пылают снега.
Кровь крестьянина,
Кровь дворянина,
Кровь Отечества храброго сына,
Иноземца постылую кровь —
Все в себя наше поле впитало,
Ни обиды, ни гнева не стало...
Лишь не меркнет
К России любовь.

ПЕРСТЕНЬ

Марии Ивановне Есениной-Конотоповой

Было веселье веселий
Свадьба в селе на Оке.
Вдруг появился Есенин
Перстень горит на руке.
Сердцем и щедр он, и жарок —
Гений великой Руси:
«Вот тебе, Маша, подарок!

На, дорогая, носи.
Помни царя и Царицу,
Помни великих княжон».
Был за стихи в столице
Перстнем пожалован он...
Перстень лежит на ладони.
Минуло много лет.
Слышит: поют гармони.
Видит: пирует поэт.

ЧЕСТЬ

Офицер, от счастья розовея,
Поспешил соседа оглядеть:
«Боже мой! Я, кажется, имею
Честь с Иваном Буниным сидеть!»
Встал худой, порывистый, как сокол,
Гордая, несломленная прыть:
«Честь имею более высокой —
С русским офицером говорить».

РУСЬ

Нетороплива и застенчива,
Проста, умна и горяча,
Добра, отважна и доверчива,
Она не сгинет от меча.
Такой была,
Такой останется
Под зорекрылой синевой.
К мечу рука ее потянется,
Когда гроза над головой.

СЛОВО

Памяти Н. Н. Рубцова

При мне прошли его земные дни.
Могли бы встретиться — не свиделись
ни разу.
«Россия, Русь! Храни себя, храни!» —
Парит строка превыше гор Кавказа.
Превыше всех неизвестных высот
Со словом Русь» повенчанное слово:
В нем Игорь собирается в поход,
Гремит мечами поле Куликово.

ФАРМАЗОНЫ

Жили-были фармазоны,
Тайну прятали в кусты.
Не молились на иконы,

Не смотрели на кресты.
Чтоб стране не разориться,
Не сойти в кромешный ад,
Посылала к ним царица
Офицера и солдат.
Вылезали из клоаки,
Жили вновь по старине.
Монархические знаки
Полыхали на спине.

РОК

Москва. Народное восстание.
Толпа, как буря, все густей.
Вестей тревожных нарастание
И ожидание вестей.
Рок для истории выхватывал
Из мрака в страшные часы
Лицо худое Хасбулатова,
Руцкого пышные усы.

ШУБА

В листопад скатилось лето.
Стужей веяла пора.
Для Верховного Совета
Шили шубу мастера.
Так надежно приодели —
Жарко стало, кровь рекой...
И по всей стране запели:
«Со святыми упокой!»

КАЛИТКА

У калитки брошена открытка,
Не открытка — осени листок.
Задрожала бедная калитка
От гремящих выстрелами строк.
Вспомнились трибуны, толпы, речи,
Танки, окна черные, тела...
Загорелись памятные свечи,
Ночь на поле русское легла.

* * *

Приснилось мне: играют снова гимн
Великого Советского Союза.
Нас, говорят, попутали враги:
Реформы — ложь и вредная обуза.
Оказан всем трудящимся почет,
Разбиты мафиозные структуры,
И самогонщиц взяли на учет,

Ввели на ругань строгую цензуру.
Пошла на понижение пляска цен,
Нашлись дешевле и продукты, и товары.
Дождались люди добрых перемен,
Бездельники не топчут тротуары.
Народ страну правит, как монарх.
Салют рассыпал звезды в нашем небе...
И служит, служит, служит патриарх
В соборе главном благодарственный молебен.

НЕЗНАЕМЫЙ ЛЕС

И зашли мы в неизвестный лес —
Только свисты из темного дола.
Исторический грянул процесс
Грабежи, кутежи и расколы.
Где-то слышится «С Богом! Ура!»
Где-то в плен побежали сдаваться...
Ложь проворно сбегает с пера,
Снова учимся правды бояться.

ПИРАТ

Искал сокровища. Нашел. Ликуй, пират!
Сверкает золото. Играют самоцветы.
А он стоит, ни капельки не рад,
Как будто прилетел с иного света.
У ног его тонули корабли,
И целый мир вставал стеною плача...
Отдал бы все сокровища земли,
Чтоб жизнь свою, вернув, переиначить.

ВЫБОР

На Русь творящие набег
Еще пожнут плоды разбоя,
Еще найдут горячий снег
И лето с огненной дугою.
Свободу исстари любя,
Страна горела не сгорела,
Поскольку выбрала себя
И выбор выстоять сумела.

ЛИСТЬЯ

Вспыхнуть зелено почки хотят
На ветру соловьиного мая.
Прошлогодние листья хрустят
Под ногами, печаль вызывая.
Ни теперь, ни потом, никогда
Их красе не дано повториться...

Так и наши сгорают года,
Оставляя нетленными Лица.

КЛИМ

Белый цвет роняет липа.
Речка. Луг. Костровый дым.
У прапрадеда Антипа
Был отец — Катанов Клим.
И пахал он, и косил он,
От простуд лежал в огне...
Что-то думал о России,
Что-то думал обо мне.

РИГА

В.И. Ильину

Вижу Балтику. Сосны и море.
Набегает на камни прибой.
Белый парус плывет на просторе,
Тает-тает в дали голубой.
Раскрывается древняя книга,
О былом за рассказом рассказ.
Обнимает красавица Рига
Синим светом улыбчивых глаз.
Я стою. Я в смятенье великом.
Анна Керн распахнула окно.
Русский витязь, решительный Пикул
Пишет золотом.
«Было давно...»

УТРО

Где-то река Брамапутра,
Рейн в дымных зарослях труб...
Тихо на Оптухе утро
Будит березку и дуб.
Все на земле не случайно
В нашей, не нашей поре —
Даже обломок комбайна
Красный на белой горе.

ГНЕЗДО

Зима не вяжет узорочья,
Не стелет снежную постель.
Гнездо громадное сорочье
Качает клен, как колыбель.
Окно сосульками не плачет,
Весна смеется за окном.

Гнездо в листву она запрячет
И всех, кто выведется в нем.

ЗВУКИ

Музыка льется и льется,
Слушать готов, не дыша.
Пьет и никак не напьется
Полная света душа.
Розу душистую в руки,
Веру в добро, в благодать
дарят небесные звуки...
Как же мне ваши назвать?

* * *

Все вспоминаем гром большого боя,
Все вспоминаем павших имена...
Литва! Литва! Что сделали с тобою?
Зачем меж нами выросла стена?
Неужто будем, в братстве разуверясь,
Творить расцвет торгашеских идей,
Где шла в пилотке Соломея Нерис —
Земли литовской звонкий соловей?
Не лето золотое, злую осень
Нам беловежский заговор принес:
У нас отнял страну балтийских сосен,
У вас — страну есенинских берез.

КРЫГИ

В каждом весеннем миге —
Схватка воды с огнем.
Вышли на берег крыги
И остались на нем.
Жаркое солнце плавит
Лед и покров снеговой.
Мокрое место оставит
И приоденет травой.

ОЗЕРКИ

Густая рожь звенит колосьями,
Степные шири узнаю.
Все городское мы забросили
В елецком, бунинском краю.
Тут все простое и великое:
Деревня, поле, огород.
Луна, любуясь юной Ликою,
Как в годы Бунина, встает.

ЧЕРТОПОЛОХ

Собачий брех не так уж плох:
Полают моськи и отстанут.
Вредней родной чертополох,
В его соседстве корни вянут.
Чертополох никчемных слов,
Пустых похвал и обещаний...
Плывешь, не зная берегов,
В холодном, мертвом океане.

ВОЛК

Однажды волк, передувив ягнят,
Подумал, что за грех не отмолиться.
Пошел к хозяину: «Давай мириться,

брат!

Хочу с тобой навеки помириться.
Подпишем важный общий документ.
К чему вражду затевать нам снова?
«Уйди! Ты сер, а я, приятель, сед», —
Раздался голос дедушки Крылова.

ТЕНИ

У тихой речки бьют ключи,
Пичуга пьет, присев на камень.
Весь день работают грачи,
Кружа над темными садами.
Не видит тот, кто духом нищ,
Да слишком строгая наука,
Как тени сходят с городищ
На помощь правнукам и внукам.

КУРЫ

Был мороз. Темнели дали хмуро.
А теперь сплошная благодать.
Клювы наострив, гуляют куры,
Вышли куры зерна собирать.
Знают дело умные хохлатки:
Вот кому — похвальные стихи!
В государстве птичьем все в порядке,
даже не дерутся петухи.

НАД ВОДОЙ

Обернусь я ко льдинам плывущим,
Загляжусь на румяный рассвет.
Много пьющим и хрипло поющим,
Часто врущим внимания нет.
Где-то там намечается драка...
У гусей же заплыв золотой:

Белолобая смотрит собака,
Не насмотрится с горки крутой.

ЗА ХОЛМОМ

Не само исчезнет наважденье.
Верю: постарается народ.
И святое солнце возрожденья
Над любимой Родиной взойдет.
На свою сторонку перетянем
Всех живущих занятым умом...
Русская земля за шеломянем,
Русские герои за холмом.

УЧЕНЬЕ

По Руси расстилается запах
Дорогих иностранных духов.
Отдают нас в ученье на Запад,
Очищают от русских грехов.
Очищаясь, народ мой помыслит
Под завистливым взглядом косым:
«Кто ж наставников наших очистит
От летящих в века хиросим?»

РЫНОК

Чтобы головы были целей,
Мы начальство не очень ругаем.
Валим все на покойных царей,
Новым новые гимны слагаем.
Любим тех, кто сидит на коне,
Под конем замечаем едва ли...
Слишком долго по сходной цене
На базарах людей продавали.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Нет корней — ни радости, ни боли.
Где искать забытую семью?
Травы перекачивает поле
Через спину потную свою.
В памяти истаивают лица,
Время гонит бешеных коней...
Трудно хоть за что-то зацепиться,
Если нет ни почвы, ни корней.

ДИСК

Выйдут из серебряного диска,
Город наш без выстрела возьмут.
Помечтать нельзя будет без риска,

Мысли с расстояния прочтут.
Все за нас обдумают заране,
В душах каждый выправят изъян.
Станет ясно: инопланетяне
Все пошли от наших планетян.

ЧАСЫ СВЯТЫЕ

Сам Бог к тебе спускается с вершин
В часы святыя творческого взлета.
От слова к славе вышел славянин
Через дела достойные почета.
Не зря слагал он сказки у костра
И с песней шел по жизненным дорогам.
У славы совесть — старшая сестра,
Наставница, ниспосланная Богом.

ЖИЗНЬ

Мы всегда перед выбором, дети,
Белый ангел у каждых ворот.
Жизнь земная пройдет — не заметим,
Жизнь иная вовек не пройдет.
Мы идем по годам, выбирая
Верный путь,
Верный тон,
Верный звук.
Есть сиянье пречистое рая
И костры нескончаемых мук.

СОВЕСТЬ

Трубит заря в пастуший рог,
Гроза вдали рокошет строго.
Я знаю: совесть — это Бог.
Всегда ли мы во власти Бога?
Горит зарей, гремит, как гром,
Сверкает молниями совесть...
Не скроюсь в роще за бугром,
В пучине моря не укроюсь.

КОСА

Я правду века не нарушу:
В лучах раскованной зари,
Как луг, выкашивали душу
Лихие наши косари.
То лихолетье отлетело,
В ходу иные словеса.
Но не валяется без дела
Неутомимая коса.

РУСЬ

Откуда мы? Наверное, от рек.
Селиться Русь любила над водою.
И я люблю. Я — русский человек,
Хоть не хожу, как дед мой, с бороною.
На белые березы загляжусь,
На бег ручья,
На солнечные дали...
Полна грачей ракиловая Русь,
Душа полна восторга и печали.

ПОЭТЫ

О, поэты великого Рима
И Эллады, не знавшей оков!
Сотворенное вами хранимо,
Стало бронзой и камнем веков.
Мир прошли легендарные русы,
Море сказок сумели сберечь.
Даже древние знали индусы
Песню русскую, русскую речь.

* * *

О, время Кантемира,
Сподвижника Петра!
Искал он радость мира
От Прута до Днестра.
Те корни — не игрушки,
Истории дары.
Недаром славил Пушкин
Цыганские костры.
Шагаю по бульвару.
Повеяло весной:
Поет Софи Ротару —
Молдавия со мной.

ЖИЛИ

Жили войной и охотой,
Буйным весельем дворцов.
Ныне иные заботы
Правящих взяли в кольцо.
Встречи, переговоры,
Долгих речей череда...
Песен своих мушкетеры
Им не споют никогда.

ЦЕПЬ

Безбожий дух внедряли в школе.
Дух директив, как кнут, свистел...
О Пасхе, Троице, Николе
Народ забыть не захотел.
В день Рождества,
В день Покрова ли
Царила в доме благодать...
Большие люди цепь ковали,
Хотели душу заковать.

СИЛА

К. А. Ананьеву

Тайная добрая сила
Мир отбирает у зла,
Сделала море красивым,
Звезды на небе зажгла.
Не разгадать,
Не измерить,
Сколько там книг ни пиши.
Просто придется поверить
В существованье души.

ВЕТО

Зябко. Душа раздета.
Звук заповедный стих.
Знать, наложили вето
Власти на русский стих.
Гонит эфир московский
Память мою на распыл...
Помню, что был Твардовский,
Помню, что был Исаковский.
Помню! Есенин был!

КНЯЗЬ

Со стены глядит Чайковский,
Строгой вечностью храним,
Как народом Хворостовский
Правит пением своим.
Поле стелется широко.
Колокольчик у ворот.
Русский князь державным оком
Озирает свой народ.

ДАРЫ

Старины бесценные дары
Я буквально чувствую зубами.
Степь стелила пышные ковры,
Лес шумел широкими дубами.
Соловьи гремели в деревьях.
Крепла святорусская держава.
Ехал к нам Владимир Мономах,
Вспоминая время Святослава.

В ПОЛЕ

В поле безлюдно и голо.
Холод. Печаль бытия.
Где-то Лавровская школа,
Где-то Альшанская школа,
Где-то Фоминка моя.
Воды взыграли весною.
дым голубой над трубой.
Юность явилась за мною
И повела за собой.

ВОДОВОРОТ

И там народ,
И там народ,
А мне нет ходу:
Водоворот,
Круговорот —
Все дальше в воду.
Я к утопанию не привык,
Я плыть стараюсь.
В волнах теряется мой крик,
И сам теряюсь.
Прибило к берегу.
Вдали
Дома стояли.
И сразу люди подошли
«Пойдем!» — сказали.
Такой-то мне приснился сон
Однажды летом.
Я встал ужасно возбужден
И стал поэтом...

СТОГА

Я люблю на Родине стога.
Я люблю луга, покосы, росы.
Вот прихлынет белая пурга,
Запоеет в трубе разноголосо.
Перед ней стога не рухнут ниц.
Что стогам метельная сирена?

Позовут и зайцев, и синиц,
И меня в душистый сумрак сена.

ЖАВОРОНОК

С юга тепло налетает.
С моря! Я море люблю.
Поле пушистое тает.
Хватит звенеть хрустально!
Шумно, разрывисто, звонко
Рушится тающий лед...
Время испечь жаворонка,
В небе такой же поет.

ЕСЛИ ЛЮБИТСЯ...

Если любитя, то любитя,
И сомненья ни при чем.
Все задуманное сбудется,
Вниз покатится ручьем.
Чудо — каждое мгновение,
Соловьиный перезвон...
душу вытравит сомнение,
Мир любовью сотворен.

ПОТОК

С полей в реку сбегает влага,
В разливе шумном широка.
Поток несется по оврагу,
Как конь, лишенный седока.
Земля захвачена потопом,
Все перепутались пути.
Стою один перед потоком:
Ни переехать, ни пройти.

* * *

Старинный томик Тютчева в руке.
В нем — первый гром и поздние метели,
И память о тумане на реке,
Где долго мы расстаться не хотели.
Он всюду был с тобою и со мной
За все, что пережили мы, награда,
Как русский дождь, веселый, проливной,
Как белый пламень молодого сада.
В нем пушкинского солнца вещей свет,
Тебе и мне завет — не лицемерить,
И нежная любовь на склоне лет,
И вера, что в Россию можно верить.

* * *

Бунин был восхитительно прав,
Что себя не отдал переменам.
«Полевые тропы между трав»
Пел, припав к «милосердным коленам.
Пели песни емуковыли,
Звали зори к седым крутояркам...
Богу воины-русы несли
В ранах землю родную недаром.

* * *

Я живу в стороне деревенской,
Но душой путешествовать рад.
Вот опять мне привиделся Невский:
Петербург, Петроград, Ленинград.
Вижу Гоголя, вижу Лескова,
Достоевского в старом пальто.
Приберег я для каждого слово,
Жаль, меня тут не знает никто.
Ах, все это не так уж и важно,
Я со всеми язык нахожу.
Пушкин!
Я приближаюсь отважно.
Я ему непременно скажу,
Что приехал из песенных долов,
Знаменитых на русской земле.
Я пароль называю: «Ермолов!»
Он сияет. Он снова в Орле.
Надо знать, с кем дружить и родниться,
Жить, Отечество крепко ценя...
С нашим краем любая столица
И поймет, и приветит меня.

* * *

Слетел туман, как занавеска.
Открылся лета ясный лик.
Летит сорока в перелески,
И я за нею напрямик.
Моря лазурные и розы,
Как серенады, в голове...
Но эти белые березы,
Но эти тени на траве.

МЕДВЕЖОНОК

Неужели снова не заедем
В край лесной, где ночь застала нас,
Где я долго слушал о медведе
Мальчугана шустрого рассказ?
Тот медведь, вернее — медвежонок,
Лапой греб орехи из мешка...

Заповедной глушью окруженный,
Чуть светился домик лесника.

В ЛЕСУ

В. А. Максимова

Он по лесу ходит-бродит,
Любит тихие места:
То с березки глаз не сводит,
То с колючего куста.
Вспомнит детство,
Вспомнит сына,
Сердце остро заболит.
Под кудрявою рябиной
Одинокó постоит.
И пойдет себе куда-то,
Тихо травами шурша,
Где лисички и опята
Подрастают не спеша.

ПОСЛЕ БУРИ

И. Н. Костромичеву

Было в небе сиянье лазури.
Увело за курганы пургу.
Куропатку, убитую бурей,
Я увидел на талом снегу.
Были белыми камни и крыши,
Был простор ослепительно бел...
Замер я и впервые услышал:
В небесах жаворонок запел.

ВДОХ НОВЕНИЕ

Не верь себе, что ты умнее всех,
Что все тебе на свете удастся.
На твой вполне заслуженный успех
Найдется критик — хохотом зальется.
Поэт великий не бородой,
А тайну знал высокого прозренья.
«Не верь себе, мечтатель молодой, —
Учил, — как язвы, бойся вдохновенья».

* * *

Все, что было, нигде не укроется,
Даже в темной таежной глуши.
Все на верные ноги становится
У народа великой души.
Нас лечили лихими лекарствами,

До сих пор вспоминать нелегко...
Отыскались вон косточки царские,
Хоть и спрятали их далеко.

СОВЕТ

Другом будь лесам, полям и рекам,
Не кури, не пей и не дерись.
Становись хорошим человеком,
За дурное дело не берись.
Зашумят леса, поля и реки,
Что ты жизнь прошел не кувырком...
Помнят о хорошем человеке,
Вспоминать не любят о плохом.

ФЕДОР ТЮТЧЕВ

Любил нежнее, суевернее
И вспоминал, теплом согрет,
Свою Орловскую губернию,
Родного Овстуга рассвет.
Из тьмы лесов, из снежной замяти
Светило матери лицо.
И он летел на крыльях памяти
К ней на высокое крыльцо.
Царя над шумами и звонами,
Над синим зеркалом пруда,
Над домом с белыми колоннами,
Сияла Пушкина звезда.

ПОРА ЛИСТОБОЯ

Золотая пора листобая.
Лес просвечен насквозь. Тишина.
Ярко небо горит голубое.
Холодеет речная волна.
Мы любимся ясною далью.
Но возьмут нас морозы в кольцо,
И река наша белою шалью
Молодое укроет лицо.

ПОД СНЕГОМ

Поля притихли и уснули,
Под снег упрятан зеленыя.
Но в ветровом вечернем гуле
Все громче зон иного дня.
Хоть сны лесов еще глубоки,
Но в час рассвета слышно мне,
Как занимаются потоки
В холодной белой глубине.

ЛЕС

Небо высокое ясно,
Близится чудо чудес:
Сине-коричнево-красный
Зазеленеет лес.
Мир, возведенный морозом,
Время берет в топоры.
Солнце прильнуло к березам.
Ягоды спят до поры.

АПРЕЛЬ

Солнце. Апрель родился.
Водами пенится лог.
В темных полях заблудился
Рыжий соломенный стог.
Запах и горек, и сладок.
Суслик вдали засвистал.
Стая взвилась куропаток.
Заяц на цыпочки встал.

УБОРКА

Над речкой жаркая уборка:
Жгут дети старую траву.
Густым костром пылает горка,
И дым уходит в синеву.
Так поколения сгорают,
Подобно дымному костру.
Века играют и играют
В свою ужасную игру.

РУЧЕЙ

Ручей проносится, играя,
Целуя камни и пески.
Споет он песнь родному краю
И станет памятью реки.
Приду я летом на закате,
Когда спадут жара и зной,
Она его на перекате
Напомнит бисерной волной.

СЛЫШУ

Половодье вчера ликовало,
Поднимая тяжелые льды.
Ночью воду с краев заковало,
Даже иней упал на сады.
Слышу: будто бы кто-то стреляет
Это рушится лед молодой.

Белый Булька восторженно лает,
И грачи гомонят над водой.

В ПОЛЕ У КОЛОДЦА

Прогнал апрель пору суровую.
Большое солнце бьет в лицо.
Черпаю воду родниковую,
Колодцем взятую в кольцо.
Берет природа в окружение
То холодами, то жарой.
Мое качает отражение
Вода, рожденная горой.

СУДЬБА

В краю то белом, то зеленом,
В незатиhaющей борьбе
Мы все под шаром раскаленным
Живем, подвластные судьбе.
За жизнью жизнь звездой сгорает,
Пожалуй, всех не перечесть...
Ну что ж, судьбу не выбирают:
Какая есть,
Такая есть.

НАДЕЖДА

Жили мы в тревоге, как па плахе,
Мало было света и тепла.
Вдруг запели крохотные птахи,
Что зима суровая прошла.
Надоело врать и лицемерить,
Ткать из слов затейливый узор.
Кто решил надеяться и верить,
Не положит душу под топор.

ВЕЧНО

Вытачивал великий ювелир
Цветы и все, что нами так любимо.
Не для того явились в этот мир,
Чтоб в нем исчезнуть облаком и дымом.
Одну лишь плоть легко испепелить,
Все остальное — жалкая потуга...
Незримо рядом, верю, будем плыть,
Любя и нежно чувствуя друг друга.

РУССКАЯ КНИГА

В. П. Дронникову

Завесу времени раздвинем —
Родные струны зазвонят.
Таким же было небо синим,
Таким же белым — вешний сад.
И дети камешки бросали,
Сойдясь ватагою к реке...
И книгу праотцы писали
На очень древнем языке.
В той книге все было на месте,
Она рождалась, словно храм:
Свод правил чести,
Русской чести,
Деяний, верных небесам.
О благородстве, о природе,
О душах добрых — строки в ряд...
Я с ними заново в походе,
Костры высокие горят.
Святая правда на дощечках,
В забытых миром письменах.
Века сгорали, словно свечки,
У Бога вечного в руках.
Горела Русь,
Горела вера,
Трясло усадебную тишь...
Тогда-то в сумке офицера
Она уехала в Париж.
Однажды вдруг ее не стало:
Была еще одна война.
Бумажной копией предстала
Перед издателем она.
Издали. Мифом обозвали.
Но строки, мужества полны,
Глазам распахивали дали
Невероятной старины.
Та старина темнее леса:
Подумать только — сколько дней...
Но книга вещего Велеса
Седого времени сильней.
Она мне грезится и снится,
Как некий сказочный дворец.
Надиктовал ее страницы
Всех тайн
Держатель и Творец.

Поэмы

Альшанский корень

Все помнят наши звезды,
Тяжел российский хлеб.
Творил расправы Грозный,
Был Петр зело свиреп.
Держал Россию в страхе.
В одну из тех годин
Погиб в Москве на плахе
Алешка Соковнин.
К злодеям был причислен
За смелые слова.
Полна мятежных мыслей
Скатилась голова.
Сестра его с картины
Глядит — сломить нельзя —
Подобно исполину,
Двуперстием грозя.
Строга была в боярстве,
Во власти гневных дум.
Сошла в иное царство,
Как гордый Аввакум...
Альшань. Ракиты. Сосны.
На горке дом и сад.
Сюда был Федор сослан,
Их непокорный брат.
Рубил окно в Европу
Царь Петр от всей души.
А Соковнин Прокопа,
Сьтнка, растил в глуши.
Шло продолженье рода,
Хоть жизнь брала в озноб:
Рос у Прокопа Федор,
У Федора — Прокоп..
Столетье закатилось,
И вдруг не он — она:
Так Софья появилась
В роду Соковнина.
Была она красива,
Свет голову кружил.
Тут Бобринский Василий
Ей руку предложил.
Кругом твердили хором:
«Хоть граф и богатырь,
Однако под Надзором,

Чуть не попал в Сибирь.
Из шубы из бобровой
Его фамильный звук.
Он должен быть Орловым,
Екатерины внук».
А Софье восемнадцать,
Ей речи — трын-трава.
Сны золотые снятся,
Кружится голова.
То сонники листала,
Надеждами горя.
Теперь графиней стала,
Женой богатыря.
Река. Ручей. Ракиты.
Дорога на погост.
Былое не забыто,
Возвышено до звезд.
Земля в цветы одета,
И предстает глазам:
Катит с гербом карета
По дорогим местам.
Поля и огороды.
В реке плесканье рыб.
Там проживал в те годы
Прапрадед мой Антип.
Босой и бородатый,
Острижен под горшок,
Стоял он возле хаты,
От радости далек.
Сказал Максиму-сыну
Седая борода:
«Все воли ждет Россия.
Дождется ли когда?»
На хуторе — амбары,
Скирды и лай собак.
«Не так, — Василий с жаром
Жене твердил. — Не так
Должны мы относиться
К тому, кто кормит нас...»
И декабристов лица
Припомнил в сотый раз.
Друзья! Когда-то вместе
Сидели допоздна...
«Уймись-ка, рыцарь чести», —
Одернула жена.

2

Великая реформа
Пришла, как благодать.
Привыкли с давних пор мы
Ногой ее пинать.

В посевы и покосы
Народ душою врос.
Важнее всех вопросов
Крестьянский был вопрос.
Бродил вопрос, как нищий,
То пел, то с горя пил.
Над ним рыдал Радищев,
Некрасов слезы лил.
Всю жизнь, больной от песен,
Вопрос, как груз, носил:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Кому? Конечно, барам.
Над полем ветер пел.
И хутор стал пожаром,
До бревнышка сгорел.
Мой дед еще был молод,
Сидел, пожар кляня:
Его бросало в холод
От жаркого огня.
Приехали казаки,
И потрясенный дед
Узрел начало драки,
Конца которой нет.

3

Ольха росла кустами —
Мы резали хворост.
А резать перестали —
Пошли деревья в рост.
И в старину шумели
За сто веков до нас,
Когда тут стрелы пели
И копья
В грозный час.
От славы Святослава
До наших бурных лет
Дошли степные травы
И розовый рассвет.
Люблю его румянец,
Лугов живую ткань.
Люблю ручей Альшавец,
Старинную Альшань.
И сладостно, и горько,
И радость в два крыла,
Когда иду по горке,
Где бабушка жила.
Мой первый день — в тумане,
В краю ольховых лоз.
Рожденный на Альшани,
Я на Фоминке рос.

Шла обо мне беседа.
Глядели на меня
Две бабушки,
Два деда
И вся моя родня.
Спокойным и суровым
Был дед мой Спиридон:
В карман не лез за словом
И не трезвонил он.
Когда царей корона
Сошла совсем на нет,
Родитель Спиридона
Пожаловал в Совет.
Потом притих немножко
Альшанский гражданин.
В актив пошел Тимошка,
Его веселый сын.
«Вперед дорогой света!» —
Призыв над полем рос.
Решеньем сельсовета
Затеяли колхоз.
Тянуть решили редьку
Толпой.
Речей — навал.
Народ Насонов Петька
К счастливой доле звал.
Расхаживал по хате
В угаре новых слов
Альшанский председатель
Тимоша Комаров.
Надеждами богата
Душа. Глаза горят.
Через ручей — и к брату:
«Давай решайся, брат!»
«Решаться нет резона,
Спешат другие пусть», —
У брата Спиридона
Глаза качнула грусть.
Но спорить мало толку:
Дороги нет назад.
Коня обнял за холку:
«Все, расстаемся, брат!»
У свата на Фоминке
В саду пел соловей.
С нуждою в поединке
Там жил мой дед Матвей.
Все реже видел булки,
Обиженный судьбой.
Покачиваясь в люльке,
Я жил самым собой.
Сидели рядом сваты:
«Ну, как ваш «Вольный труд»?»

А мы теперь богаты,
«Прогрессом» нас зовут.
В хомут не шел за это
Повыгребли муку.
Не взвидели мы света.
Что делать мужику?
Вписались молодые
И мы за ними вслед».
«Дела совсем худые», —
Вздыхал альшанский дед.
«Вписали всю Россию
На службу сатане»,
Ворчала Ефросинья
За печкой в тишине.
Все Киев вспоминала
И храмы прежних дней.
Печаль в глазах стояла
У бабушки моей.

4

Пришли в Россию
И наломали дров.
Подход у иноземца
К деревне был суров.
Пока не дали деру,
Был край наш бедный хмур:
Старались мародеры
На ловле русских кур.
Запомнили хозяйки
Те дни и вечера.
Гремело: «Матка, яйки!»
У каждого двора.
К весне в подвале голо.
Ни хлеба,
Ни тепла.
Родная наша школа
Концлагерем была.
Каратели карали
И вез наживы раб
Своей берлинской крале
Одежку русских баб.
Земля доньине стонет,
Всем говорит подряд,
Как в Знаменском районе
Деревню тряс отряд.
Предатель, одуревший
От крови и вина,
Своих стрелял и вешал
С рассвета дотемна.
Был случай:
В адском круге,

В кошмарном вихре зла,
В пути на казнь, в испуге
Крестьянка родила.
Дрожащими руками
Взяла сынка: «Не плачь!.
«А ну, шагай до ямы!» —
Толкнул ее палач.
Была расправа лютой
В краю родных осин...
Давно бывал в краю том
Историк Карамзин.
Стоял у речки синей,
Катался на коне
И думал о России,
О славной старине.
Могла б ему присниться
В краю лугов, полей
Такая вот страница
Из наших черных дней?!

5

Зима мела метелью,
А нам не по себе.
Мы, как в лесу под елью,
В заснеженной избе.
Застыл под снегопадом
Наш сад в холодном сне.
Большие «зайцы»рядом
Гуляют по стене.
В желудке пели трубы,
За труд в колхозе — шиш.
Клади на полку зубы
И пой:
«Шумел камыш».
Крестьянская работа
Лиха, как лютый гнев:
То время обмолота,
То пахота,
То сен.
Не сразу, хорошея,
Шли зелены в рассвет:
С севалкою на шее
Прогуливался дед.
Сухим навозом печи
Топили. Слезы льем.
Дышать, бывало, нечем,
А дышим и живем.
Соха. Берут впристяжку.
Плечо мое в огне.
Сосед глядит: «Бедняжка!»
Горюет обо мне.

«Герпи!» — толкает в спину
Движением руки.
И сразу, словно в спину,
Вонзает сошники...
Севалка из соломы,
Чуть-чуть из хвороста.
Работа всем знакома,
Не пыльна и проста.
Из хвороста корзины,
Кошелки, кошели.
Надежней нет холстины
Из нашей конопля.
Шел запах конопляный
От поля до стола.
Деревня деревянной,
Соломенной была.

6

Мы жили трудно, тяжко.
Мне девятнадцать лет.
Отцовская рубашка
На мне, что маков цвет.
В саду сверкают росы.
Над полем лик луны.
Глаза девичьи, косы
Мои тревожат сны.
Удача где-то бродит.
Но где она, друзья?
Везде меня подводит
Застенчивость моя.
Над речкой золотится
Высокая звезда.
К полям иду проститься,
Быть может, навсегда.
Простите, что оставил
для жизни городской,
достойно не прославил
Лирической строкой.
Прости, родная хата,
Где столько книг прочел,
Где кроликов когда-то
Растил и верши плел.
Прости, мой сад любимый,
Наличники с резьбой.
И синий хвостик дыма
Над красною трубой.
Амбар, во двор ворота,
Сорока на кусте,
Подвал, где в час налета
дрожали в темноте...

В отцовских брюках черных
Стоял в прощальный час.
Отец: «Учись упорно.
Живи получше нас».
Припомнив день венчальный,
Вздохнула мать: «Жених.
А я повел плечами –
И дальше от родных.
Во мне звенела юность,
Звала на звезды рос,
В серебряную лунность
И в сумерки берез...
Искал златые горы,
Потом устал искать.
И скоро,
Очень скоро
Ушли отец и мать.
Над милыми местами
Сгорают краски дня.
Под строгими крестами
Родные ждут меня.
Печальную равнину
Спешу душой обнять...
Ну что сказать мне сыну?
Что дочери сказать?

7

Мне дарит море света
В краю родимых мест
Грибное наше лето,
Вечерний благовест.
О чем родник рокочет,
Наполнив грустью грудь?
О том, что все короче
Бесценной жизни путь.
Со мной проворной тенью
Сойдут под шум ручья
Великие мгновенья
Земного бытия.
Что толку бить посуду,
Рвать сердце в час хмельной?
Я вечно был и буду
Под этою луной.
Средь звезд,
В волнах эфира
Спешат меня обнять
Невидимого мира
Жильцы —
Отец и мать.
Победы знал и беды.
Но на закате дня,

Две бабушки, два деда,
Молитесь за меня.
Я жал,
Отравлен ложью,
Не слушал благовест.
Я шел тропой безбожья
И потерял свой крест.
Бежал за комсомолом...
Но на закате дня
Перед святым престолом
Постойте за меня.
Хоть душу нелегко мне
Вернуть на прежний лад,
Я те молитвы вспомню
И веру в райский сад.
С душою нараспашку
Замыслил я набег
На клеверные кашки,
На лепестковый снег.
Гудят жуки и пчелы —
Отрада детских дней.
Кругом родные села —
Фоминка всех родней.
И радость там, и горе,
И сада райский вид.
Подковой на просторе
Лежит среди раки.
Вокруг Альшань, Лаврово
И дворики лежат.
Но верная подкова —
Мой соловьиный сад.
Бываю там все реже,
Но все всегда во мне.
Тоска меня зарежет
По нашей стороне.
Все ждал: меня полюбят,
Как вы, отец и мать.
Мечту мою не срубят,
Не смеют поломать...
Присяду у амбара,
Вновь сердце заболит.
Заря горит пожаром —
То жизнь моя горит.
Зачем гармонь играет
Весь вечер у ручья?
Онато догорает,
Бесценная моя.
Пройду по огородам.
Альшанский храм. Холмы.
Сюда в былые годы
С отцом ходили мы.
Присядем в стог соломы.

Как воздух свеж и чист!
Мы счастливы.
Мы дома.
Играй нам, гармонист!
Но веселей гармонии,
От радости высок,
Звенит сестренки Тони
Приветный голосок.
Вон мать в платочке белом.
Вот я блоки — бери...
Написан крестик мелом,
Мой крестик
На двери.

8

Тепло под ветром южным.
Как ясен небосклон!
Опять увидеть нужно
Мне чудо-речку Цон.
Ее я с детства помню,
В лесу грибы искал...
В тиши музейных комнат
Историю узнал.
Кругом луга да пашня,
Берез веселый ряд.
А тут крутые башни
Бойницами глядят.
Минувших лет свирепость,
далекая гроза,
Сабуровская крепость
Глядит в мои глаза.
В усадьбе деревенской
Однажды грянул гром.
Фельдмаршал граф Каменский
Погиб под топором.
Что за лихой народец
В зеленой стороне!
Суровый полководец
Убит, как на войне.
Во храме пол разрыли,
Нашли ему покой
И саблю положили
В оправе дорогой.
Был слышен залп орловский
В далеких городах.
Писал поэт Жуковский:
Еще великий прах...»
Боями век тревожен.
Одиннадцатый год.
И младший сын положен
Под тот же белый свод.

Что снится Николаю?
Родные берега?
Иль крепость на Дунае?
Иль финские снега?
Болгарские долины?
Аустерлиц в огне?
Альпийские вершины?
Суворов на коне?
Цон тороплив и светел,
Играет серебром...
И в том же сельсовете
Фоминка за бугром!

КРАСНЫЙ СНЕГ

1

От суеты московской
На зоны соловья
Уехал Паустовский
В орловские края.
В те муторные годы
Разбуженной страны
Махнул он в мир природы,
На берега Сосны.
Ах, Ливны, город Ливны
Над быстрою Сосной,
Они и хлебом дивны,
И русской стариной.
Легендою в тумане
Горит его звезда.
Под князем из Рязани
Был в древние года.
Холмы его крутые
Топтал конем Восток.
Горел во дни Батыя
Отважный городок.
Печален лик заката.
Веселью не греметь.
Наместника Ахмата
Посвистывала плеть.
Явись, былая слава!

И вот видать с горы,
Как русская застава
Зажгла свои костры.
За годом год катился
В метельном серебре,
И город возродился
При Федоре-царе.
Сосна волной играла,
Спеша в степной простор.
Послы двух стран бывало
Вели над нею спор.
Москвою Русь хранима,
Иной пошел накал.
И гордый гость из Крыма
Послушно умолкал.
Встают живые тени
Над сполохом годов
Под шорохи сирени,
Под гулы поездов.
Мне книга рассказала:
Преданьями согрет,
У старого вокзала
Прогуливался Фет.

2

Была такая смычка
По воле злых умов:
Пропали хлеб и спички,
И хлеб из закровов.
Пора набатных звонов:
Своих на части режь!
Тамбов — восстал Антонов,
Орел и тут мятеж.
Колоколам, Европа,
Внимай издалика.
Повел товарищ Клепов
Мужицкие войска.
Сегодня взяли Ливны,
Назавтра весь уезд.
Мужицким гневом дивны,
Пошли крушить окрест.
Пошли во гневе яром
Будить: «Вставай, земля!
На вилы комиссаров,
Наместников Кремля!»
Но ушки на макушке
У молодой ЧКа.
И возгремели пушки
Железного полка.
Вождь уши не развесил,
Заботился о нас.

«Зачинщиков повесить!» —
Послал крутой приказ.
А там с охраной флотской,
Сверля народ в очки,
Приехал в Ливны Троцкий:
«Здорово, мужички!»
Оратор был в ударе,
В расцвете лет и сил,
О мировом пожаре
С восторгом говорил.
Твердил вполне толково:
«Пришла побед пора!
Народ молчал сурово
И не кричал: «Ура!»
Слова летели мимо,
Барахтались в пыли.
Спасибо, подхалимы
Вождя не подвели.
Они — бальзам для гостя,
Исправили изъян.
В овраге тлели кости
Расстрелянных крестьян...
В сиянии багровом
Орловские места.
Кипела под Тамбовом
Похлеще суета.
В краю, бедою сжатом,
Где сосен перезвон,
Из пушек бил по хатам
Наш красный Михельсон...
Горит над отчим краем
Спокойная звезда.
Глядим и вспоминаем
Минувшие года.
Не тут ли ночью поздней,
В раздумьях морща лоб,
Нацеливал на звезды
Быханов телескоп?
У речки гусь гагакал
У птицы жизнь своя...
Искал Сергей Булгаков
Разгадку бытия.
В Сосне плескались карпы.
Послан мечту вперед,
Увидел Поликар пов
Свой первый самолет.
Смеялся голос женский.
Жил город, жизнь люби.
В окне играл Аренский
Шопена и себя.

На Троицу бывало
Поют колокола.
И «ливенка» играла,
В лес Липовчик звала.
Трава, цветы — отрада.
Под куполом небес
Казался райским садом
Наш пригородный лес.
И в суете московской,
В кругу известных лиц
Припомнил Паустовский
Веселых наших птиц.
«Ах, лес, — бежали думы, —
Поэзия сама!»
А в городе угрюмо
Маячила тюрьма.
Высокие заборы.
Тоска горька, как дым.
Глухие разговоры
По камерам сырым.
Здесь тайна тайн хранится
За каменной стеной.
И пролетают птицы
В испуге стороной.
Вайсбанд сюда приходит —
Палач во цвете лет.
На каждого наводит
Глаза, как пистолет.
Стоят унылым строем.
В душе — наплыв тоски.
Палач глядит героем:
«Здорово, мужики!»
Здорово так здорово...
Стоит мужик угрюм,
Не говорит ни слова,
Хмельной от тяжких дум.
Натруженные руки
От молота горят.
Не знали руки скуки
Уж сорок лет подряд.
Ковал коней, в колеса
Телеги одевал.
С косой ходил по росам,
Под стогом ночевал.
Растил он хлеб и сало,
И вишни у крыльца.
И полсела плясало
На свадьбе кузнеца.
Гордись работой древней,
Не знал пустых затей.
Любил свою деревню
И семерых детей.

Был деда бородатей,
Но с искоркой в глазах,
Носил жену по хате
Больную на руках.
Приехали и взяли,
Наганами грозя.
«Мне при больной нельзя Ли?»
Отрезали: «Нельзя!
Надежда стала пеплом.
Прощай, родной колхоз.
Жена от слез ослепла
И померла от слез.

4

Пришла под Ливны осень.
Был Липовчик багрян.
Сошлись не семь, не восемь—
Четыреста крестьян.
Все, головы повесив,
Сидят.
Поэт, спроси,
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Купчинам толстопузым?
Купцов в помине нет.
России нет!
В Союзе
Ее затерян след.
Помещику?
В поместье
Бурьян на пустыре.
Хозяин при аресте
Застрелен в Октябре.
Попу?
Так вот он, батя,
Седой, как лунь, от бед.
На бороделопате
Недавних пыток след.
От пыток задыхался.
В ушах — вечерний звон.
Во всем, как есть, признался:
Да, контра!
Да, шпион!
Неси теперь вериги
Через кромешный ад,
Где мертвые комбриги
И маршалы лежат.
Сидят
Печник и плотник.
Последние часы.
Что ни мужик — работник

Срединной полосы.
Мир не кормили ложью,
Держали путь прямой.
Земля звенела рожью,
Пшеницей золотой.
Пекли буханки-глыбы
По разным городам.
Скажи, Москва, спасибо
Орловским мужикам.
Сказала
Так сказала,
Что рухнул мир во тьму
доставили с вокзала,
Запрятали в тюрьму.
Ах, Ливны, город Ливны
Над ясною водой!
Отныне горем дивны,
Мужицкою бедой.

5

В ночи звенят стаканы.
Спит в кобуре наган.
Все гости в стельку пьяны,
Сам Симановский пьян.
«Привез вам предписание.
Служить,
Как я служу!
Приложите старанье —
Ежову доложу».
Вайсбанд в ответ:
«Приложим!
Не держим дураков».
«Мы дело делать можем», —
Качается Чернов.
Смахнем одной рукою.
Придавим контре хвост.
Недаром толокою
Обламывали мост.
«Какой там мост?» —
«Да, предки
Старались в старину»...
Заснеженные ветки
Стучали по окну.
Зима в свои вступала
Суровые права.
Застолье ликовало
Слова, слова, слова...
По всей России — речи,
В речах то мед, то яд.
Страну берут за плечи
И крест вести велят.

Досталась нам Голгофа,
Роль узника-раба.
Коварная эпоха.
Жестокая судьба.

6

Их в сумерках грузили —
Мороз в машину лез —
За город вывозили,
В тот самый Липов лес.
Под звездные узоры,
Под облачный покров...
Заклацали затворы
На горе мужиков.
Прощайте, жены, дети
И весь честной народ.
Последняя на свете
Минута настает.
Сошлись у крутояра
Под шум лесных вершин
Захаров, Бухтияров,
Горохов, Головин.
Жизнь мысленно листая,
Дыханью грудь тесна,
Томился Горностаев
И плакал Петр Весна.
Вот-вот пропойный голос
Стрелкам прикажет:
Пли!»
И упадут, как колос,
На грудь родной земли.
Сойдут они куда-то
В непроходимый мрак.
Так — моряков Кронштадта
И Гумилева — так.
У силы сатанинской
Рука не устает...
Иван Иваныч Блынский
Бросается вперед.
Душа его на взлете,
И слышит лес в ночи:
Народ весь не убьете,
Фашисты,
Палачи!»
Упал лицом к рассвету
Снег обжигая ртом.
Фамилия поэту
Достанется потом.
Упали тяжкой ношей
На землю, как один,
Алехин и Алешин,

Еськов и Бородин.
Холодную постелью
Легла для всех земля.
Зима мела метелью,
Поземкою пыля...
Не в старость под иконой
Явился смертный час.
Не с колокольным звоном
Похоронили вас.
Не лили бабы слезы
У пасмурной избы.
Печальные березы
Да хмурые дубы.
Ничьи не слышат уши,
Как стонет снеговой.
Вдали от дома души
Томились сорок дней.
Кто сделает поминки?
Кто соберет обед?
Кругом живой былинки
И той в помине нет.
Весною птичьи хоры
Споют «за упокой...
Придет сюда нескоро
Учитель с детворой.
И лес в ином обличье
Предстанет им, как гость.
Широкая, мужичья
Вдруг попадетя кость.
Летят, как птицы, годы.
Как май — так соловьи.
Цветы под синим сводом
Алеют на крови.
И там, где голос гневно
Кричал свои слова,
Повыросли деревья,
Волнуется листва.
Растает снег колючий
И вновь, сюда придя,
Плывут и плачут тучи
Слезинками дождя.
И память тайной точат
Сокрытые пока
Расстрелянные ночи
Лесного уголка.

ГРЕМУЧИЙ КЛЮЧ

А. В. Пахомову

1

Луга, поля и небо.
Наплыв косматых туч.
Страна цветов и хлеба
И ключ,
Гремучий ключ.
Из-под кустов колючих,
Из-под камней-громзд
Выходит он, Гремучий,
Как сотни лет назад.
По желобу из дуба
Бежит, подняв плечо,
И речку Неручь в губы
Целует горячо.
Красавица смеется
И далее бежит.
Над нею чибис вьется
И ласточка кружит.
Ах, птицы,
Радость-птицы,
Вы тут во все года.
Чего ж вам не летится
В большие города?
Резвились бы по крышам
Под говор молодой...
А вы все выше, выше
Над чистой водой.
А вам все ближе, ближе
Зеленый косогор,
Где встану и увижу
Живой зари костер.
Глаза издалека мне
Печальные видны...
Легло на сердце камнем
Преданье старины.

2

Стелились шелком травы,
Сияли купола.
В столице златоглавой
Боярыня жила.
Была она румяна,
С каштановой косой.
Как зорька из тумана,
Шла утренней Москвой.
Проворная, как птица,
И добрая к тому ж.
«Души моей царица! —
Твердил счастливый муж.
Но зло стояло рядом

И палило глаза.
Над соловьиным садом
Ударил гроза.
Почувствуй в сердце рану,
Метался сам не свой
Слуга царя Ивана,
Опричник молодой.
Узнал ее походку,
догнал и у ворот:
«Постой, — кричит, — красотка!
И за руку берет.
Взглянула: «Боже правый!»
От ужаса хоть плачь:
Стоит чернокудрявый.
Из палачей палач.
Стоит и скалит зубы.
Глаза черны, как ночь.
Толкнула душегуба
И побежала прочь.
Домой белее мела
Пришла — по телу дрожь.
Вздыхнул муж: «Плохо дело!
Попали мы под нож»
Оставили столицу:
«Сюда нам путь закрыт»
Рванула тройка-птица,
Аж пыль из-под копыт.

3

Сняло тревогу — немочь
Душа к цветам лежит
В краю, где речка Неручь
Раздольями кружит.
В воде сомы, налимы
И прочая плотва...
Живут, Христом хранимы,
Супруги год и два.
На третий, ох, на третий
Страшнее, чем пожар,
Пожаловал, как ветер,
Разбойный Кудеяр.
Сразился с ним боярин,
Спасал семью как мог.
Под сабельным ударом
Свалился на порог.
Хватил разбойник водки
И закричал: «Друзья!
Подайте мне красотку,
Теперь она моя».
Вошла: О, Боже правый!
Где муж любимый мой?»

А перед ней кудрявый
Опричник молодой.
Ее он ищет тела,
Ее горячих губ...
Качнулась,
Побелела
И рухнула, как труп.

4

Проходят дни, недели.
Слетает лист в окне.
Разбойники при деле
В несчастной стороне.
Купцов богатых режут,
Не жалуют бояр.
Но радуется реже,
Все реже Кудеяр.
Боярыню голубит,
Подарки ей дарит.
Она его не любит,
Все в сторону глядит.
Велел во гневе яром
Боярыню схватить
И кинуть с крутояра,
В колодец заточить.
Исполнен атамана
Решительный приказ.
Пошли греметь стаканы,
Галдеж и перепляс.
В ту ночь поникли лозы,
Уняли ковыли.
Холодный камень слезы
Горючие прожгли.

5

Крестьянин Салопанов
В быту имел изъян:
Он был не враг стакана,
Бывал и в стельку пьян.
Когда не очень в стельку,
То не спешил ко сну:
Сидел и пел про Стеньку,
Про Волгу и княжну.
Томим извечной жаждой
(Преданье раскручу),
Притопал он однажды
К Гремучему ключу.
Упал на травы вечер,
Заверещал сверчок.
И вдруг увидел свечи

В потемках мужичок.
Веселая ватага
Пришла с огнем в глазах.
Кипят вино и брага
В серебряных ковшах.
Воткнули нож кровавый
Меж чаш в дубовый стол.
Сам атаман кудрявый
Запел и в пляс пошел.
При виде атамана
И страшного ножа
Очнулся Салопанов,
Бледнея и дрожа.
Перекрестился бедный,
Домой не шел — летел.
Спасибо, крестик медный
Был под рубашкой цел.
Минувшее в тумане.
Но, говорят, раз в год
В нарядном сарафане
Боярыня встает.
На бревнышко присядет
Среди печальных лоз.
И звезды, с неба глядя,
Уронят жемчуг слез.
У ног сверкают росы.
Видны со всех сторон
Распущенные косы,
Волвистые, как лен.

б

Ах, Неручь,
Неручь-речка!
Обдай меня теплом,
Да вырони словечко
О времени былом.
Мешая быль и небыль,
Про то поведай мне,
Как жил поручик Глебов
В родимой стороне.
Сюда дорогой тряской,
По-летнему одет,
Пожаловал в коляске
Желанный гость —
Поэт.
«Ах, Лермонтов!
Скорее
Сюда, в мой старый дом!
Тоску твою развею
И песней, и вином».
Скворцы свистят в березах,

В распахнутом окне.
Заря в лучах, как в розах.
Ни слова о войне.
Забыты эполеты,
Атаки, пушек гром.
Виват стихам поэта
За дружеским столом!
Поручику поручик
Был, как весенний луч...
О чем им пел Гремучий,
Наш легендарный ключ?
Потом певуны хором
К балкону подошли.
И по родным просторам
Летело: «Ай, лю-ли!»
В рубашке нараспашку
Стоял поэт, как Лель.
Оставил другу шашку
На память с буквой эЛЬ.
Просвечивал карету
Зари прощальный луч.
Шумел в ушах поэта,
Гремел Гремучий ключ.

7

И снова край Орловский
Преданием подул.
Приехал Юрасовский,
Казачий есаул.
Смотрел на речку хмуро,
Входил уныло в дом.
Все помнил Порт-Артура
И Ляояна гром.
Тут бабы, сено, грабли,
Дворы, телеги, лай.
А там штыки и сабли,
Да в свисте пуль «банзай!»
Тут мирные коровы
Под небом голубым.
А там над крышей крова
Пожара едкий дым.
Тут ласковые воды,
А там кипит вода:
Уходят пароходы
Неведомо куда.
Где брат?
Где милый Костя?
Как будто и не жил.
На дно морское кости
В ночном бою сложил.
Давно ль бродили вместе

В краю лугов и круч
И слушали, как песню,
Родной Гремучий ключ.
В ладонях воду пили,
Шутили без конца...
Эскадрой всей топили
Японцы храбреца.
Стал кораблем бедняга,
Поплыл в иную даль.
О, русская отвага,
Извечная печаль!
Высокой благодатью
Край русский осенен.
Все вышли без изъятья
Под синий небосклон.
Все Мишково толпилось,
Народ навеселе:
Такое и не снилось,
Чтоб памятник в селе.
Поставили!
Открыли!
Казалось, на века.
Над Лермонтовым плыли,
Качаясь, облака.
Вот так они качались
В тот стародавний год,
Когда друзья встречались
У мишковских ворот.
Прослави Юрасовский,
Неутомим и скор,
В губернии Орловской
Родимый косогор.

8

Жила-была деревня.
Войну пережила.
Над речкою деревья
до неба подняла.
То санньтй,
То тележный
В окне стелился след.
Ее любили нежно —
И вдруг деревни нет.
Ни песен,
Ни гармошки,
Ни гама детворы.
Ушли в траву дорожки,
Амбары и двory.
Траву никто не косит
И яблоки не рвет.
К столу никто не просит,

Воды не подает.
В разбитые окошки
Влетает ветерок.
А тишь —
Ну хоть бы кошка
Мякнула разок.
Зарос колодец мохом,
Травою-муравой.
Смотрю на все со вздохом,
С поникшей головой.
Повымел страшный веник
Народ. Шумит бурьян.
Слышал, что академик
Такой придумал план.
Умен и даже слишком
Был академик тот:
Деревне дали «вышку» —
Не пляшет,
Не поет.
«Село неперспективно», —
Решила голова.
О, как же мне противны
Ученые слова!
Мы ввали идеально.
Мы звали до войны
«Защитой социальной»
Расстрелы без вины.
Потом — иная мода.
Дождались перемен.
Зовут грабеж народа
Освобожденьем цен.
Нужда пошла по хатам,
Не жить, бежать веля.
Зерном, а больше матом
Засеяны поля.
С такую горькой думой
Оглядывал я ширь.
Стоял, смотрел угрюмо
На мишковский пустырь.
Закатывалось лето,
Холодный ветер дул,
Где памятник поэту
Поставил есаул.

ВЕРА

1

Миленькая девочка
Родилась в Орле.
Маленькая Верочка
На большой земле.

дедушка и бабушка
Смотрят: «Егоза!»
Постояли рядышком,
Вытерли глаза.
«Ах, какая звонкая!» —
Ликовала мать.
И отец с девчонкою
Побежал гулять.
Ах, какая шустрая!»!
Как же хороша!
Золотыми чувствами
Полнится душа.
Глазки так и светятся.
В мир большой войдет:
Кто с такою встретится —
Глаз не отведет.
В вальсе с ним закружится,
Музыка — сама.
Сколько обнаружится
В девочке ума!
Сколько такта нежного!
В помыслах чиста.
Распахнет безбрежные
Дали красота.
Замужем красавица!
У нее сынок!..
А пока кусается
Маленький зубок.
А пока ладошками
Ищет край белья.
Спи, моя хорошая,
Сказочка моя!

2

Жил на свете Пушкин,
Сказки написал.
А народ частушки
Звонкие слагал.
Написал Историю
Мудрый Карамзин...
Свет ты мой лазоревый
Средь родных равнин!
Ласточка проворная,
В книгах Русь жива.
Золотыми зернами
Сыплются слона.
Станут доброй нивою
На душе твоей.
Умная,
Красивая,
Стань еще умней!
В храмах окна светятся —

Мир святых икон.
Там с тобою встретится
Непременно Он.
Он, что правит звездами,
Снами и судьбой,
И громами грозными
В небе над тобой.
Даровал спасение,
Сняв Христа С креста...
К тайне воскресения
Приложи уста.

3

Годы, как курьерские
Поезда с горы.
Были пионерские
Жаркие костры.
Жили в электричестве,
В сумерках ночей
И в большом количестве
Пламенных речей.
Были не просители,
Варвары подчас.
Храм Христа Спасителя
Уходил от нас.
Взрыв!
И нету радости.
Где возьмешь займы?
Ах, какие гадости
Вытворяли мы!
Били в душу горести,
Как в войну картечь.
Но хватило совести
Родину сберечь.
Что с тобою, Родина?
Где твоя заря?
Все дороги пройдены
Неужели зря?
Рынок лентой тянется,
Вяжет, как петля.
Одолели пьяницы
И другая тля.
Суета базарная.
По ночам стрельба.
Нет, не лучезарная
У страны судьба.
Все идет примерочка
Нам чужих одеж...
Вера! Моя Верочка,
Как ты там живешь?

На аллеях сквера
 Пьяный шум а гам.
 Ошалела Вера,
 Затерялась там.
 Одолели мальчики,
 Повели с собой.
 Все суют журналчики
 С голой красотой.
 Фильмы заграничные,
 Не кино — Содом.
 Сцены неприличные.
 Ресторанный гром.
 «Будет жизнь богатая!» —
 Пел экран, светясь.
 Перстенок агатовый
 Затоптали в грязь.
 Бродит по гостиницам,
 Не жена,
 Не мать.
 Позовут и кинется
 Дядю ублажать.
 Слон работал хоботом:
 Стреб
 И всю на дно...
 Пропади ты пропадом,
 Подлое вино!
 Мать советы девочке
 Больше не дает.
 «Вера! Моя Верочка!» —
 Вскрикнула
 И вот
 Опустили в ямочку,
 Словно не жила...
 «Мама! Моя мамочка!»
 Грустные дела.

В звездах небо синее.
 На душе — печаль.
 На далекой линии
 Поезд простучал.
 Все! Моя поэма
 Подошла к концу.
 Может, эта тема
 Мне и не к лицу?
 Может, взять героя
 Где-то на войне,
 Из горнила боя,

На лихом коне?
Но проходят войны.
Мир — он не дурак.
Надо жить достойно!
Научиться как?
Помню, в муках бился,
Как попал в беду:
Для чего родился
И куда уйду?
А спасенье — рядышком
Как в саду трава...
Говорила бабушка
Важные слова.
Бабушка, что мама,
Только чуть добрей.
Вспоминала храмы,
Свет Монастырей.
Помню, милый голос
Слушал, не дыша:
«Ты не с поля колос.
У тебя душа!
А душа-то вечна...»
Горе кувырком.
Путь сиял мне Млечный
Звездным молоком.
Верную дорогу
Я душой постиг:
Путь открылся к Богу
Через горы книг,
Через покаяние,
Через свет мечты,
Через обаяние
Вечной *красоты*.
Тает сумрак серый,
Льется свет с высот...
Вера, только вера
Каждого спасет.

СМУТА

1

Скажи кому другому,
Что воссиял рассвет.
Рубили по живому:
Раз!
И Союза нет.
Взвились до неба цены.
Во всех делах — развал.
Такие перемены

Народ не ожидал.
Народ любой, как дети:
Живет — подарка ждет.
То верит он газете,
То ту газету рвет.
Сперва салют из пушки
Властителю земли.
Потом он — безделушка,
Валяется в пыли.
«Кто это?» — спросят дети,
Газету взяв в кольцо.
В газете на портрете
Почтенное лицо.
«В достатке жил, во славе, —
Блеснет очками дед.
Страною вроде правил,
На деле вышло — нет».
Кричат сороки бойко,
Присев на провода.
Несется птица-Тройка
Неведомо куда.
Покой нам только снится.
То тут,
То там война.
Восточная граница
Пальбой потрясена.
Растут
Одни кладбища.
Все меньше детворы.
Глаза калек и нищих —
Потухшие костры.
Бегут переселенцы,
Отчаянья полны,
Как будто бы от немцев,
Как будто от войны.
Цвели вовсю обманы.
Банкиры на коне.
Стихом скорбел Лукьянов
В «Матросской тишине.
Тревогу бил Невзоров,
Бесстрашный,
Молодой.
Разлады и раздоры,
Как бури, над страной.
Эфир в руках умелых
Рычал, как лютый зверь:
Клеймили раньше белых,
Коричневых — теперь.
Нас возлюбили Штаты.
Народ кипел живой.
Сходились депутаты
В деревне под Москвой.

Кто виноват был:
Водка
Или гремучий «рок»?
Но дрогнула проводка,
И вырубился ток.
Вздыхнул оратор пылкий:
Пришел нам окорот».
Припомнил учредилки
Безрадостный исход.
Сюда бы сердце Данко!
Нашлось!
Зажглось — И в путь:
Бесстрашная горянка
Не дрогнула ничуть.
Дивясь отваге женской,
Поднялся над столом
Орловец Оболенский
С упрямым хохолком.
Он говорил в экстазе
О Родине в беде
И мне напомнил князя,
Казненного в Орде...
О, жар сопротивленья!
В тебе — зари восход.
Не рухнул на колени
Великий наш народ.
Пошли навстречу буре
Греметь в колокола
Горячева,
Бабурин,
Зюганов из Орла.

2

Страна тонула в рынке.
Видения горьки.
Тот продавал ботинки,
Тот старые носки.
Там кролик шел без звука:
В цене легко сошлись.
Вчера еще мяукал,
Лаская фрукты взором,
Прошел худой, как лист,
Гонимый режиссером
Заслуженный артист.
Клял ветеран Гайдара
С отчаяньем в груди.
Писали икемуары
Вчерашние вожди.
«Страна идет к закату! —
Кричали провода.
Смотрели хмуро хаты,

Ломилась в дверь нужда.
Взяла старушка спички
Да во поле пошла
И там, где пели птички,
Сама себя зажгла.
Веселенькое дело,
Сработал керосин:
Как свеченька, сгорела
В краю родных осин.
Прости-прощай, сторонка
Родимая, навек.
Сгорела одежонка,
А с нею человек.
Отмаялась бедняга,
Печальная свеча,
Как мученик Гулага
Попыткой палача.
Творцы великой смуты,
У бездны на краю
А ну-ка нарисуйте
Мне бабушку мою.
Вы думали — придумал
Старушку?
Нет и нет!
В краю ракиг угрюмых
Ее затерян след.
Не принятая Богом,
В лицо огнем дыша,
Блуждает по дорогам
Мятежная душа.
Долиной задубелой
Бредет — печален взгляд...
И плачет ангел белый
У белых райских врат.

3

Покой нам только снится:
То тут,
То там война.
Восточная граница
Пальбой потрясена.
Пока в газетном шуме
Торгашеский азарт,
Поехал под Сухуми
Грузинский Бонапарт.
И кровь рекою льется,
Как на большой войне.
Невесело живется
Разорванной стране..
Нет мира Карабаху,
Раскаты по горам...

Гляжу на черепаху
И слезы по глазам.
Жила в Таджикистане,
Семь лет живет в Орле.
Печаль Афганистана
Проносит на спине.
Костромичев Володя
Ее привез в наш дом.
Казалось, шутки вроде,
А вышло боль о нем.
Земля была пожаром,
У смерти злой талант:
В горах под Кандагаром
Погиб мой лейтенант.
Где подвиг,
Там и слава...
Земля опять в огне.
Горит, горит застава
В таджикской стороне.
Пальба все тише, тише.
Коль жив, хвали судьбу.
Домой поехал Миша
В закованном гробу.
Домой везут Алешу.
Лежит он, как живой.
Какой же был хороший!
Какой же молодой!
Сокрылись, как в тумане.
Куда ушли? Куда?
Гуляют в ресторане
России господа.
Где траурные флаги?
Гремит веселый «рок».
Поехали бумаги
Уламывать Восток.
Плетут переговоры,
Простор пустым словам.
Берут за горло горы
Пальбою тут и там.
Мы не враги ислама,
Молитву чтим и труд...
Но крики:

«Мама! Мама!»
На части душу рвут.
Опять в крови рубаха,
Опять ракетный гром...
Гуляет черепаха
Все утро под столом.
Она проснулась рано
И движется ко мне:

Беду Таджикистана
Проносит на спине.

4

Покой нам только снится.
О, Русская земля!
Уже гремит граница
В Москве,
У стен Кремля.
Гранитом душу давит
Осенний мрак ночной.
Два президента правят
Несчастною страной.
Одна у них отвага,
Но разный интерес.
Руцкой сказал присягу,
В дела большие влез.
В крови земля намокла.
Беда! Что делать нам?
Останкинские стекла
Посыпались к ногам.
Распалась цепь ОМОНа,
Но танк тебе не конь.
По рыцарям Закона
Огонь!
Огонь!
Огонь!
Весь мир смотрел и слушал.
Чернел от дыма дом.
А в нем — живые души,
Живые люди в нем.
Среди вечерних звонов
Есть очень грустный звон.
Историк Волкогонов,
Что вам напомним он?
Стратег большого боя,
Ваш труд необходим,
Как в небо голубое
Уходит черный дым.
Горит при всем народе
Дворец великий наш!
Победный в переводе
Дается репортаж.
Мы в ужасе присели,
Как в непроглядной мгле...
В тот самый день Есенин
Родился на земле.
Отметили рожденье
В столице дорогой.
С его летучей тенью
Сливался дым густой...

Нам время дарит раны
И ранний снег седин.
Был Слава у Светланы,
Светлоголовый сын.
Дни матери в работе,
Фабричный быт не прост.
А мальчуган в полете
До месяца и звезд.
С годами реже игры,
Не тянет на лужок.
Судьба грознее тигра
Наметила прыжок.
Как пойманная птица,
По дому бродит мать.
Уехал сын в столицу,
Неужто воевать?
Был в ярости распарен
Каратель удалой,
И прибыл русский парень
В гробу к себе домой.
Светлана жить не хочет,
Бредет, как тень, скорбя:
«Сыночек мой!
Сыночек!
За что они тебя!»
Лежал он бледный, синий.
В глазах застыл ответ:
«Я, мама, за Россию.
России нашей нет».
Свалили парня пули.
Холодная пора.
Суровые подули
На Родине ветра.
Ударили морозы.
Задумалась страна.
На белые березы
Нал снег,
Как седина.
В сугробах деревеньки.
Заря в лесах встает.
Светлана Бондаренко
На фабрику идет.
Срывает слезы ветер
И зарывает в снег...
Свалилось лихолетье,
А ей больше всех.

5

Сижу у телевизора,
Душою льну к вестям
И навожу ревизию

Властям
И не властям.
Не те у них прически
И лысины не те.
Забыли про березки,
Погрязла в суете.
Ведет политбеседу
Трибун высоких сфер,
Забывший к логопеду
Зайти за буквой «р».
Космач ревет и пляшет
В сверкающих огнях.
Несется тройка наша
С гулякою в санях.
Горит эфир московский,
Аж дым до потолка:
Владимир Жириновский
Не сходит с языка.
Сидят в своих хоромех
И тенью на плетень:
За каждый новый промах
Казнят вчерашний день.
Покаяться бы надо
За тот же Белый дом.
Помалкивают.
Рады
Хозяева хором.
Актеры на коллегу
Сработали донос.
Впрягли его в телегу:
«Вези!»
И он повез.
Вздыхают прокуроры:
«Нам стало не до сна.
Опять доносов горы
О, бедная страна...
Играли бы Шекспира,
Народ бы духом рос...»
Донос в волнах эфира.
Газету взял донос.
О, как знакомо это:
Донос и груда тел.
Выписывать газету
Уже не захотел.
Выходит из доверия.
Покойнице — покой!
Блеснул очками Берия
Над черною строкой.
Поток словесный хлещет,
Попали мы в кольцо:
У Смуты все зловещей,
Все яростней лицо.

Не выдворишь за двери,
Не кинешь за плетень...
И верю
И не верю
В грядущий светлый день.

6

Царь сел в свою карету,
Клочок сенца под бок
И покатыл по свету,
Как некий Моргунок.
Слепит глаза от сини,
От солнечного дня...
«Ну, как моя Россия?
Легко ли без меня?»
Повел, как прежде, взглядом,
Глаза, как встарь, в огне.
У Меншикова рядом —
Мурашки по спине.
Вздыхает Алексашка,
Друг в битвах и гульбе:
«Мин герц! России тяжко,
Давно не по себе.
Сперва, как от престола
Отрекся Николай,
Шумел народ веселый,
В земной поверил рай». —
«Ну-ну! Что дальше было?» —
«А дальше перекося.
Россию, как кобылу,
Впрягли в ненужный воз».
Царь Петр взглянул сердито:
«Что дальше, старика?»
«Откинула б копыта,
Да вынесла она.
Дрожала и потела
От боли в стыда.
Полосовали тело
Кнутами господя».
Царь Петр перекрестился:
«Прости меня, Господь!
И я, когда трудился,
Любил ее пороть.
Не крошкой Алисой
Жил, позабыв покой..
А это что за лысый,
С протянутой рукой?
Похож на Горбачева
И явно не похож». —
«Он знал такое слово,
Что раздвоил, как вож,

Земные все просторы.
Вождь! Гений по уму.
Ну, словом, тот, который
Затеял кутерьму.
Стоит с простертой дланью
Превыше всех господ.
Любил кровавой данью
Обкладывать народ.
Звал драться за свободу,
Сам не бывал в бою.
Назвал тюрьмой народов
Империю твою». —
«Твой гений больно прыток,
За это били встарь.
Сказал себе в убыток». —
«Так точно, государь!
Народ в тюрьму поверил
В недавние года,
Открыл пошире двери
И рысью — кто куда.
России стало горько,
Душа ее больна.
Теперь за каждой горкой
Особая страна.
Теряем в драке силы». —
Царь в гневе сжал кулак:
«Россия!
Мать Россия!
Родная, как же так?
Мы столько сил вложили,
Приблизили моря.
Неужто зря мы жили
И воевали зря?
Скажи мне, где Полтава?
Ну, не вертись ужом?
Где слава наша?
Слава?!»
«Увы! За рубежом.
Мой царь, скрывать не стану,
Где Киев златоглав,
Кравчук сказал Богдану:
«Хмельницкий, ты не прав». —
«Мать городов-то русских
Ужель не Русь?» —
«Не Русь».
«Такие перегрузки
Снести я не берусь.
Кати; пока не поздно,
В Казань». —
«И там провал.
Ее напрасно Грозный
С полками штурмовал».

«А как сыны Кавказа?
В союзе с нами?» —
«Нет.
Чечня горит.
Зараза
Перемутила свет.
Оружие при деле.
Повсюду бух да бах.
Никто словам не верит.
Страшней, чем Карабах».
Был государь в ударе,
Привстал, перстом грозя:
«Бояре вы, бояре,
Удельные князья.
Мы жили, как в полете,
А вы...
Какая гнусь!
Страну на части рвете,
Разворошили Русь».
Как пойманная птица,
Душа скорбит.
И вот
Увидел царь столицу
И стражу у ворот.
Был принят за актера
Надежа-государь.
«Валяй отсюда споро
И по Арбату шпарь, —
Сказал майор суровый,
Как в старину стрелец.
Мы тут на все готовы.
Проваливай, отец!»
Отъехали в сторонку
И стали у стены.
Куранты били звонко,
Всей площади видны.
Стояли часовые
У входа в Мавзолей,
И бюсты, как живые,
Глазели на людей.
Царь Петр, вздыхая тяжело,
Свой продолжал маршрут:
«Ты помнишь, Алексашка,
Стрельцов казнили тут? —
«Такому не забыться.
Но душу рвешь ты зря.
Видала мать-столица
Суровее царя.
Вон видишь: злой, усатый
И с каменным лицом?
Народ его когда-то
Хвалил и звал отцом.

Но вызнал нрав свирепый
И памятники срыл.
Теперь он, как Мазепа,
Утерян прежний пыл». —
«Суровым быть не вредно.
Сам горячился встарь.
Как там мой всадник медный?» —
«На месте, государь!
Змею, как прежде, топчет.
В лучах твоя глава.
Народ, однако, ропщет:
Россия чуть жива».
С поникшей головою
Царь Петр в карету сел.
Простился он с Москвою
И двигаться велел.
На башни,
На соборы
Взглянул в последний раз,
На Воробьевы горы
Край молодых проказ.
Где годы золотые?
Где славные дела?
Вдруг с поля тень Батя,
Как тень луны,
Прошла.
И гаркнул царь сурово,
Решительно, как встарь:
«Где поле Куликово?» —
«Далече, государь!»

ВЕСНА НА ОПТУХЕ

1

В краю, где лес да поле,
Где речка под горой,
Ищу я лучшей доли
Весеннею порой.
Глядишь, и дом построю,
Оставлю добрый след:
И шифером покрою,
И в окна хлынет свет.
Уйди, печаль-кручина!
Весь день в работе я.
Все громче гам грачиный
И трели соловья.
Вон трактор в поле вышел.

Над ширью синь ясна.
Гуляет кот по крыше.
Весна!
Кругом весна!
Скворец в саду хлопочет
Вот-вот березам цвеств.
И сердце сердцу хочет
Подать благую весть.
От ферм несет навозом.
Горой лежит навоз.
Земля была колхозом,
Потом была совхозом,
Теперь она — учхоз.
Спешит начальник новый
Проворнее стрижа:
«Как тут мои коровы,
Доярки, сторожа?
Шоферы? Трактористы?
Амбары и дворы?»
От сосен дух смолистый
Спускается с горы.

2

Весна. Цветут деревья.
Заквакало в реке.
Везу в свою деревню
Буханки в рюкзаке.
То на колесах еду,
То топаю пешком.
Дорожную беседой
Продут, как ветерком.
Там дачу обокрали,
Там в доме шла война...
На остановке краля
Стоит пьяней вина.
Раба дурной привычки.
Ну чем такой помочь?
То резвая, как птичка,
То темная, как ночь.
Себя в обрыв толкая,
Живет, хоть все при ней:
Сам президент Акаев
Не знал таких бровей...
Как выручить? Не знаю.
Иду подальше с глаз.
Иду и вспоминаю
Услышанный рассказ:
«Жила я дура дурой,
Забросила дела,

Лисою чернобурой
Попервости была.
Пошла косою дорожкой,
Вся жизнь, как под грозой.
И стала драной кошкой,
Козою Дерезой.
Жила, не видя света,
Не мил был белый свет.
Семь лет зима и лето
В один болотный цвет.
Качаюсь у сарая,
Шепчу: «Прости, Господь!
Прими, земля сырая,
Разболтанную плоть.
К профессору скатала —
Спать вовремя ложусь.
Совсем другою стала,
Как видите, держусь.
Под мухой,
Не под мухой,
А муж ко мне идет.
Уж не зовет старухой,
Егоровной зовет.
Живем других не хуже,
Прихлынул к сердцу май...
Свозить бы в Харьков мужа,
Не жизнь была б, а рай.
Отхватит от полочки
Порядочный кусок.
Хожу темнее тучки,
Киплю, как кипяток.
«За что, — ворчу, любила?
За что, — кричу, — люблю?
Башку не отрубил?
Дождешься — отрублю».
Стоит мой ненаглядный
И кается притом.
Махну рукою — ладно:
Оттяпаю потом».
Темнее туч над полем
Тоска меня берет.
Терзает алкоголем
Себя родной народ.
Два дяди у колодца
Веселые стоят.
Не скажут:
«Как живется?»
«Как пьется?» — говорят.
А где же третий дядя?
Вкушает вечный сон:
В небесные тетради
До срока занесен.

А ну-ка с печки слазьте!
И вот ко мне идет
Пушистый, черной масти,
Чуть белолобый кот.
Шагает белогрудый
На кашу и лапшу:
«Я требовать не буду.
Я тихо попрошу».
Еда его пленила,
Все ценит высоко.
Глядит тепло и мило
На хлеб и молоко.
Давненько дух колбасный
Не кружит головы.
И Ваське стала ясной
Политика Москвы...
Сама себе хозяйка,
В почете и чести
Бежит собачка Райка
(Максимовна, прости!).
Бежит, хвостом виляет
Покойной Белки дочь.
На всех прохожих лает:
«А ну, подите прочь!»
Услышав лай, спросонок
Завозится теленок
И громко скажет «ме»
За печкой в полутьме.
Тепло к теплу приходит.
Валяй, пиши стихи.
Толпою куры бродят,
А с ними петухи.
Высокий, как локатор,
Старательный за двух,
Идет двора диктатор,
Всем петухам петух.
Он и в навозной жиже
Зерно найдет в момент.
Второй чуть-чуть пониже.
Он — вице-президент.
Он — первому союзник,
Не рвется править бал,
А потому не узник
И даже генерал.
А третий белый-белый,
Тем двум скучать не даст,
В делах не очень смелый,
Зато кричать горазд.
Оставленный для крика,
Он оживляет двор.

Но день придет великий —
Он первый под топор.
Весна. Набухли почки.
Ручьи сбежали с гор.
Мычит корова Ночка,
Стал тесен душный двор.
Приятны луг и поле,
Милей зеленый лес.
Травы повсюду вволю,
Как солнышка с небес.
Порхнула птичья стайка,
Крыжовник раскачав.
Бери ведро, хозяйка,
Кормилицу встречай.
Молочный ливень тонок,
Поет-звенит ведро.
А с неба жаворонок
Роняет серебро.
А где-то суслик с кочки
Оглядывает свет.
Пора! В ногах у Почки,
Ей-Богу, правды нет.
Приляжет за избою,
Довольная вполне
Судьбою и собою,
Порядками в стране.

4

Где рыба рыбу ищет,
К волне спешит волна,
Горою-городищем
Уснула старина.
Бежит вода, играя,
В оправе тростников —
Дорожка голубая
Из сумрака веков.
Уплыли годы-струи,
А новые пришли...
Сюда со всей округи
Бывало хлеб везли.
И видел с горки ельник,
Как тут, забыв покой,
Чуть свет старался мельник,
Обсыпанный мукой.
Шесть мельниц поднимали
Плотинами реку...
Все срыли и сломали
На горе мужику.
Река все тише, глуше,
В кувшинках с головой.
На памяти старушек

Простор кипел травой.
Давно лугов не стало,
Стогов в помине нет...
Отняли у кристала
Неповторимый свет.
Отняли у певички
Ее заветный звук.
Печалью взор слезится,
Все падает из рук.
Краса веков померкла:
С холма на мир глядит
Платоновская церковь,
Как старый инвалид.
Бывало в день престольный
Весь край наш молодец,
Сияла колокольня
И колокол гудел.
Гремел на всю равнину,
Открытый всем ветрам,
Времен Екатерины
Высокий русский храм.
Мелодия и слово —
От киевских времен.
Нарядное Лунево
Шло на зазывный звон.
Ходили с Волоконки
И с Рябцева сюда.
Краса родной сторонки
Сияла, как звезда.
Хор пел при немцах даже,
И отступала смерть.
И вдруг не сила вражья,
Своя, как лютой смерч.
Мы опытом богаты
Великих перемен:
Иконы, как в тридцатом,
Срывали с белых стен.
От жуткого усилия
Крест наземь золотой.
Теряли ангел крылья
И голову святой.
А мы теряли душу,
Дар идолу несли...
Село трясли, как грушу,
Властители земли.

5

У речки бродят гуси,
Родник в кольцо одет.
Он бабушке Марусе
Приятен с давних лет.

Девчонкою бежала
Сюда она с ведром.
Вода в ведре дрожала,
Играла серебром.
Работою загружен
Был день во все года...
К реке светлей жемчужин
Бежит-дрожит вода.
Несет на коромысле
Два полные ведра.
Крадут веселье мысли:
Стара уже, стара...
Красавицей с портрета
Глядит. Теперь не та.
Разбудит луч рассвета —
И снова маята.
Весь день — корова, куры
И пара поросят,
И гости-балагуры
На ней одной висят.
Гостям, конечно, рада,
Нальет им молока...
К ней жук из Колорадо
Ведет свои войска.
Беги, спасай картошку.
Дела. Кругом дела.
А было — под гармошку
Под звезды
С песней шла.
Давно платком укрыта
Седая голова.
Над мужем,
Над Никитой
Давно растет трава.
Любил он спозаранку
Работу, как игру:
То прикипал к рубанку,
То рвался к топору.
Укладывая сено,
Старался дотемна.
В войну дошел до Вены
Гвардеец-старшина.
Минувшего касаясь,
Рассказывал порой:
«Там есть могила — Штраус
Лежит в земле сырой.
Он вальсами прославил
Себя, а я с полей.
Могилу ту поправил
Лопаткою своей».
В трудах зимой и летом,
Проворен, худ и сед.

Выписывал газеты,
Но не читал газет.
То шуткой душу тешит,
А то в сердитый час:
«Ну, что там нынче брешут
Писатели про нас?»
Был, помню, на пожаре,
Как вихрь, неутомим.
Неугомонный Шарик
Не расставался с ним.
Был май. Сажал картошку..
Упал — и нет надежд.
Рыдай над ним гармошка
Про город Будапешт.
душа его большая
Ушла за дальний плес.
Стоял и плакал Шарик,
Черноголовый пес.

6

Где пруд на солнце светел
И далям нет конца,
Покачивает ветер
Березку у крыльца.
Мать то пойдет к соседям,
То сядет в уголок.
Все ждет, когда приедет,
Заявится сынок.
Глядит в тоске бабуся
Среди других бабусь.
Плывут по речке гуси.
Ну где ж ты, милый гусь?
Работаешь в охотку
Или в пивной сидишь,
Все промываешь глотку,
Посудою гремишь?
Вон у соседки Нюрки
Сынок-то не зачах.
Супруга чернобурку
Таскает на плечах.
Орел в делах семейных,
Живет — не дует в ус.
То был вожак партийный,
Теперь — торговый туз.
Имеет секретаршу.
Девушка хоть куда.
Живет себе, как раньше,
В застойные года.
Сидит при телефонах,

Не человек — гроза.
У стражи из ОМОНа
Надежные глаза...
Задумчиво старушка
Встречает божий день.
Стоит ее избушка,
Как шапка набекрень.

7

По Оптухе все выше
Иду:
То луг,
То сад.
Лукьянчиково. Крыши
Пяти последних хат.
Здесь, у Мрачева Брода,
Река творит виток
И дарит нам природа
Воды живой глоток.
В краю зеленых долов,
Вдали от южных скал
В опале жил Ермолов,
Известный генерал.
И тут в лихие годы
Себя потешил бес.
Был храм с высоким сводом
И вдруг, как сон, исчез.
Пошли иные виды...
А много лет назад
Примчал Денис Давыдов
В коляске:
«Здравствуй, брат!»
Двоюродные братья
В краю, где тишь да гладь,
Нашли себе занятие —
Былое вспоминать.
В былом — бои, походы...
Ах, жизнь, где ширь твоя?
Где разные народы
И разные края?
Покачивали клепы
Щеглов в густой листве.
И тень Наполеона
Скользила по траве.
Друзья за разговором
Забыли глушь и тишь.
О, время! Гренадерам
«Ура!» кричал Париж.
Красотки были шибки —
Кружилась голова —
На русские улыбки,

На русские слова.
Свое отпели пушки.
Дождями луг примят.
На радугу избушки
Над речкою глядят.
Ни царского указа,
Ни громких дел тоска.
Белее гор Кавказа
Гуляют облака.
Плывут над Красным лесом
Доныне в вышине.
Зеленые навесы,
О, как вы милы мне!
Брожу во власти лета,
Как некий дачный тип...
Ермолов рядом где-то
Срывает белый гриб.

Ковры

1

В краю, где свод сиренев,
Лежит моя земля...
«О, Русь! — писал Тургенев, —
Люблю твои поля».
Беду России пылко
Он вывел напоказ
И очутился в ссылке,
Вдали от царских глаз.
Был император ласков,
Не потерял ума:
Два года жизни в Спасском
Не то, что Колыма.
Хоть тучи и нависли,
Но парк хорош в окне,
И воздух полон мыслей
В родимой стороне.
Туман в ночи, как вата.
Заря, шаги ускорь.
Наморщив лоб Сократа,
Расхаживает Хорь.
Калиныча поляна
По ягоды, зовет.
Поет душа Касьяна,
Родную даль поет...
Тургеневская местность.
Природа — благодать.
Сюда любому лестно
Приехать-побывать.

Тихи аллеи сада
И замерли года,
И все толпиться рады
У Савина пруда.
Богданов бородатый
Словесный стелет шелк.
И фотоаппараты
Повсюду — шелк да шелк.
И дом увековечен,
И липы у ворот.
Восторженные речи.
Ликующий народ.
«Ах, парк!
Ах, дуб любимый!
Ах, тени у пруда!»
А Зорников Владимир
По яблоки сюда.
Растроган был музеем,
Глазами охватил.
Но долгим ротозеем
По саду не бродил.
Он тоже любит розы,
Но жизнь — тяжелый воз:
Решал в садах совхоза
Хозяйственный вопрос.
Смотрел с тоской на хаты
И сокрушался он:
«О, эти экспонаты
Тургеневских времен».
«Где склад? — спросил с тревогой. —
Ведь яблоки в грязи!»
К тому же гроб — дорога,
Хоть на спине вези.
Смотрел на все сурово.
Вздыхал. Ругал. Исчез.
Потом явился снова,
В дела совхоза влез...
На сотни верст Россия.
Луга, поля, простор.
Горит у речки синей,
Как в старину,
Костер.
И, кажется, мальчишки,
Легендами маня,
Вот-вот шагнут из книжки
И сядут у огня.
Присели да не дети
Два дюжих рыбака.
Костер весь вечер светит
Видать издалека.
Сказал один другому:
«Куда плывет страна?»

Знать, к берегу другому
Прибьет ее волна».
Был вечер тих и ласков,
Темнел в тумане бор.
Судьбу совхоза в Спасском
Решил их разговор.
Пошел по кабинетам
Смутьян, несущий свет...
«Не человек — ракета!» —
Сказал мой друг-поэт.

2

За днями дни теснятся,
Сгорают, как костры.
А Зорникову снятся
Ковры,
Ковры,
Ковры.
Ковры по всей планете.
От них светлеет взгляд.
На них играют дети,
Влюбленные сидят.
Из сказки вышло слово —
И принимай дары:
До города Тамбова
Доехали ковры.
Там жизнь берет начало,
Там родилась мечта.
Там душу раскачала
России красота.
Гармошкой пела юность,
Звала в зеленый сад,
В серебряную лувность
И в розовый закат.
Белым-бела рубашка.
Березок хоровод.
А сердце нараспашку:
Как чуда,
Счастья ждет.
Судьба велит полюбится
Не только луг и сад,
А каменный Люберцы,
Ковровый комбинат.
Смотри на мир любовно
К тебе
Грядет она — Любовь,
Любовь Петровна,
Хозяйка и жена.
В деревне за Кромами,
Едва сойдут снега,
Зелеными коврами

Стелились ей луга.
Сиреневые дали.
Июльские деньки.
В коврах хлебов играли,
Синели васильки.
Такому не забыться:
Там — бабушкины сны,
Русалки и жар-птицы
Славянской старины.

Давай с тобой присядем,
Души моей звезда.
Давай с тобой поладим,
Как в прежние года.
Припомним наши встречи,
Златые вечера...
Далече все, далече,
А будто бы вчера.
Сердца кипели кровью
У речки,
У пруда.
Все жили мы любовью
В те звонкие года.
И в наши дни бульвары
Ночами не пусть!.
Разгуливают пары.
Возводятся мосты.
Дружите крепко, дети.
Под жарким ливнем звезд,
Чтоб всех прочней на свете
Был ваш семейный мост,
Чтоб жили вы богато,
Не в подлой нищете...
Под крышей комбината —
Простор большой мечте.
Сперва бежали люди
От лютых перемен.
Не яблочко на блюде
Лихая пляска цен.
Обдали будто паром,
Но стали путь искать
И под шальным ударом
Сумели устоять...
Любить и кот Василий
Умеет за трубой.
Люби, чтоб вся Россия
Гонялась за тобой,
Гонялась и молила,
Найди твои следы:
«Спаси меня, мой милый,
От горя и беды!
Не надоели всхлипы

Про жуткий беспредел.
Будь сильным, как Столыпин,
И как Суворов, смел!
В душе слова теснятся
И греют, как костры...
Нет, не напрасно снятся
Ковры,
Ковры,
Ковры.

3

Умели наши деды
И сеять,
И пахать,
И драться до победы,
Беречь Россию-мать.
И если день настанет
Опять в дыму, в огне,
Спасет Россию память,
Да, память о войне.
Мне в стороне Орловской,
Как тяжкие долги,
Дивизии Литовской
Все слышатся шаги.
Казаху и грузину —
Цветы моих полей.
Над сыном Украины
Поет наш соловей.
Мне помнится упорно
И память не сломать:
Лежала птицей черной
У памятника мать.
Подстреленная птица
Кавказских гордых гор,
С каким костром сравнится
Души твоей костер!
Кривцовские могилы —
Республик всех родня,
Такой не знаю силы —
Отнять вас у меня.
Союзом нерушимым
Вы в нашей стороне.
У братства есть вершина,
Вершина — на войне...
Не меркнет свет победы.
Для всех друзей моих.
Умели наши деды!
А мы не хуже их.
Строенье вроде башни
Напоминает нам:
Тянулся век вчерашний

К нарядам и коврам.
Тянулся, но умильно
Смотрел со стороны:
Для фабрики прядильной
Коврами были сны.
Жужжали веретена,
Наматывалась пить.
Да, трудно время оно
С днем нынешним сравнить.
Гудят-поют машины,
Упруги и чисты,
Про новые вершины
Добра и красоты.
А где начало силы
Станков, стоящих в ряд?
Уютно и красиво
Художницы сидят.
Елена, Валя, Света
Сошлись не для игры:
Они цветное лето
Уложат на ковры.
Для них и вечер синий,
И желтая жара—
Хитросплетенье линий
Для нового ковра.
Красу они доставят
К себе, как в царство фей,
И Люберцы прославят
Находкою своей.
Находочка-находка,
Завистников гроза,
Плывет она, как лодка,
И радует глаза.
Как в выставочном зале
Волшебные дары,
Предстали перед нами
Ковры,
Ковры,
Ковры.
Горячими глазами
Глядели — будь здоров:
Над нами,
Перед нами —
Движение ковров.

4

Земля зерном богата,
Богата и лузгой.
Иной — ума палата,
Совсем дурак — другой.
Страшнее наводнения

Такой чиновный люд.
Они без позволения
Не пляшут,
Не поют
И даже не влюбляются,
И не вступают в брак.
Ну, как вам это нравится?
Наверное, никак.
Наш век суров и труден,
И справиться с бедой
Сумеют только люди
Отваги молодой...
Играют лета краски.
Земле приятно цвести.
Друзья в Орле и Спасском
У Зорникова есть.
Он людям свой и птицам,
И липам у пруда.
Не просто поклониться
Торопится сюда.
Стал, маловеров кроя,
Речистым, как поэт...
Ему поверил Строев,
Зажег зеленый свет».
У Строева в приемной
Народ, всегда народ.
Везет он воз огромный
В пылу больших хлопот.
Стоит, слегка сутулясь,
Идет на вечный зон
Родных орловских улиц,
Родных густых лесов,
На зон родного поля,
Оки в плену берез...
И близко все до боли,
И дорого до слез.

5

Сижу у телевизора,
Душою льну к вестям,
Все навожу ревизию
Властям
И не властям.
Ругну за то,
За это,
За вечный вихорь цен...
Катается по свету
Ковровый бизнесмен.
На встречах чушь не мелет,
Секретов не таит,
Ковры все дальше стелет,

Товарный держит вид.
Земля кругла, как глобус,
Ценить умеет труд.
По ней «Легенда», «Лотос»
Уверенно идут.
Тепло сердец касается
Волшебник Аладдин.
И «Русская красавица»
Светло глядит с вершин.
Без грохота и крика,
Одним искусством лишь
Красотка «Анжелика»
Готова взять Париж.
Ковры все интересней,
Рисунок мил и смел...
Поэт придумал песню,
А хор ее запел.
В восторгах мы едины,
Народ у нас толков.
Привез свои картины
Художник Курнаков.
Пел Алексеев басом,
Фролов смешил до слез.
Артисты!
Я тем часом
В стихах ковры вознес.
Весь цех в косынках белых —
Внимательный народ,
Оторванный от дела,
От всяческих забот.
Народ улыбки хочет
И в жизни,
И в кино.
Народ тогда хохочет,
Когда ему смешно.

6

Народ в беде не вымер.
Он веру в труд обрел...
И Зорников Владимир
Опять катит в Орел.
Где фабрики начало?
Пора стоять станкам!
Недаром раскачал он
Внимание к коврам.
Что ни ковер —
Жар-птица
В полете над Орлом.
Ковыльная струится
Беседа за столом.

Порой вздохнет с досадой —
В досаде гул веков:
Спасать Россию надо,
Спасать от дураков!»
И впрямь спасать бы нужно,
Стараясь в две руки
Они не безоружны,
При деле,
Дураки.
В усах и бакенбардах,
Взирают сверху вниз.
Бросают миллиарды
И тешат свой каприз.
Кто наши реки травит,
В леса завозит хлам?
Кто наши души давит
Налетами реклам?
Их корень — злая зависть
Удаче и уму.
Истории касаясь,
Найдешь примеров тьму.
Как гений — так в опале.
Дурак, видать, нужней.
За что Христа распяли?
За то, что был умней.
Умеют не умеют,
А принимают власть.
И столько бед насеют..
Не люди, а напасть.
О, мальчики с асфальта
При толстом животе!
Выделявают сальто
На русской нищете.
Напористы и лживы.
Бедой народной живы,
А не своим умом.
Умеют не умеют,
Берутся рисовать.
А критики радеют,
Чтоб выгодно продать.
Как некий королевич,
По залам зашагал
Еще один Малевич,
Еще один Шагал.
Народ не бьет баклуши —
Здоровый интерес:
Поет себе «Катюшу»,
Читает «Русский лес».
И старец, и мальчишка
Не клюнет на дурман.
Ему милее Шишкин,
Крамской и Левитан.

Шуми, душа, как море!
Сроднить бы все моря...
У Зорникова зори
В фамилии не зря.
Недаром сердце бьется
И ум его кипит.
В нем Русь жива:
Смеется,
Работает,
Творит.
Творит, как пишет сказку,
Стремительно-живой:
То в Люберцах,
То в Спасском,
То где-то под Москвой.
Душа помочь готова
В беде монастырю.
На поле Куликово
Глядит, как на зарю.
Там Русь стеною встала
На боевом коне,
Победа заблестала
На нашей стороне.
Но труден путь к победе
У нас во все века...
Как будто на медведя,
Идешь на дурака...

7

Мы — дети человечества,
Полно у нас друзей.
Но жалкое увечество —
Не чувствовать корней.
Живи,
Горами двигая,
Но помни дни свои
От Рюрика,
От Игоря,
От Муромца Ильи,
От Сергия,
От Пушкина,
Не от шальных причуд.
Полями и опушками
Нас корни позовут.
Каштанами, березками,
Тропинкой через рожь,
Где бегал ты подростком
И к старости придешь.
Луга — ковры в узорах..
Родные лики сел...
Люблю великий город

По имени Орел.
Заводами заметен
И славой окрылен..
Шумит в каштанах ветер.
Трамвайный перезвон.
Троллейбусные гулы.
Огни. Цветы. Весна
А между рек уснула
Седая старина.
Орел, не вскинув лапки,
Лежал в краю степей.
Тут получал по шапке
Татарский хан Гирей.
Тянуло иностранцев
Сюда со всех сторон.
Спешили самозванцы
На всероссийский трои.
Папы из-под Варшавы,
Из Кракова папы
Степные мяли травы
Орловской стороны.
Горяч был пап Лисовский,
Месил конями грязь,
Пока сюда московский
Не заявился князь.
И у Царева брода
Вскипела сеча зла.
Пожарский воевода —
В истории Орла.
В истории России
Наш дорогой Орел.
Полки от Новосиля
Сюда Горбатов вел.
В той битве самой лютой
Поэзия жива:
Гром первого салюта
Дарила нам Москва!
Той славы в каждом деле
Победный отзвук есть,
Пока не проглядели
Мы мужество и честь.

8

В уюте сонных комнат,
В гремучих поездах
Душа возьмет и вспомнит
О пройденных годах.
Припомнишь зимы, весны,
Осенние костры,
Грибной и сенокосной
Дыхание поры.

От книг не оторваться.
Случится чудо чуд:
Века зашевелиятся
И в дом к тебе войдут.
О них — картина в раме,
О них — колокола...
В окне легла коврами
Зима белым-бела.
И Пушкин золотую
Нам строчку засветил.
Крестьянин, торжествуя,
На дровнях покатыл.
Свод неба чист и светел,
Не подведет ухаб.
В снежки играют дети
И лепят белых баб.
Мороз берет в охапку,
Но жарко детворе.
Надели ели шапки
За речкой на горе.
Мне дорого и снято
Виденье давних лет...
Вот здесь катил когда-то
В проворных санках Фет.
Была сторонка наша
Алмазами полна.
Сидела рядом Маша,
Послушная жена.
Задумчиво, любовно
Смотрела на снега.
Была она, Петровна,
Поэту дорога.
Лед речку брал в оковы,
Подобен хрусталою.
В душе звенело слово:
«Я русский...
Я люблю..»
Полозья пели.
Ближе,
Все ближе был ночлег...
Тургеневу в Париже
Приснился русский снег.
Приснились лес и поле,
Деревьев бахрома.
Сказал он дочке: «Поля,
У нас теперь зима».
Раскачивало душу
Дворянское гнездо».
Рассеянно он слушал
Полину Виардо.
Все видел белый Невский,
Страну в плену снегов:

Там — Гоголь, Достоевский,
Там — Тютчев и Лесков.
Некрасов там, Островский,
Белинский — друг и брат,
И слушает Чайковский
Поющий снегопад.
Плывет в волнах эфира
Холодная луна.
Творцу «Войны и мира»
В усадьбе не до сна.
Наполеон, Кутузов —
Тяжел былого груз.
То русский бьет француза,
То русского француз.
В краю орловских долов,
В уютной тишине
Работает Ермолов:
«Записки о войне»...
Белы поля, полянки,
Овраги, крыши сел.
Он выйдет, сядет в санки
И поспешит в Орел.
Угрюмую речушку
Весна развеселит:
В Орел приедет Пушкин,
До слез заговорит...
Сверкающим пространством
Поплыл вечерний звон.
Подумал о славянстве
Языческих времен.
И там свисали ветки
Заснеженных лесов.
К себе ворота предки
Закрыли на засов.
Как будто налезают
На время ледники:
Столетия ускользают —
Ни слова,
Ни строки.
Смотрю, как в сумрак леса,
В провалы бытия...
Над книгою Велеса
Задумываюсь я.
Сраженья и походы,
Раскаты гулких гроз
И белый сон природы
Под кронами берез.
Горит в дали туманной,
Теплом обдав народ,
Андреем Первозванным
Предсказанный восход.
Мы не двуликий Янус,

Не хищника оскал.
Недаром Нострадамус
Россию приласкал.
Все ближе,
Все заметней,
Вселяя интерес,
Тысячелетье третье
Встает, как темный лес.
Не крикнем в страхе: «Где мы?»
Не свалят на покой
Ни лермонтовский Демон
И никакой другой.
Наш путь веленьем Бога,
Как солнцем, озарен...
Бежит-бежит дорога,
Плывет вечерний звон.
Нам трудно,
Даже очень,
Но мы живем не зря.
На смену каждой ночи
Является заря.
Задуманное сбудется
В большой моей стране.
Поет ковер о Люберцах
Недаром на стене.
Под резвыми ветрами
Качается камыш,
И руки тянет к маме
Доверчивый малыш.
О, милый мир детсада!
И говор там, и гам.
Забота и отрада
Для бабушек и мам.
Грядущее России,
Родная детвора...
Свою мы знаем силу,
Как красоту ковра.
В работе дни теснятся
То в гору, то с горы...
Вновь Зорникову снятся
Ковры,
Ковры,
Ковры.

ИВАН ТУРГЕНЕВ

1

Каштаны. Сплетаются тени.
Скамейки, как будто в строю.

Сидит над Окою Тургенев
И думает думу свою.
Глядит знаменитый писатель
На парк у слияния рек,
России великий спасатель,
Усталый седой человек.
Таким он гулял по Парижу
И славу с улыбкою нес.
Но я его более вижу
В краю, где родился рос.
Приду постоять спозаранку,
Про давние вспомню дела.
Быть может, увижу Дианку:
Она тут, наверно, была.
Бродила она, не иначе,
И терлась у бронзовых ног.
Звала его в лес под Карачев,
В калужские дали дорог.
Звала на Красивую Мечу,
Во Льгов и другие места...
Не выгнул он грузные плечи,
Не вспыхнул глазами,
Не встал.
Косматого друга по-братски
Не обнял тяжелой рукой:
Навечно его Бессарабский
Отправил сюда на покой.
От спасского сада и дома,
От мест дорогих далеко...
Профессор, по имени Громов,
Придет и вздохнет глубоко.

2

Я вижу родник у ракиты,
Я слушаю чибиса крик.
Дорога для думы открыта:
Откуда поэта язык?
Конечно, из песни и сказки,
Из книги о Русской земле.
Наслушался вдоволь и в Спасском,
И в каждом орловском селе.
Соломою крытые крыши.
Колодцы. Коровы. Трава.
Отсюда он с песнею вышел,
Зерном рассыпая слова.
Гостиная. Дым папиросный.
Лакеи у двери стоят.
А где-то высокие сосны
О Рюрике гордо шумят.
На травах алмазные росы,
Мальчишки у дымных костров

И радостный шум на покосе,
И сонная тишь вечеров.
Зеленые шири за Мценском,
Ромашковый трепет полян.
Он в этом краю деревенском
Писал за романом роман.
Шло слово из песни, частушки,
Преданий, рожденных давно.
И чудилось часто, что Пушкин
Глядит и мигает в окно.
Был Пушкин в серебряном снеге,
В березах, в рубинах рябин,
В загадочном слове «Онегин»,
В печали российских равнин.
Запомнил он гения голос,
И зубы, и блеск его глаз.
Берег его перстень, и волос,
И слова бесценный алмаз.

3

Пруд Савиной дышит прохладой.
Широкие тени ветвей.
За флигелем,
В сумерках сада
Защелкал-запел солоней.
Поет он о шапках сирени,
О липах и соснах поет.
Мне кажется, снова Тургенев
По темной аллее идет.
Все топкости пения знает,
Все милой актрисе дарит.
И Савина, слушая, тает,
Лицо ее жаром горит.
А вы бы, друзья, не горели,
Попав на такие Дары,
Когда он расписывал трели
В саду соловьиной поры?
Выкидывай, милый, коленца,
Осыпав руладами дом:
России поющее сердце
Мне слышится в пенье твоём!
Россия любимого сына
Теряла, когда уезжал.
Была ему эта чужбина,
Как «моря играющий вал».
Сперва с головой укрывала

Улыбкой, как шалью цветной.
Потом одного забывала
С терзающей душу тоской.
И было в подушках лежанье,

Как будто в холодном гробу.
Как стражники, хмурые зданья
Его охраняли судьбу.
Недуги работали грубо,
далек был российский простор,
Приветно шумящего дуба
Берущий за сердце шатер.
Не сразу расстался со словом,
Упорно трудился, как мог...
Укрыл его белым покровом
Прощанья не знающий Бог.

4

Над Орликом крылья тумана,
За Орликом — гомон и шум.
Так вот она, завязь романа,
Раздолье тургеневских дум.
Мелькают стрижи у карниза,
Черемуха снежно цветет.
И девушка, кажется, Лиза
Стоит у тесовых ворот.
Ты помнишь веселые весны,
Сирени пожар голубой?
По травам туманным и росным
Сюда мы ходили с тобой.
Мы жили высокой надеждой,
Был берег загадочно нем.
На скрипке протяжно и нежно
Играл нам восторженный Лемм...
Мы в Спасском,
Тургеневском Спасском.
Сомкнулась над нами листва.
Как будто на дивную сказку
Сошлись Петербург и Москва.
Внимают народы и страны,
Откуда тургеневский род.
Научный сотрудник Богданов
Экскурсию нашу ведет.
«Гостям, разумеется, рады»,—
Седую качнул головой.
Ведет нас по дому,
По саду,
Под шепчущей тихо листвой.
Сиренёвый дом — это чудо,
Не просто одна из квартир.
Не просто — картины, посуда,
А мысли дарующий мир.
Не просто часы и портреты,
Шкафы и диван-самосон,
А праздник свободы и света
И шелест российских знамен.

Я слышу победные звоны,
Я вижу кипение сил.
Недаром сам Грозный икону
Отважному предку дарил.
И слово,
И слава — до неба
С орловских полей и полян...
В соборе Бориса и Глеба
Крещен был Тургенев Иван.
В Орле он увидел березы,
Коня и оружие отца,
И алые-алые розы,
Что буйно цвели у крыльца.
Герой Бородинского боя
Отец был красив и в чести.
Его поднимал над собою:
«Расти, богатырь мой, расти!»
И няня смотрела любовно
Всею синью ласкающих глаз.
Давала Варвара Петровна
Старушке суровый наказ:
«На берег поставишь коляску,
Чтоб ветер лицо освежал».
Еще не дрожал он от сказки,
От книги еще не дрожал.
Смотрел на деревья, на небо.
Шла первая в жизни весна...
Собором Бориса и Глеба
Звала его вдаль
Старина.
Отсюда дороги начало
На Болхов, на Ливны, в Топки.
И слово звучит, как звучало,
Срываясь, как сокол с руки.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

1

Великий год раскалывал Россию,
Алели густо флаги над Невой...
А он, с глазами васильковой сини,
Ходил во власти страсти огневой.
Набаты били, и гудки трубили,
А тут кружилась сладко голова...
«Любимая! Меня вы полюбили!» —
В строку восторг укладывал слова.
Любимая! Глаза темнее ночи.
Желанная! Венок тяжелых кос.
В окне играли звезды узорочьем.

Спешил на Север
Дымный паровоз.
Потом — корабль и волны в море Белом,
И чайки, и церковей колокола.
Она казалась девочкой несмелой,
Она весной и сказкою была.
Ласкала скалы восхищенным взором,
Смотрела с палубы, как с золотой горы.
Кружили чайки, как над Черным морем,
Как в годы гимназической поры.
Давно ушла в минувшее Одесса,
Теперь иная высветилась ширь...
На спутника смотрела с интересом,
На шутки хохотала от души.
Курчавый чуб на солнце золотится.
Опять колеса поезда гремят.
И вдруг в лицо:
«Хочу на вас жениться!»
Горячий шепот.
Ненасытный взгляд.
Словам, что ветру озорному дунуть
Под шум черемух белых на крыльце.
Она ему: «Ах, дайте мне подумать!»
А он — сплошная мука на лице.
О, как она красива!
Как прекрасна!
Над миром всем, над музыкой колес
Парит ее сердечное: «Согласна».
Теперь вези на свадьбу, паровоз!
Любовь, известно, двигает горами.
О, праздник сердца! Нет ему конца.
И в старом храме, вологодском храме
Взошли над ними два золотых венца.
Взошли два месяца, как в небе над
Рязанью,
Как в Константинове, в волнах родной
Оки
Там первый крик и нежное дыханье
Цветов и трав,
И первый взлет строки.

2

Ока бежала,
С Орликом встречаясь.
Ока. Орел. В тургеневский тот край
Явилась новость: «Вышли сто, венчаюсь».
И ниже подпись: «Зинаида Райх».
Отец большим был наделен талантом:
Превыше жизни дочь свою любил.
Не шел — летел к Орловскому почтамту,
Телеграфисту что-то говорил.

Домой шагал, как во хмелю, качаясь.
Шли облака над ним, как острова.
В ушах звенело: «Вышли сто, венчаюсь».
И становились музыкой слова.
Шли облака легки и белоруды,
Смотрели в зеркала орловских рек...
Избранник Зины! Кто он и откуда?
Наверно, лучший в мире человек.

3

Они втроем приехали с вокзала.
Троих и принял домик на Кромской.
Смотрел отец счастливыми глазами:
Который зять?
Не тот ли молодой,
Почти мальчишка, с васильковой синью
В глазах и с волосами цвета ржи?
Неужто он, большой поэт России?
Неужто он? Ах, сердце, подскажи!
В той суете не вызрели расспросы.
Отец был глух. Ну, что с такого взять?
Решил родитель: нет, черноволосый,
Солидный и степенный — вот кто зять!
Солидного преследовал глазами:
Всей статью он устраивал вполне.
А этот, шустрый мальчик из Рязани,
Все как-то оставался в стороне.
И вдруг — какая странная картина:
Она рязанца под руку взяла.
«Ты не ошиблась, Зиночка?»
И Зина
Расхохоталась звонко, как могла.
Сплошной театр, а Зиночка актриса.
Вот разыграла старого отца.
Ужели этот парень белобрысый
Стоял с тобой в сиянии венца?
Смеялась мать: она-то угадала,
Кому глаза дочерние цвели,
Едва они приехали с вокзала,
Едва все трое в комнату вошли.
Вот он какой, веселый и упрямый!
Из глаз струится ласковая синь.
Он будет звать ее, конечно, мамой,
Как исстари ведется на Руси.
Веление судьбы — веленье рока.
Подай вам, Бог, любовь и благодать...
Она читала Пушкина и Блока,
Теперь начнет Есенина читать.

4

Старинный дом остался на открытке.
Ему судьбой подарены века...
Поэт отсюда вышел за калитку
И приласкал глазами облака.
Под белыми, как сахар, облаками
Он шел и нежность к прошлому хранил.
Над Орликом гремел колоколами,
Смотрел в лицо Архангел Михаил.
Дворянское гнездо. Отсюда Лиза
Ушла в монашки с горя, от любви.
Бродил печальный голубь по карнизу,
Голубку ждал с волнением в крови.
Над крышей стыло небо голубое,
Тонула даль в сиреновом дыму...
Он — ей: «Мы не расстанемся с тобою».
«Ты мой и только мой, — Она — ему

5

Уехали и жили в Петрограде
Два сердца пламенных,
Две умных головы.
Вздыхала мать, на их портреты глядя.
Вздыхал отец над письмами с Невы.
Любовь родителей - отчаянье и мука,
За вами, дети, ходит по следам.
Им так хотелось маленького внука:
К нему, к нему шли по метельным дням.
Зима свое отпела-отшумела,
Прошли ручьи, вновь яблони в цвету.
Дочь из Москвы, как птица, прилетела,
Волнуясь, ждет желанную мечту.
О сыне думает, в окно с улыбкой глядя.
Да, будет сын,
Он знаки подает...
А за окном какой-то шумный дядя
Мешками с воза груши продает.
Купила и наелась до отвала.
Занемогла. Кто боль прогонит прочь?
Явилась бабушка в помогла.
Сказана:
«Сударыня, спешу поздравить — дочь!»
Был май. Купались в золоте каштаны
Горячих, ослепительных лучей.
И в мир вошла Есенина Татьяна —
Живой малыш, бессонница ночей.
Поэт приехал. Сел у колыбели.
Поцеловал дочурку вновь и вновь...
А соловьи в садах орловских пели,
Как в годы Тютчева и Фета, про любовь.
О дочке весть все перекрыла вести
В большой стране, шагнувшей

в кутерьму.
Он ей: Мы будем вместе, всюду
вместе».
«Ты наш, и только наш», — Она — ему.

6

Но где поэту взять такие силы,
Чтоб сердце от России оторвать,
От буреломно-яростной России,
От той страны, чье имя свято — Мать?
Из мглы веков, из вечного тумана
Она его для песен позвала.
Она ему крестьянкою Татьяной
Явилась вдруг и жизни свет дала.
И этот свет судьба не погасила
Ни деревенским детством, ни войной.
И он, поэт, в ответе за Россию,
За буйный вихрь, владеющий страной.
Ворвался вихрь, бушуя и ломая.
Вздохнул поэт, шагая по следам:
«Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам».
«Отдай! Отдай!» — они ему кричали.
А сами шли решительно в подвал
И там царевен пулями кончали,
Которым он стихи свои читал.
Отдай — получишь памятник до неба,
А нет — петля и пуля до петли.
В краю дубрав в трав,
Над морем хлеба
О всех ушедших плачут журавли.
И ты уйдешь, и ты уйдешь отсюда,
Как по путям-дорогам ни кружи.
Останется лишь золотое чудо
С кострами глаз, с кудрями цвета ржи.
Забудут все российские просторы,
С кем дружен был, с кем жарко бушевал,
Как мужем знаменитой Айседоры
В какой-то там Америке бывал.
Но вечно будет в памяти прекрасно:
И синь, и звон, и желтых листьев медь:
«В саду горит костер рябины красной,
Но никого не сможет он согреть».
Она ему — весенняя Россия,
До края дней желанна и мила:
Она глазами дочери и сына,
Всем жаром сердца душу обняла.
Когда бы знал, что и ее убили,
И к ней крута железная рука,
«Любимая! Меня вы не любили», —
Не вышла б к людям строгая строка.

Великомученица рядом, только рядом:
В венце любви, в кругу его детей.
Шумят стихи зелено-белым садом,
На жизнь и смерть дарованные ей.

7

Бежит Ока
В движении широком.
Рязанщина Орловщине близка.
«Простор такой, что не окинешь оком», —
Поет во мне Есенина строка.
Лед из Орла Окою шел, качаясь:
Живые, голубые островки.
Поэт, с гостями-льдинами встречаясь,
Бросал с крутого берега снежки.
Взбухали почкой вербы и рябины,
Скворцов береза белая ждала.
И старый храм времен Екатерины
Стоял, где Анна Снегина жила.
Была она мила в накидке белой
С улыбкой глаз, махающей рукой.
О ней запела «ливенка» несмело,
О ней душа наполнилась тоской.
Прошла несмелость,
Привалила смелость.
От кратких встреч кружилась голова.
Большой любви, любви ему хотелось,
Хотелось душу выплеснуть в слова.
Он принят был самым великим Блоком.
Качнуло Клюева к нему в учителя.
В простор такой, что не окинешь оком,
Направил курс большого корабля.
Все говорят о пьянстве, хулиганстве.
Какая чушь! Всей жизни — тридцать лет.
И вот на этом крохотном пространстве
Взрос планетой признанный поэт.
Когда же был он на веселом взводе,
То юмор в нем брильянтами блистал:
«О Марксе, Энгельсе. Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал».
Смеялся над агитками Демьяна,
Пузатым «Капиталом», над собой.
И, может, потому его не стало,
Что смех был принят вызовом на бой.
Перед грозой встал он русским лесом
С усмешкою в лице на зло врагам.
И кто-то на него пошел Дантесом,
Зажав в горсти свинчатку, как наган.

8

Погиб поэт.
Притихли зависть, злоба.
Цветы любви несли со всех сторон.
Свекровь невестку встретила у гроба,
Крутое слово вырвалось, как стон:
«Виновны вы. Не сберегли, сгубили»...
Ах, мать! Неужто мать всегда права?
«Любимая, меня вы не любили», —
Как приговор, гремят его слова.
Ах, милый, милый! Ненаглядный сокол,
Земли печальной звонкий соловей,
В горячке слов нет истины высокой,
Она в глазах у дочери твоей.
Откроют правду поздно или рано,
Найдут иные горькие слова.
Ты не права, Есенина Татьяна:
Чуть-чуть права, а больше не права.
О них, двоих, не надо думать плохо.
Не видеть им позорного столба.
Досталась им коварная эпоха,
Досталась им жестокая судьба.
Был приговор иль не был к высшей мере,
Но шрам-то был, как пулей между глаз.
Я думаю с тоской об «Англетере»,
О тайне, зло преследующей нас.
В ней что-то от Ипатьевского дома,
От Гумилева, Ганина и всех,
Кто был убит.
Политика знакома:
В ней плач России,
Не России смех.
Доныне смех, переходящий в хохот,
Гремит, святыни русские гробя.
Досталась нам коварная эпоха,
Досталась нам великая судьба.

9

Под ветром времени, как под метелью белой,
Народ своим путем идет вперед.
Его душа — не клен заледенелый,
Она весну Есенина поет.
В весне поэта дорого и свято:
Березки, ветер, снег и неба синь,
И смертный бой рязанца Коловрата
За нашу Русь, за волю на Руси.
Весна пьянит лазоревою далью,
Зверьем, готовым каждого обнять,
И светлой-светлой снегинской печалью,
Дарованной душе, как благодать...
Брожу и думаю о давней-давней встрече

В моем Орле,
На улице Кромской.
Горстями звезды высыпает вечер
В простор небесный, в Орлик голубой.
Звенит трамвай. Троллейбусные гулы.
Лесков. Тургенев. Милый русский край.
В косынке алой женщина мелькнула.
Красавица! Наверно, Зина Райх.
Душа узреть несбыточное рада,
В минувший век вплывает, как Жюль Верн.
Вон женщина проходит у горсада.
Красавица! Наверно, Анна Керн.
Очарование!
Я восхищенным взглядом
Смотрю: качает ветер ковыли.
И Пушкин рядом,
И Есенин рядом,
И птица-тройка в голубой дали.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

1

Любуюсь Матушкой Окою,
Но вижу свет по всей земле.
до старины подать рукою
В родном тургеневском Орле.
Я берег детства не обижу
В разгуле суетных времен,
Что вновь глазами сердца вижу:
Качает волны
Тихий дон.
Паромы грузные качает,
И камыши, м облака,
И сына славою венчает
На все грядущие века.
Какого сына!
Мать Россия
С ним, как за каменной стеной.
Не умер он, седой и сильный,
И не зарыт в земле сырой.
Вся знает Вешенская: рано
Идет писатель в кабинет
И снова главами романа
Растет и ширится рассвет.
К нему толпой приходят дети,
Играют горны во дворе.
Его узнали все на свете,
Как Льва Толстого при Царе.
Его терзали клеветой —

Не смят лазоревый цветок...
Как прежде, утро золотое
Седой ласкает хохолок

2

Одна у недругов манера —
Растить не розы, а дурман:
Нашел-де сумку офицера,
А в ней
Невиданный роман.
Чуть-чуть, мол, рукопись поправил,
Зашел за строчкой в мемуар
И подпись «Шолохов» поставил:
Поди пойми, где Божий дар,
А где страницы плагиата.
О, этот подлый плагиат!
Явилась выдумка когда-то,
Ушла и снова
Смуте в лад.
Ликуют хилые пигмеи,
Присев, как мухи, на роман.
«Так сочинять и я умею»,
В газете пишет графоман,
А он:
«Молчите, недоумки!
Я в мир вошел не из трущоб.
Мой «Тихий дон» из этой сумки...»
И солнце высветило
Лоб.
В глазах, как тень, обиды горечь,
И вновь заря светлым-светла.
Не зря узрел Серафимович
В орленке-юноше
Орла.

3

Была великая держава,
В ней степь — душистая постель.
Казачья даль,
Казачья слава
Его качали колыбель.
Весны цветастая обнова
дарила радость, осень — грусть.
Он знал «Кзаки» Льва Толстого
Не просто так, а наизусть.
Он проходил «Войной и миром
Свой главный университет.
Нет, не столичная квартира
Была ему весь белый свет.
Сам тихий дон, играя синью,

О давних днях ему трубил.
Он знал Наталью и Аксиною,
Лозу с Григорием рубил.
Дышал станиц тяжелой гарью,
Расправой века потрясен.
Когда медаль вручали Дарье,
С отцом своим
Был там же он.
Наделала казачка шума,
Сгубила душу кутерьма:
За мужа мстя, убила кума
И долго мучилась сама.
Была расколота держава:
Не до цветов, не до любви...
Казачья даль, казачья слава
И путь в Грядущее в крови.

4

Обстрелы, выстрелы, расстрелы.
Судьба — не кадры из кино.
Схватили юного пострела
Ребята Нестора Махно.
Хватило пуль для продотряда,
доволен казнью атаман.
А этот — экая досада —
Откуда взялся мальчуган?
Смотрел мальчишка отрешенно,
Топтал траву и зло молчал.
«Вставай, проклятьем заклеименный», —
Суровый гимн в ушах звучал.
Вставай, а он уже не встанет.
Не пощадит его Махно.
Заря во рву его застанет.
Судьба — не кадры из кино.
Махно: «Попался, нахаленок!»
А голос ластится к нему:
«Оставь! Ведь он почти ребенок».
Он: «Ладно, жалко самому».
Взглянул с усмешкой на мальчишку,
Качнул кудлатой головой:
«Ну, что? Живой, товарищ Мишка?
Живи, покудова живой.
С винтовкой ежели увижу
Еще хоть раз...
Иди пока!»
Он «Тихий дон» прочел в Париже
И понял: классика рука.
Увидел дон в рассветной сини,
Услышал шум родных берез
И долго думал о России,
О том, что дорого до слез.

Великий дон! Какого сына
Твоей волною обдало!
«А мать-то с нашей Украины», —
Подумал гордо и светло.

5

Его отец из-под Рязани.
Но странная для сердца весть,
Как звон седых времен в тумане:
Повсюду Шолоховы есть.
Я их под Ливнами встречаю:
Фамильный звук поет струной.
И древний дон, кусты качая,
Проходит нашей стороной.
Он серебрист в лучах заката,
Зимой пушист, в снега одет.
«Здорово, дон!» писал когда-то
Орловский юноша-поэт
Весною смело рвет оковы
И вновь играет серебром.
Приносит с поля Куликова
Весть о победе над врагом.
Не зря былое возлюбили,
Добыли мир из-подо льда:
Рязанским княжеством мы были
В те стародавние года.
Идти мы далее готовы
Дорогой славы на восход.
Где старина, там наше Слово,
Там песнь про Игорев поход.
И дальше вглубь до белых башен
Славянорусских городов.
Недаром письменности нашей
Так много минуло годов.
До Рима было наше слово,
Стихи сумели перевесть.

6

А у товарища Ежова
Донос на Шолохова есть.
Большую папку полистали.
Сошлись. Засели. Строгий вид.
Допрос ведет товарищ Сталин,
Тяжелой трубкою дымит.
Нарком — срывается дыханье —
Проворно делает доклад:
«Готовит Шолохов восстанье».
А он в тоске:
«Ну, брешет гад!
Ишь, как выказывает норы».

Вся жизнь моя в его горсти.
Сейчас подкатит черный ворон,
И все. О, Родина, прости!
Убьют. Сожгут. Развеют пепел.
И не останется следа.
Мои лазоревые степи
Я не увижу никогда». —
Стоит, как будто напроказил,
Урок учителю сорвал.
Ежов свое поет в экстазе:
«Колхозы тоже осуждал.
Темно глазам и сердцу больно.
Да, обвиненья не просты.
Хозяин кашлянул: «довольно.
Ну, а теперь, что скажешь ты?
Он мастер,
И спасает слово.
Он смел,
Казак из—казаков.
Хозяин вымолвил сурово:
«Ты плохо выглядишь, Ежов.

7

Война. Тревога отступлений.
Убита мать, и дом в огне.
Полковник русский,
Русский гений,
Что ты расскажешь о войне?
Была станица под обстрелом.
Бросали бомбы в белый дом.
Кружил над материнским телом
Стервятник в небе голубом.
Что там Даниловне приснится,
Душе, налетевшей к небесам?
Как сын, уехавший в столицу,
Ей письма краткие писал?
Как грамоту смогла осилить,
Как научилась отвечать...
Как сын стал славою России
И до небес возвысил мать.
И вот за все теперь расплата:
Был на прицеле белый дом.
Она в одном лишь виновата,
В одном
И только лишь в одном,
Что доброте его учила,
Высокой искренности слов,
На службу Родине вручила,
Как принято у казаков.
Страна победою венчала
Свою великую беду,

И слово Родина звучало
Со словом Мать в одном ряду.

8

Я помню:
Было очень важно,
Так русским сердцем решено,
Чтоб в белом доме двухэтажном
Светилось главное окно.
О чем он пишет?
Как он пишет?
Хотелось точно людям знать.
А главное — живет и дышит,
Рыбалкой тешится опять.
А дон то светится, играя,
То грозно хмурится в ночи.
Сюда бывало целой стаей
Летели в гости москвичи.
Давненько было все,
Давненько.
Иная встреча, как во сне.
Артистка Зина Кириенко
В Москве рассказывала мне:
«Когда мы «Тихий дон» снимали,
Нам на Дону играл рассвет.
Дом знаменитый занимали,
И мне достался кабинет.
Я укрывалась одеялом
Его и так была горда.
Была в восторге небывалом.
Мне это все
На все года.
Был Дон хорош.
Простор безбрежен.
О, милый свет далеких дней!
А он был трогательно нежен
Ко мне, как дочери своей».

9

Земля российская богата,
И сила русская жива.
«В годину смуты и разврата
Не осудите, братья, брата»,—
Мне вспоминаются
Слова.
За ними — кровь степных раздолий,
Донской печальный краснотал...
Учился я в Альшанской школе,
Когда впервые прочитал...
И край, где шумные станицы,

Где в степь уходят хутора,
Мне начал грезиться и сниться.
О, сила русского пера!
Я в плен захвачен силой света,
Верней — от тьмы освобожден.
В родной Оке тонуло лето,
А я все видел
Тихий дон.
Был сон:
Я в шолоховском доме,
Со всей семьей его знаком.
На Дон накатывали громы,
Играла буря ветряком.
А он смотрел, глаза прищуря.
Он видел все и понимал.
И бурю,
Бешеную бурю
Сердечным словом унимал.

ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ВЕЛЕСОВА КНИГА

«И вот начните,
во-первых — главу пред
Триглавом склоните! —
так мы начинали,
великую славу Ему воспе
вали,
Сварога — Деда богов вос-
хваляли, что ожидает нас.

Сварог — старший бог
рода божьего.

Из перевода А. И. Асова.

Голову склоните пред Триглавом,
Пойте славу громкую Сварогу.
Всех нас ожидающему — слава!
дед богов, он старший в Роде Бога.
Роду он — родник, что из-под кроны
Бьет и бьет, зимой не замерзая.
Пьем, пока живем в краю зеленом,
Не ушли к садам блаженным рая.
Громовержцу грозному Перуну,
Богу битв, борьбы, мы говорили:
«Оживляя явленного струны,

Возвращаешь нам седые были.
Не устань вращать колеса жизни
Ты, кто вел славян дорогой правой.
К битве нас привел,
К великой тризне».
Вечно живы павшие со славой!
Не забыты павшие геройски,
Память им вызванивают струны:
Пали вы в бою, но живы в войске,
В самом сильном войске — у Перуна.
Мы пропели славу Святовиту,
Богу Правы,
Богу нашей Яви.
Святовито имя знаменито
В каждом крае, в полё и дубраве.
Белый свет через него узрели,
Явь явил, от Нави убёрег
В честь его плясали мы и пели,
Принимал хвалу великий Бог.
К пляшущим, поющим был не грозным,
Будто с нами вместе ел и пил.
Землю на руках носил и звезды,
Свет на радость людям укрепил.
Сотворите славу Святовиту:
Славен Бог,
Счастливая пора —
Все деянья злые позабыты,
Притекли мы к берегу добра
Обнимитесь, дети, и поймите:
Ум ваш для понятия слишком юн —
Есть большая тайна в Святовите,
Он Сварог, друзья, и он — Перун.
Белобог воюет с Чернобогом,
День на смену сумеркам летит.
Велес, Хорс, Стрибог — все дружат
с Богом,
Тем, что носит имя Святовит.

* * *

Следом — Вышень, Леля, Летеница,
Радогощь, Крышень и Коляда,
Сива, Яр, Дажьбог. Они, как птицы,
Из большого Божьего гнезда.
С Белояром Ладо и Купала,
Сенич, Житнич, Венич.
Край полей —
Зернича, Овсевица начало,
Просича, Соломича начало,
Студич, Ледич, Лютич всех лютей.
А за ними Птичич и Зверинич,
Милич, дождич, Плодич, Ягодинич,

Пчелич, Кленич, Озернич с озер,
Ветрич, Грибич, Радич и Корович,
Красич, Травич, Стеблич, Светович,
Липич поднял липовый шатер.
Горич с гор, а Ратич — тот от рати,
Стр адич, Мыслич, Родич, Огнебог...
Ты сюда приходишь на закате
После многих жизненных дорог.
Ты сюда придешь на зов Триглава.
Встанешь у неизвестных ворот:
Вот она Небесная держава,
Где тебя прекрасный Ирий ждет.
Сваргу с Явью в небе разделяя,
Речка Ра, как по земле, бежит.
Числобог, здесь наши дни считая,
Лишь богам те числа говорит.
День ли, ночь — ничуть не озабочен:
Сам он обитает в вечном дне.
Ночь пуста. Есть бог один у ночи —
Дид-дуб-Сноп в подзвездной тишине.
Славен будь, Перун наш Огнекудрый!
Посылая стрелы на врага,
Верным — пастырь праведный и мудрый,
Нас ведешь в небесные луга.

* * *

Как умрешь, к лугам уйдешь Сварожьим,
Перуницы слово обретешь:
В слове том — большая милость Божья,
Светлая, как тропка через рожь.
Ты ее заботы достоин.
Скажет: «Не варяг он и не грек —
Русский витязь, смелый русский воин,
Славянин, достойный человек.
Шел он, воспевая Матерь вашу,
На твои луга спешил, Сварог».
Молвит Бог: «Всего наш Ирий краше,
Отдохни от жизненных дорог.
Тут увидишь бабушку и деда,
Будут рады встретиться с тобой.
Потекут душевные беседы,
Словно воды Волги голубой.
Красоту небесную сердечно
Возлюбив, забудешь о войне.
Будешь жизни радоваться вечной,
Чудным видам,
Мирной тишине.
Будешь занят делом ты полезным —
Хлеб растить Сварогу в закрома.
Отойдут страданья и болезни,
Не вернется лютая зима».

Был у нас с врагами бой кровавый
Не один — Отчизна дорога.
И ушли все павшие со славой
На Сварожьи вечные луга.
Матерь Сва, как птица, бьет крылами.
Солнце-царь в просторе голубом.
Перья многоцветные над нами
Засияли в блеске золотом.
Перья расцвели, как луг в июне:
Красный, желтый, синий, как волна.
Мы верны божественной Ясуни,
Сна народу русскому верна.
Красотой седьмой она сияет,
Краше всех на свете нашем дев.
И, любуясь ею, пролетает
Бог Перун, громами возгремев.
Смотрим мы спокойно и сурово,
Как ломает буря дерева,
Отсекая жизнь от жизни новой,
Как топор безжалостный дрова.
Устояли в яростном буруне,
двинулись уверенно вперед.
Реет стяг, священный стяг Ясуни,
Матерь Слава вновь крылами бьет.

* * *

Издалека птица прилетела,
Перьями, как радугой, светясь.
На березку села и запела,
Все о том, чем мы живем, гордясь.
Были битвы, жаркие сраженья.
Вспомним же отцов великий ряд:
Все они на наше поколенье
Ныне с неба синего глядят.
Не одни мы в поле, а с отцами,
В нас их удаль русская жива.
Как они, сражаемся с врагами,
Сеем хлеб, сажаем деревья.
Мы, помыслив с помощью Перуна
В солнцеликой нашей стороне,
Видим в небе черные буруны.
Всадник, видим, скачет на коне.
Гром гремит и молния сверкуча.
В тучу бьет стремительным лучом.
Это всадник смелый и могучий
Рассекает облако мечом.
Гром гремит, небес вода живая
К нам бежит и жизнью в нас течет.
Бог Сварог, лучами обнимая,
Светит нам и силы нам дает.
Ночь. Земун - небесная корова

Разлила густое молоко.
Звезды... Путь мы выбрали суровый,
Правый путь, ведущий далеко.
Было так: во все века потомок
В сердце Русь любимую держал.
Не один был бой горяч и громок,
Но в бою наш воин не дрожал.
За родную землю умирали,
Нас вела высокая звезда,
И достойны Ирия мы стали,
Райских благ на вечные года.
Умирая, думали о Боге,
Шли к Перуну в вечные войска.
Вел Велес в небесные чертоги
По разливам звездным молока.
Приводил Велес к воротам рая.
Ждали с нетерпением в глазах,
Чтоб запеть, и Бога прославляя,
И высокий храм его в огнях.
Мы не жили трутнями во мраке,
Полюбили поле, луг и лес.
Праотцев пахать и сеять злаки
Научил внимательный Велес.
Матерям, отцам — вовеки слава!
Их добро не знает берегов.
Нас они вели дорогой правой,
Научили чтить своих богов.
Славим их на дедовском кургане,
Вспоминая прежние года.
Все мы, люди русские — славяне,
Хлеб чужой не ели никогда.

* * *

Сказ о Богумире — муже Славы:
Двух сынов имел, трех дочерей.
Скот гонял на шелковые травы,
А умом был сокола быстрей.
Верен был божественной Ясуни,
Все старался разумом обнять.
Говорит ему жена Славуня:
«Время дочек замуж отдавать»
Богумир запряг коня в телегу,
Покатил куда глаза глядят.
Выбрал в поле место для ночлега.
Дуб. Над дубом звездочки горят.
Запалил костер себе от стужи,
Заиграл огонь средь темноты.
На конях подъехали три мужа:
«Будь здоров, отец! Что ищешь ты?»
Он поведал. Трое помолчали
И сказали: «Сами ищем жен».

Три сестры их с радостью встречали,
Отдавали каждому поклон.
Стали Древа, Скрева и Полева
Дорогой легендою славян.
От того великого посева —
Род древлян, род кривичей, полян.
Слух пошел по селам и кочевьям,
Как мужей три дочери нашли.
Утренник, Полуденник, Вечерник —
Так зятьев Славуни нарекли.
Сыновья же, поздно или рано,
Поженились тоже в свой черед.
Сена дал начало северянам,
А от Руса русский вышел род.
Тем родам начало Семиречье,
Дальняя степная сторона.
Скот пасли. Имели часто сечи.
Готская замучила война.
Было до царя Германореха
Тысячу и триста долгих лет.
Стали готы страшною помехой,
Весь перемутили белый свет.
Были в море Готском ураганы,
А на суше схватки средь людей.
Насыпали белые курганы,
Хоронили там своих вождей.
Скорбью тяжелой были мы объаты,
Потерян достойнейших бояр.
Но ушли не сразу на Карпаты,
Нанесли еще врагам удар.

* * *

Русский дух на новые высоты
Поднят был суровою судьбой.
Мы пришли и растоптали готов,
Возле моря выдержали бой.
За рекою Ра мы раньше жили,
Волгой путь тот водный наречен.
Со скотом мы Волгу переплыли,
Отдохнули и пошли на Дон.
Море. Юг. Кружат над степью птицы.
Снова готы подняли копье.
Долго были вынуждены биться
Мы за проживание свое.
Бой за земли южные был страшен.
Бились, вспоминая давний год.
Когда гунны шли на дедов наших,
Отбирая хлеб, людей и скот.
Новый бой мы выдержать могли бы,
Но позвали тучные луга,
добрый край, где в реках много рыбы,

Солнце спать уходит за стога.
Мирно б кони сытые бродили,
Спали б мы спокойно по ночам.
Только готы нас опередили,
Потянулись заново к мечам.
Стали бы мы вольными, как птицы,
Но свистит стрела,
Гремит копьё...
Снова были вынуждены биться
Мы за проживание свое.

* * *

Сказ о том, как получил Квасура
Тайну, милую земле и небесам,
Чтоб не быть в день Радогощи хмурым,
А плясать и славу петь богам.
Был Квасура сильным и умелым.
Лада, чтоб его развеселить,
В воду мед душистый повелела
Вылить и сурыню сотворить.
Солнце тот напиток сотворило!
Пьем его с докиевских времен.
Богумир черпал в сурыне силы,
От отца секрет услышал он.
От него к Сварожичу дорога,
Значит, даровал сурыню Бог.
Зло безумных слов — от Чернобога
Радость дарит людям Белобог.
С нею мы здоровы и отважны,
Дни Овсеня пляшут в колоске,
И мечи куем на силу вражью
С божескою силою в руке.
Богумира славою венчали
Боги, поднимая на врагов...
Есть у рода каждого начало,
Мы ведем начало от богов.
С голубого смотрит небосвода
Бог Сварог в зеленый мир степей.
Он — отец нам,
Он — родитель Рода,
Дарящего Киеву князей.

* * *

Богумиру боги дали благо.
Жили мы, довольные судьбой.
Старшего за мудрость и отвагу
Становили князем над собой.
Отобрали греки у народа
Волю и державные права:
Стал потомок княжеского рода

Князем в силу близкого родства.
После Богумира правил нами
С сыновьями Арий — мудрый князь
Вышли гунны с острыми мечами,
На упорство наше обозлясь.
Сила против нас образовалась.
Встали мы, тревогу затая.
Ничего как будто не осталось,
Как в иные двинуться края.
Но ушли, довольные собою.
Скажут люди, истину любя:
«Землю не оставили без боя,
Крепко русы бились за себя!»
С греками борусичи сражались.
Ра тогда границею была.
Шли и шли враги. Но мы держались
Чтобы Русь под внуками была.
Чтоб леса и нивы не горели,
Колос крен, густели зелены,
Чтобы степи наши молодели
И не знали чуждого коня.

* * *

Приходила к нам большая стужа.
Вновь и вновь. Дрожали у костра.
Двинулись к горе, но вышло хуже:
Среди ночи дрогнула гора.
«Что случилось?» — в ужасе гадали.
Началось трясение земли.
Ржали кони, овцы пропадали,
Скот сокрылся в сумрачной дали.
Черная дыра образовалась.
Грохот. Плач. Разгневался Сварог.
Ничего славянам не осталось,
Как покинуть отческий порог.
И ушли они из Семиречья.
Арий шел с сынами впереди.
Новый край от старого далече.
Было все: и вьюги, и дожди,
И разливы вод с теплом весенним,
И ночные злые холода,
И голодный зверь...
Дошли и сели
У реки широкой навсегда.
У реки Непра - степные травы,
Лес густой у синего Непра.
Вознесли славяне Богу славу
И плясали дружно у костра.
Славили Перуна и Сварога,
Славили Купалу и Дажьбога,
Ладо, Щура, прашуров своих.

Вспомнились русалки, домовые,
Водяной, цветенья яровые
И Яр-бог, что богом был при них.
Стала домом темная дубрава,
Стала снова спутницею слава,
От нее потом пошла держава
Достохвальных киевских времен.
Кий, Хорив и Щек рядком сидели.
Арий пел, и братья тоже пели.
Отзывался громом небосклон.
Непр бежал, волной шумя по мелям.
Пел пастух, подыгрывая в рог.
Бороды, утыканные хмелем,
Шевелил невидимый Стрибог.

* * *

Годы шли. Наш Арий жил, трудился.
Был он благ. Овец и скот держал.
На пороге странник появился,
В дальний путь сынов его позвал:
«Вас земля иная ожидает,
Вы еще не видели такой.
Солнце там ночами отдыхает
На своей кровати золотой».
Сыновья в краю том побывали
И отцу сказали:
Чудный край!
Мы такие травы не видали,
Хоть стога до неба поднимай».
Племена, в желаньях едины,
Не замедлив, двинулись в поход.
Степью шли,
Песчаною пустыней,
Добрались до каменных высот.
Отдохнув с полвека на привале,
В середине трудного пути,
Собрались и конницу собрали,
Чтобы земли чуждые пройти.
На тропе им путь закрыло войско,
Но победный выдался исход.
Проявили русичи геройство,
Продолжали далее поход.
Теплые обрадовали земли.
Но сидят не наши племена.
Ничего чужого не приемля,
Дальше шли с темна и дотемна.
Как своих детей, вели пас боги,
До горы высокой довели.
С недругом сразились по дороге.
Победили, Далее пошли.
Чтя завет Купалы и Сварога,

Умывались чистою водой.
Мы не жили грязно и убого,
Не грозили жителям бедой.
Мы не забывали о работе,
Жили, чистым воздухом дыша.
И была в веселье, как в полете,
От вина небесного душа.
И река, бежавшая, как время,
В берегах крутых и некрутых,
Привела. С души упало бремя:
Мы узрели пращуров своих.
Не глазами, сердцем увидали,
Как они живут на небесах,
Будто бы не в Навь, а в Явь попали,
Там, где, правя, Правь сидит в князьях.
Люди пашут и снопы свивают.
Заребога слушая, сидят.
Гуннов нет, и эллинов не знают.
Только тихо травы шелестят.
Ветерок играет спелой рожью.
Нет страданий. Зла в помине нет.
Утверждает счастье воля божья.
По лугам бегут тепло и свет.
Пращуры встречают Заребога.
Синь. Сады качаются в цвету.
Это все исходит от Сварога,
Он творит такую красоту.
Велес правит тучными стадами,
В золоте по золоту идет.
Ни рабов, ни дани. Под руками
Только виноград, зерно и мед.
Славу мы поем и повторяем,
Славу носим в имени своем.
Умирая, мы не умираем,
В новом мире заново живем.
В смертный час перестаем трудиться,
Божьи продолжаютя труды.
Нам живую воду Перуница
Подает. Что лучше той воды?
Белый конь идет и гривой машет.
Ты вскочил и вновь, как прежде, юн.
Конь-огонь уносит души наши
В тот чертог, где ждет давно Перун.
Новое себе достанешь тело,
Здоровей и краше во сто раз.
Будешь жить, творя святое дело,
В небесах помолишься за пас.

* * *

А теперь о том еще расскажем,
Как пришли сюда мы, где живем.

И стада вам тучные покажем,
И надежно выстроенный дом.
Да святится имя Индры! Беды
Знает он, славянский бог мечей.
С ним добыли многие победы,
Слава Индры — в золоте лучей.
В Иньский край мы, арии, явились
Из Арийской солнечной земли.
Тут у нас три рода разделились,
Три дороги братьев развели.
Арий повелел им разделиться,
Мудрый князь, внимательный отец.
Люди стали в Киеве селиться,
Положили странствиям конец.
Кий, один из братьев, строил Киев,
Славный город русов, на века.
За его деяния такие
Слава Кия льется, как река.

* * *

Привела нас к Ильменю дорога,
Основали Новгород и в нем
Молим Бога,
Пращура Сварога,
Верой наших праотцев живем.
Верим в Бога Света, Нави, Прави,
В Бога Яви. Верой жив народ.
То, что привело нас к громкой славе,
Непременно к благу приведет.

* * *

Белых мы коней отдали Богу
У высоких гор, у синих рек.
Выбрали далекую дорогу,
Долгую дорогу
В целый век.
Тяжкий груз взвалили мы на плечи.
На ветру качались ковыли.
Из Загорья шли, из Семиречья,
С гор Арийских прямо на Двуречье.
Всех разбили,
В Сирию пришли.
Шли потом высокими горами,
По снегам, по льдам, как по лугам.
Степь узрели с гордыми орлами,
Мы ее наполнили стадами,
Не отдали степь свою врагам.
Родились сказания и мифы,
Как мы жили, правдою сильны.
Нас прозвали скифами.
Мы — скифы,

Мы — гнезда славянского сыны.
После битв явились на Карпаты,
Над собой поставили князей.
Были годы бедами богаты,
Потеряли много сыновей.
Притесняли нас.
Но нрав веселый
Нам светил, как добрая звезда.
Города мы строили и села,
Твердо веря:
Строим навсегда.

* * *

«Ничего нашли себе занятъе! —
Крикнул Арий — Слушайте скорей!
Убивают гунны наших братьев,
Будто режут скот или зверей!
Мы уйдем!»
И зов его приемля,
Люди путь избрали далеко.
И пошли в невиданные земли,
Где текут и мед, и молоко.
На конях поехали три сына —
Кий, Пащек и Горовато вслед.
А за ними юношей дружины
Поскакали в розовый рассвет.
Покатили дети на повозках,
Погоня прутьями быков.
В белых платьях девы, как березки.
Бороды седые стариков.
Побежали овцы, как лугами.
Шли коровы — солнце на рогах,
Пробивали воины мечами
Роду путь в долинах и горах.
В край пришли, где много трав и злаков,
Где шумело море под горой.
Стали, павших воинов оплавав,
Жить большой и дружною семьей.
Тот исход немалой крови стоил.
Но остался род славянский жив.
Храбрый Кий над речкой Киев строил,
Острый меч в сторонку отложив.

* * *

Расскажу я честными словами,
Как в жару и сильный ветровей
Киська шел с людьми и со стадами
И пришел в зеленый мир степей.
Арий говорит: Мы жен имеем
И детей, как золото, храним.

Одного никак не разумеем:
Жить бы надо племенем одним!»
Голоса распались, к сожаленью,
Словно кто рассыпал виноград.
Говорят одни за единенье,
А другие против говорят.
Арий отошел с людьми, стадами
И замыслил он, седой, как лунь,
Заложить в степи не просто камень —
Город по прозванию Голунь.
Киська со своими поселился
В той степи, да только в стороне.
Сеял хлеб, с врагами храбро бился,
С Арием во всем был наравне.
Знали их поля мечи и стрелы,
И паренье гордого орла.
Слава к ним большая прилетела
И гнездо надежное свила.

* * *

Навалились язы на скотину.
Грабежи такие, что беда.
Так весь люд загонят в домовину...
И Кисек напал на них тогда.
Бился день, другой. Все племя билось.
Начал голод воинов терзать.
В страшных снах такое нам не снилось:
Взялся ворон трупы поедать.
Крикнул Арий: «Воронье играет!
Ну-ка, люди, сядем на коней!
Киська без подмоги пропадает,
Надо его выручить скорей».
И пошли потом иные вести
Всевеликой милостью богов.
Взяли верх, поскольку были вместе,
Получили славу от врагов.
Серебро, горшки и наших братьев
Брали, вскинув пики и мечи.
Но теперь оставили занятье,
Скрылись, словно вороны, в ночи.
Больше не имели искушенья
Забирать людей и серебро.
Убедило каждого сраженье:
Вместе сбережем свое добро.

* * *

Поле, кровью политое, наше.
Здесь отцы оставили свой труд.
Натиск вражьей силы нам не страшен,

Их старанья к гибели ведут.
Ни единым словом не утрачен
В сыновьях родительский наказ.
Разобьем врагов мы — не иначе
Крепнет сила божеская в нас.
По земле без хлеба мы ходили,
Скот худел в сторонке от лугов,
Сталью юг пока не охватили
И не пересилили врагов.

* * *

В девять сил стояла жертва наша
Мед Сурья на солнышке три дня.
Через шерсть процеженная в чашу
Заиграла, молодо звеня.
Все мы, дети доброго Дажьбога,
Благ себе не просим, ни сынам.
Небом нам показана дорога:
По Руси ходить, а не к врагам.
Матерь Сна поет нам о походах,
Нам о славе пращуров поет.
Слава та исходит от народа,
Что родную землю бережет.
Князя мы достойного избрали,
Чтобы он заботился о нас,
Чтобы мы единой ратью стали
И не подкачали в грозный час.
Знает Бог Руси великой силу:
Добродушны, смелы и прямы,
Благ у неба детям не просили
И себе не требовали мы.
Облака по воле ветровея
Шли и шли, не зная берегов.
Тучи небо делали темнее —
Там мечи ковались для врагов.
Старый Арий видел то кованье,
Что творил для русичей Перун.
И на сердце было ликование,
Пение божественное струн.
Говорил Перун: «Мечи и стрелы
Вам готовы. Думайте светло,
Чтобы робость вами не владела.
Знайте: их уменьшится число.
Станете вы славою богаты,
Будет ваша Родина, как сад,
А враги в грязи, как поросята,
Побегут, распространяя смрад»:
Говорил Перун, гремел мечами.
Видел Арий в тучах блеск мечей.
Встала перед зоркими очами
Вновь победа в золоте лучей...

Жили, не умея лицемерить.
Бой за жизнь веками — не пустяк.
Ныне нас пытаются уверить,
Будто было все совсем не так.

* * *

Вспомним вновь...
Шел Арий перед нами,
Кий вел русов, Щек повел своих,
Хорев вел хорват. И так богами
Было внушено: в краях иных,
Средь Карпат, должны мы поселиться,
Где не наши были города.
Рады были с ними породниться,
Сесть на эти земли навсегда.
Но враги и там на нас напали.
Мы ушли на Киев и Голунь.
Жили, Богу славу воздавали,
Берегли священную Ясунь.
Умер Кий. Он правил ровно тридцать,
Двадцать правил Лебедян (Славер).
Нам ли каждым князем не гордиться,
Не поставить нынешним в пример?
Двадцать — Верен из Великограда,
Сережень был князем десять лет.
Каждого запомнить людям надо:
Львы они и витязи побед.
Тьму врагов мы с ними одолели,
Что неслись лавиною на нас.
Русь родную отстоять сумели —
Вот за что помянем их не раз.
Зло творя, к нам приходили готы.
Мы дрались за жизнь, вселяя страх.
Русский дух на новые высоты
Поднят был в тех яростных боях.
Мы в победу верили заране,
Русь ничьей не сделалась рабой.
Бога мы восславили, славяне,
Шестилетний выдержали бой.
Нас ильмеры крепко поддержали,
Тоже были в схватках горячи.
Десять к нам царей в полон попали,
«Мы другими стали», — уверяли,
Но для битв припрятали мечи.

* * *

Вел нас Кий от запада к восходу,
До Непра-реки. Там взяли град.
И зажгли огни до небосвода,
Был тот вечер радостью богат.

Новые враги страшней буруна,
Пили кровь, жестокостью горды.
Кий разбил их с помощью Перуна.
Показали нам они зады.
Набежали язы. После сечи
Все они похитили у нас.
Вышел Вышень воинам навстречу,
Поддержал советом в трудный час.
Говорил он волею Сварога:
«Дети! Ваш горе не беда.
С вами воля Бога,
Сила Бога,
Только стройте крепче города!

* * *

Веру мы свою зовем прекрасной,
Ни к чему чужую принимать.
Мы верны Ясуни нашей ясной,
Золотое солнце —
Наша Мать.
Распускает крылья Солнце наше,
Голова — в Ясуни золотой...
Как бы ни был бой горяч и страшен,
Голова не рухнет в сече той.
С воинами храбрыми своими
Щек пошел упорно на закат.
Хорев шел. Но Щек оставил имя
Там, где был построен новый град.
Там, где степь цветами красовалась,
Топоры не зря гремели в рань.
Новая страна образовалась
И ее назвали Русколань.
Кий уселся в Киеве. Недаром
Потянулись к Киеву сердца.
Поднялась высоким крутояром
Русь — мы с нею будем до конца.

* * *

На болгар пойти на ум запало
Князю Кию, и повел он рать.
Солнце над Воронежем сияло,
Там полян решил с собою взять.
И пошли, и вместе отобрали
Град Голунь, и земли обрели,
Где густые травы расцветали,
Дон синел в лазоревой дали.
Дон бежал на юг, волной играя.
Степь цвела, как райский божий сад.
Русколань от края и до края —
Жили мы, ее обороняя,

Град Голунь велик был и богат.
Шли враги и стены загорались,
Кровью камни белые цвели.
Русские, мы русскими остались:
Отстояли город, как могли.
Волжская земля!
И эту землю
Оросили кровью воевод.
Сберегли, заветам дедов внемля.
Юг теперь на подвиги зовет.
К Голуни мы шли, потом к Сурожу,
К морю мы Дулебскому пришли.
Готов били,
Греков били тоже
И потом торговлю повели.
В море трав зажили мы без горя,
От Сурьи душа была хмельна.
И кругом лежала на просторе
Скифия — великая страна...
Были травы в пояс и в колено,
Но без них остались в холода.
Воевали с греками за сено,
Взять мечи заставила беда.
Справились мы с ихней Грецколанью
И, чтоб дальше не было хлопот,
Отошли от них с зеленой данью,
Слава Богу, выходили скот.

* * *

Было это задолго до Дира —
Тысячу пятьсот годов назад...
Праотцы, как из другого мира,
Шли и шли,
Добрались до Карпат.
Щеко был из ариев над нами.
Лет пятьсот мы жили, а потом
Потекли широкими волнами
С детворою, скарбом и скотом.
Речка, именуемая Припять,
Принимала странников навек.
Те года из памяти не выбить,
Не забудет русский человек.
Жили мы, хранимые богами
От врагов. И даль была чиста.
По степи бродили со стадами,
Выбирая травные места.
Жили, управляемые нечем,
Припятцы, ильмерцы — добрый люд.
И текли моления и речи,
И вершили старцы правый суд.
В мирных днях, не в битве и пожаре

Богатела Русская земля...
Может, это и предвидел Арий,
Внукам горы золота суля.

* * *

Посмотрите: птица перед вами,
Крылья на челе у вас видны.
Поведе к победам над врагами,
К ликованью отчей стороны.
Разыгралась птица на просторе.
Было так и в старые года,
Когда русы с вендами у моря
Свили рядом два больших гнезда.
Жили дружно. Сделались богаты:
В храмах — злато,
В храмах — серебро.
После многих войн ушли в Карпаты,
Только там творилось недобро.
И тогда Бобрец, наш воевода,
Нас в Голунь великую привел.
За свои сраженья и походы
Он любовь народную обрел.

* * *

Было: и мольбищ мы не имели,
К родникам сходились мы тогда.
У колодцев Богу славу пели,
И живой для нас была вода.
Знали воду села и поселки,
В городах больших купец в князь:
Обегали место наше волки,
Волшебства великого боясь.

* * *

Книгу эту посвящаем Богу,
Бог — всему великому венец...
Жил-был муж, шел правильной дорогой,
Был он нашим тиверцам отец.
В травах бродят овцы и коровы.
Жил богато. Был достойный муж.
Сам здоров, жена его здорова,
Дочки две, красавицы к тому ж.
Но вздыхал он тяжело и глубоко,
Все молился, глядя на восход:
Где найти мужей в степи широкой
Дочерям, чтоб не пресекся род?
Услыхал Дажьбог мольбу о роде
И душой в дела земные врос.
Встала туча, но не к непогоде:

С неба Велес отрока принес.
Богу мы тогда хвалу воздали:
«Будь благословен во все века!»
Это от кудесников узнали,
Что явились к нам издалека.
Славили мы пращура Сварога
У чистейших наших родников,
Бога Прави, Яви, Нави Бога
С верой в блага будущих веков.

* * *

Славен-князь и Скиф — два кровных брата
Жили-были, мужество деля.
Услыхали: распрями богата
На востоке Русская земля.
Согласились к северу податься.
Там их старый Ильмер обнимал.
Славен там решил обосноваться
И великий город основал:
Скиф — на юг. Состарился у моря.
Венда-сын был продолжатель дел.
На степном, на солнечном просторе
Внук родными землями владел.
Жить бы всем в труде, в ладу, в любви.
Нет, опять в степи мечи гремят.
Пролилось немало русской крови,
Распря шла от Дона до Карпат.
Вышел Кола недругам навстречу,
Дал им, как положено, отпор.
И повел, народ собран на вече,
О земле родимой разговор.
И пятьсот годов она стояла,
Верою и дружбою сильна.
А потом усобица напала,
Всех нас перессорила она.
Во вражде бросались друг на друга,
Много зла содеяли себе.
Шли на нас и с севера, и с юга...
Устояла Скифия в борьбе.
И разбили гуннов наши деды,
Силе вражьей нас не одолеть.
Дальше путь нас приведет к победам,
Надо только мужество иметь.

* * *

Мы вернулись пастбища степные
Охранять и славу петь богам.
Сберегли в боях места родные,
Но Голунь оставили врагам.
Вал не спас наш город — гордость края...

Выходили воины на вал.
Не забыть, как отрок, умирая,
дорогую землю целовал.
Боги нам уверенность вернули.
Вышли, на поганых разозлясь,
И побили их,
И окунули
Мордами израненными в грязь.

* * *

Там Перун идет и головою
Золотой над облаком трясет.
Матерь Слава песней боевою
Нас на битву новую зовет.
Молнии сверкают в небе синем.
Матерь Слава — Солнце в облаках.
Будет бой за русские святыни,
Душу не охватывает страх.
Может, гибель будет вам. Однако
Мы уйдем в иные города.
Отсверкаем искрами во мраке,
Будто и не жили никогда.
Родились мы от Земун-коровы,
От Дажьбога летопись ведем.
Деда русов, с пением суровым
Мы во Сваргу синюю идем.
Скифы, анты, русы, берусины
И сурожцы — все одна родин.
Верностью Дажьбогу мы едины,
Родились из звездного огня.
В старину не стали рыбоеды
С нами путь и дружество делить,
Не дошли с боями до победы,
Не сумели племя расплодить.
С нами не успели породниться,
Умерли — и нет от них следа.
Костоеды бросили трудиться —
Поглотили лиры, как вода.
Лиры были нами, как волнами,
Смыты. Кто остался — стал, как Русь.
Нас покинув, темными лесами
Двинулись дулебы на Борусь.
Племя вендов далее осело.
Ильмерцы у озера. А нам
Матерь Сна о битвах песни пела...
Кровь текла ручьями по крылам.

* * *

Мы за жизнь недаром долго бились,
Заслужили мир и тишину.

Было решено, чтоб мы сплотились
И создали новую страну.
Русколань такой страною стала,
Ровно триста сел и городов.
Где Голунь, там Родины начало,
Навсегда спасенной от врагов.
Матерь Сна, когда терпели беды,
Наш слыхала зов: «Оборони!»
Поле пашут не свое венеды,
Их на землю новую верни.
Венды! С вами ожидает встречи
Край полей распаханых, лугов.
Мы пришли сюда из Семиречья,
Отстояли земли от врагов.
Птица Сна, когда к нам смерть несется,
И Голунь горит,
Гремит грозой:
«Ливень пусть на недругов прольется,
На следы от конницы чужой!»
Если мы пренебрежем богами,
Будем жить, как в сумрачном лесу,
И придут, и будут править нами
Зла посланцы — демоны-дасу.
Время антов часто вспоминаем,
Их победы в памяти всегда.
Чтим отцов и Бога воспеваем,
Поле пашем, строим города.

* * *

Прошлое напрасно забываем
И идем неведомо куда.
Правь и Навь умом не обнимаем
И стыдимся думать иногда.
На земле, подвешенной Дажьбогом
В бездне, наши годы пролетят.
Прашуры внимательно и строго
На заре из Ирая глядят.
В жизни нашей, Явью сотворенной,
(Явь от Правы, после будет Навь),
Дорог нам степной простор зеленый —
Край трудов, веселий и забав.
Хороши леса, поля и реки.
Но душа устала от тревог.
Боя опять с войной явились греки.
Где укрыться, знает только Бог.
Прашуры в печали. Плачет Желя,
Будто правдой все пренебрегли
И к богам душой окаменели,
К славным покровителям земли.
Так очистим же тела и души!
Внуки мы Дажьбога или нет?

Будем вместе с праотцами слушать,
Слившись в вере,
Были старых лет.
Русь, гляди, как ум велик у Бога!
С нами он — надежда и оплот.
Коротка у каждого дорога
На земле среди суетных забот.
Надо жить в работе, словно кони,
Сытно есть, беречь свои луга,
Уходить на север от погони
И ничем не радовать врага.

* * *

Сто мы городов взялись построить:
Хорсунь и иные города.
С севера и юга беспокоить
Стала смута,
Выросла беда.
Род за родом шли к соединенью,
Рус с борусом — други суренжан.
Но не состоялось породненье,
Заслонил глаза вражды туман.
Богатырь с могучими плечами —
Вот была какою Русколань.
Вдаль скакали праотцы с мечами,
Как медведи,
В утреннюю рань.
Сильными вожди ариев были,
Как от пряной солнечной сурьи.
Мы врагов кололи и рубили,
Русь крепили жаркие бои.
Нет единства!
Мы, как в чаще леса.
Подняв меч, пошли мы — род на род.
Стали все, как овцы, без Велеса.
Потемнел над нами небосвод.
Бог учил ходить дорогой правой,
Прямо, а кривою — никогда.
Нет теперь ни почести, ни славы,
Перестали строить города.
Враг пришел от моря и до моря,
Враг напал на русов с трех сторон.
Под бичи склонились мы. О, горе!
Царь Набсур напал и взял в полон.
И пошли невольники в Египет,
Дань платили, юношей даря...
Как сосуд печали весь был выпит,
Мы ушли,
Бежали от царя.

* * *

Мы об Индре и Валу сложили песни,
И не шел у нас из головы
Битвы день суровый и чудесный,
В битве той сражались мы, как львы.
Мы Набсуру подати платили,
Для войны давали сыновей.
Нас же по щекам и чреслам били...
День настал — и стали мы мудрей.
Вол ревел.
Земля, дрожа, вертелась.
Конь скакал неведомо куда.
В этот день нас охватила смелость,
Мы погнались к северу стада.
Мы ушли, хранимые богами,
Не пошли к Набсуру на поклон.
Хватит в бой ходить перед полками!
Не возьмет гребущими руками
Ни сынов, ни дочерей, ни жен.
Наше все, что мы в бою добыли.
Смело мы прошли снега и льды.
Как потомки псов, под гнетом были,
Стали снова славою горды.
Нам поет Магура: будет сеча.
Индры и Перуна тот напев.
Смело мы пойдем врагу навстречу
И вернемся, силу одолев.
Нам поет Магура.
Не за далью,
Может быть, погибель будет нам.
Лучше пасть в бою, чем жить под данью,
Жертвы приносить чужим богам.

* * *

Жили-были люди у Корани,
Как повсюду русичи живут.
Рядом море синее в тумане,
А по морю эллины плывут.
Князь сказал: Куда это годится?»
Снарядил он конницу и рать.
Налетели русичи, как птицы,
Чтоб гостей непрошенных прогнать.
Плакали обложенные данью,
Гнали к нам овец, несли вино.
Волхв явился вдруг творить закланье
И сказал: «Споить вас решено».
Напились и греки нас разбили.
Побежали мы ручьями с гор.
Боги наши силы укрепили,
Вот тогда и дали мы отпор.
Мы врагов в бою одолеваем,
Зря бахвалятся, что расстригут овец.

Не владеть им милым нашим краем,
Все найдут погибельный конец.
Мы не зря моления Триглаву
Принесли среди высоких трав.
Поскакал, нам добывая славу,
Даже сам божественный Триглав!
Нам Перун помог, гремя громами!
Полегли враги горою тел.
Край, спасенный нашими мечами,
В золоте лучей помолодел.
Стала громко жаловаться Желя,
А Горюня горько горевать,
Карна издалека прилетела
Со слезами трупы обнимать.
Досталась врагам худая доля,
С криком закружилось воронье.
Там, где конь разгуливал на воле,
Получили мертвые жильё.
И услышал Арий от Сварога:
«Вы — сыны творца, мои сыны.
И должны вы слушаться Дажьбога,
Вы не зря из праха рождены.
Станете великим вы народом,
Покорятся вам за родом род.
Не напрасны старые походы,
Новый к новой славе приведет.
И над тем победа ожидает,
Кто сегодня кажется мудрей,
Кто из камня силу добывает,
И творит повозки без коней.
Станет каждый будто бы кудесник,
Мастер на любые чудеса,
Но лишат вас мужества и чести
Деньги да пустые словеса.
В стан врага, пустые души грея,
Заведет вас золото монет...
Скажут боги: Вспомните скорее
Мой совет и Ария завет.
Тот завет да овладеет вами:
Возлюбите преданных друзей,
Сохраните мир между родами —
И тогда вы станете сильней».
С той поры князей мы избирали,
Было ровно семьдесят у нас.
Неугодных тут же отлучали,
А угодным: «Правьте, в добрый час!»
Боруслава помним, Горислава,
Мезислава, Комонебранец был.
Кышек умирал, увенчан славой.
Мудрый. Только доброе творил.
Каждый в русской памяти хранится.
Славим их на тризне за столом.

Если ж кто забыть не постыдится,
Мы того навеки проклянем.

* * *

В небе вышло облако из змея,
Ливень красный землю заливал.
Это кровь лилась из лиходея,
Он ее отчаянно лизал.
Муж пришел сильнейший в этом мире,
Острый меч держал еще к тому ж.
Змея зарубил — ползут четыре.
«Боги!» — завопил несчастный муж.
Боги змея черного убили,
И ему, и людям помогли...
А теперь земные вспомним были,
Как мы бой за Родину вели.
Змей, что нас терзал, пришел от
греков —
Тоже отвратительная гнусь.
Позвала на помощь человека —
Воина измученная Русь.
Надо было с ними так сражаться,
Просто, не жалея живота.
Зря над нами вороны кружатся:
Наша воля силой налита.
Жечь врагов огнем молили Дья,
Чтобы Сна, раскинув два крыла,
Про деянья наши удалые
Весть к далеким праотцам несла.
Пламенем костров простор расцвечен.
Мы поем про старые года,
Вспоминаем наше Семиречье,
Где отцы имели города.
Землю ту далекую любили,
Это знают други и враги.
Где Голунь,
Мы тоже сотворили
Села, города и очаги.
Мы тела омоем, души наши,
Чтобы русская Голунь была чиста,
Чтоб врагам удар был русов страшен,
Их вернул на прежние места,
Чтобы наше новое сраженье
Навело и страх, и изумленье,
Чтоб задор в сердцах у нас не гас.
День пути до той земли, где были,
Где поля и пастбища любили,
Где рассветы радовали нас.
Вопиют с мольбой перед бедою
Камни городов, грядет гроза.
Мы опять за Русь встаем стеною,

Смело смотрим гибели в глаза.
Золотые солнце нижет нити.
Русь моя! Отечество мое!
Память сына павшего почтите:
Сын мой милый умер за нее...

* * *

Где Сурож, там будет свет над нами.
Мы идем туда. Земля в огне.
Лукоморье говорит с богами —
Это мы с молением на войне.
Пригрозили змеи суренжанам
Ранами, лишением живота.
Засверкали молнии в туманах:
Бог явился в русские места!
Бил мечом, не ведая пощады,
К стонам и мольбам злодеев глух.
Уползали раненые гады,
В темных травах испускали дух.
Солнце нам с большого неба светит,
Веселя и в поле, и в лесу.
Но у зла мы снова на примете:
Набежали демоны-дасу...
Нет, не знали пращуров покоя,
Смертный бой за Родину вели,
Отвели беду своей рукою
И сокрылись в сумраке земли.

* * *

Жили-были долго в Русколани,
Отошли в минувшее века.
Помнят там высокие курганы:
Била готов русская рука.
Пала Русколань — ушли на Киев,
А другие сели в Голуни.
Слушали там песни ветровые,
И летели в мире наши дни.
Та Голунь имела под рукою
Триста сильных русских городов.
Киев десять, И Сурож до боя
Состязаться с ними был готов.
Греки бы такой не сотворили,
Хоть живут они у нас давно.
Торговать бывало приходили,
Брали скот и разное зерно.
Где вино, там шумное веселье...
Колыхались в море корабли.
Мы — овец, они нам ожерелья,
Золотые цепи нам везли.
Недрузи по вере русколанам

По морским расселись берегам.
Каменным Молились истуканам,
А не нашим солнечным богам.
Наш Сурож был греками разрушен,
Мы их поселения пожгли.
Радость нам охватывала души,
Что отцов своих не подвели.
Тут явились готы в наши доли
В кожах, в устрашающих рогах.
Сняли мы портки и стали голы.
Чресла обнажив, внушили страх.
И не вынул гот свой меч из ножен,
Был он одеяньем изможден.
Победили воины Сурожа,
Сотворили праотцам поклон.

* * *

Жили наши пращуры в Суроже,
Греки были добрыми тогда:
Посылали юношей пригожих
Торговать и строить города.
Вдруг явились воины с мечами
И прибрали все к своим рукам.
Мы теперь в работе и печали.
А они — как трутни. Стыд и срам!
Мы — как псы. Нас гонят отовсюду.
В нашем крае греки господа.
Мы умеем строить, жечь посуду,
Сеять хлеб, выгуливать стада.
Видно, снова кровь должна пролиться,
Чтобы земли русские вернуть...
Появилась в небе Перуница,
Показан к победе верный путь.
Выпили тогда из рога славы —
Стало больше вдесятеро нас.
Получили мы на бой кровавый
От нее воинственный наказ:
«Что ж вы пашню добрую проспали?
Вы должны сражаться за нее!
Витязи решительными стали,
Вышли отвоевывать свое.
Говорит Сурья: «Идите, или
Не видать родимой вам земли.
И в стене дыру мы проломили,
В город наш героями вошли.
Знали, что кому-то пасть придется,
Но иных не ведали ворот.
Бог Перун всем павшим улыбнется,
За собою в Ирий поведет.
Не рабы мы. Жить хотим иначе.
Надо русских слушаться князей.

Раб не будет деспота богаче,
Раб не станет деспота вольней.
Лучше мертвым быть, чем в услуженье!
Индра к нам пришел в суровый час,
Чтобы мы не дрогнули в сраженье,
Знали: сила божеская в вас.
Мы богам все почести воздали,
Глянули на небо в облаках,
По летящим птицам угадали:
Враг повержен будет в пух и прах.
Греки — не воинственные люди:
Тонкий меч и слишком легкий щит.
Нашим был Сурож и нашим будет,
Русь на том стояла и стоит.
Письменность для нас установили,
Мол, свою пришлось оставить нам...
Мы того Кирилла не забыли:
Он учил
По нашим письменам.
Прятался, чтоб не узнали греки,
Как оп нашим кланялся богам.
О таком достойном человеке
Вспоминать почаще надо нам.
Я с великой радостью поведал,
Как побили греков на войне.
Кий-отец ту предсказал победу.
«Уничтожим их, — сказал он мне.
Хорсунь, эту мерзость, мы унизим,
Станет Русь великою страной.
Время долгожданное приблизим,
Вырастая с каждой весной.
Многолюдны будем и богаты,
Понастроим новых городов.
Если гроз услышите раскаты,
Львами нападайте на врагов...»

* * *

Злую силу храбрые сломили.
Весел ветер с южных берегов.
Хоть одежды порванными были,
Их несли в хранилища богов.
В Киеве и Новгороде тоже
Были те хранилища в лесах.
Были на Волыни и в Суроже,
Были в наших думах и сердцах...
Птица Сна нам пела и молила,
Чтоб мы славу дедов берегли.
Говорили жены: «Где же силы
для освобождения земли?»
Звал Купала жаркими речами
К очищенью наших душ и тел.

Мы взмахнули острыми мечами
И пустили к югу тучи стрел.

* * *

Тиверцы дошли до синя моря,
До Сурожа. Памятны слова:
«Много было крови, бед и горя,
Только Русь по-прежнему жива.
Племена и роды, слава Богу,
Вырастали, радуя сердца.
Величаем пращура Сварога:
Был вождем и будет до конца.

* * *

Всем родам пора пришла собраться,
На врагов накинуться скорей.
Без голов должны они остаться,
Сделаться добычею зверей.
На Руси поют и плещут воды.
Всюду память о былых боях.
Берегиня славные походы
Вспоминает с радостью в глазах.
Матерь Сна поет о южном крае,
Где пролег в степи Троянов вал.
Поминает тех, кто на Дунае
За родную землю умирал.
Внуками Стрибога, не иначе,
К тризне путь овеяло прямой:
Летом пляшут,
Осенью поплачут,
Причитают вьюжною зимой.
То не говор слышен голубиный —
Сыновей оплакивает мать...
Не дадим мы русскую равнину
Грекам и варягам растоптать.
К нам Заря приходит и приводит
Солнце в оперенье золотом.
Скачет конь. Лениво стадо бродит.
Вестник ночи дремлет за холмом.
Он проснется к вечеру, прискачет
И, повсюду сумерки творя,
Спрячет стадо,
Воз с волами спрячет,
Далеко в степи сгорят Заря.

* * *

Видится Заря издалека мне.
Что за платье! Чудное шитье!
Красная, нанизывает камни

На убранство дивное свое.
Русские мы!
В каждом человеке
Восхищенье небом и землей.
На богов Руси клеветают греки,
От незнанья нрав у них такой.
Мы сильны не громкими речами,
Доблестью, проверенной в бою.
На железе вражеском мечами
Доказали славу мы свою.
Слух до нашей дали докатился
Из глуши нетронутых дубрав,
Будто бы медведь остановился,
О славянах речи услышав.
«Русы без нужды не убивают, —
Так о нас аланы говорят.
Греки же потеху добывают,
Хлеб дадут, а злобу затаят».
Русские просты, как в поле травы,
И в делах, и в помыслах чисты.
По степи разносят нашу славу
Высоко летящие орлы.

* * *

Мы имеем истинную веру.
Наш Перун не враг своим сынам.
Ни к чему варяжские примеры —
Человека жертвовать богам.
Приносили просо, молоко мы,
Жир, еще ягненка в Коляду.
Дни Ярил, Русалий нам знакомы,
Праздники на Красную гору...
На Карпатах жили мы, славяне,
Звали нас карпенями тогда.
Древичи от древа, а поляне —
От полей в забытые года.
Греки врут, что русы — людоеды.
Глуп и тот, кто это повторит...
Родичей судили наши деды,
Где Перуна дерево шумит.
В этот день мы игрища имели,
Занимались бегом и борьбой,
И плясали весело, и пели,
И вели беседы меж собой.
Состязалась в ловкости и силе
На глазах у дедов молодежь.
Дичь из леса старцам приносили,
Только им доверен был дележ.
Довелось с варягами рубиться,
С готами...
И время притекло:

Римляне в тяжёлых колесницах
Против нас замысливали зло.

* * *

Убедились гордые ромеи:
Мы умеем Русью дорожить.
Набежали греки-лиходеи.
Снова — кровь и ворону кружить.
Против рабства бились мы сурово,
И кипела распря тридцать лет.
Ну, а там явились греки снова,
О торгах держали мы совет.
Мазь и серебро нам предложили,
Попросили снеди и коров.
Мы скотом не очень дорожили:
Жили справно милостью богов.
Кое-что в торговле разумеем.
Дань хотели взять — не удалось.
Ничего не дали мы ромеям,
И у греков дело сорвалось.
От врагов в кустах не хоронились,
День великой битвы не забыт,
Как у моря Готского рубились,
Как лихие кони проносились,
Степь наполнив грохотом копыт.
Не одно боям отдали лето,
Только б уцелел родной народ...
Песню нам хвалебную за это
Матерь Сна, как пращурам, поет.

* * *

В край степной явились новояры
Из далекой русской стороны.
Выносили войны и пожары,
Были вере праотцев верны.
Жили век, другой и даже десять.
Жизнь, как речка горная, текла.
Приходили греки куролесить —
С ними сеча трудная была.
Этой сечей русские гордились.
Враг в броне. Но меч сильнее брони.
Вороны над трупами кружились,
Но своих не трогали они.
Плачет мать. От боли сердце сжалось.
Плачет к детям нежная любовь,
Там, где Солнце с Месяцем сражалось,
Где взяла земля родную кровь.
Праотцы, что пали, предсказали:
Будет русской русская страна,

Степь свою врагам мы не отдали,
А земля чужая не нужна.

* * *

Мы умом и храбростью окрепли,
двинулись по речке на восход.
Что там впереди? Гора ли? Степь ли?
Сели там, где знаки Сва дает.
Где она крылами прошумела,
Волю нам и силу придала,
И оборонительное дело
Против гуннов подлых повела.
Крыльями их так поколотила,
Что, как тени, сгнули в ночи.
Против готов стрелы обратила,
Повернула острые мечи.

* * *

Уходило море с каждым мигом.
Шли к Днепру. Степная сторона
Племенами готов и языгов
В те года была заселена.
Их бояре рвали нас на части,
Хоть богов о помощи проси.
Ждем добро, а к нам одни напасти,
Только зло лютует на Руси.
Нет, добру вовек не появиться,
Если между нами дружбы нет,
Если не сумеем мы сплотиться,
Позабудем праотцев завет.
Воины мы князя,
И за нами
Наши предки пристально глядят.
Никогда мы не были скотами:
Это те не знают, что творят.

* * *

После Кия к нам явились беды,
Свара кровью русской налилась.
Нам теперь уже не до победы:
Стали жить, на роды разделясь.
Греки все с земель своих имели.
Мы же — всяк схватился за свое .
И тогда печально мы запели,
Вспоминая старое житье,
Как в боях расстались с Русколанью,
Но создали Киевскую Русь,
Антию я, полные дерзанья,
Дружно били всяческую гнусь.

Стихли ныне, словно ослабели,
Венды, чудь, ильмеры и литва.
Раньше в бой, как соколы, летели:
Кий был золотая голова.
Каждый шаг продумывал заране,
Крепко меч держать умел в руках.
Князя нет. Грядущее в тумане.
Скрылись звезды в темных облаках.

* * *

Вспомним, как ходили мы к Дунаю,
Волохи разбиты были там.
В Коляду, на праздник созывая,
Шел кудесник рода по цветам.
Говорил в День Радогощи слово,
Вспоминал иные берега,
Путь от Белой Вяжи,
Край суровый,
Русский край, спасенный от врага.
Русские мы ляхи и поляне,
И древляне, кривичи. Живем,
Вспоминаем павших на поляне,
Богу славу исстари поем.

* * *

Кто на юг, а мы пока что дома,
Вышли в степь — нагрянула беда:
Закружились галки и вороны —
Птицам заготовлена еда.
Потрудилось племя костобоких,
Головы срубая наши с плеч...
Были сечи долги и жестоки,
Но себя сумели уберечь.
К ляхам мы пошли и там осели.
Через сто годов Германарех
Загремел мечом и кинул стрелы.
Но не к готам, к нам пришел успех.
Отогнали силою оружия
К Дону и Донцу врагов. И вот
Пил Германарех вино за дружбу
Только после наших воевод.

* * *

Пил наш друг за мирные рассветы,
Сам же вел коварную игру.
Сделался врагом он в то же лето,
Двинул войско к нашему двору.
Стали по совету Белорева
Поджидать...

Вдруг слышим стук подков.
На врагов напали мы во гневе —
И коварный друг наш был таков.

* * *

Жили рядом русы и борусы,
Вспоминали Ария-отца.
Были высоки и светлорусы,
И верны Перуну до конца.
До Карпат мы жили в это время.
Каждый род правителя имел...
Вдруг Германарех лихое племя
К нам привел, мечами загремел.
Сильные с землею нас сровняли.
Нивы нет. Селений тоже нет.
Стрибы пепел черный раздували,
Край наш в дым и пламя был одет.
Позвала божественная птица:
«Ночью нападите на врагов.
Мы пошли и начали рубиться,
Взяли верх по милости богов.
На Дунае встали сильным станом
И у Дона встали крепким станом.
Римляне явились — сильный враг.
Улеглись навеки под курганом,
Потеряв удачу в ковьялах.
«Не ходили б вы, куда не просят», —
Прошумели ветры в тишине.
Нас хотели опростоволосить,
Опростоволосились вполне.
Привела зима колючий холод,
Сникли на морозе ковыли.
Жили мы страдая. Мучил голод.
Были волки серые вдали.
Кто там к зверю поимеет жалость,
Если человеку пищи нет?

* * *

Гунны, готы...
Распря продолжалась,
Утопал в пожарах белый свет.
Все сто двадцать лет мечи гремели,
Пели стрелы. Бедная страна.
Задержать врагов мы не сумели,
Наступили злые времена.
Но не встали русы на колени,
Выбирали князя из вождей:
От Овсеня правил до Овсеня,
Русь крепил и радовал людей.
Саха-князь — правитель берендеев,

Был премудр, без дела не сидел:
Не боялся готов и ромеев,
Гуннам отодвинуться велел.

* * *

К нам Германарех пришел на север,
Нам пришлось свой край оборонять
И, костями белыми засеяв,
Алой кровью щедро поливать.
Широки родимые просторы,
И везде, восстав перед бедой,
Не жалели братья-белогоры
В жарких сечах жизни молодой.
Рассыпают звезды узорочья
Над полями отчей стороны,
Где врагов полуденных, полночных
Мы разбили, мужества полны.
Мы опять на мирный труд насели,
Вновь светло и зелено вокруг.
Отошел Германарех на север,
Побежали эллины на юг.
Мы сильны отвагою примерной,
Нам не надо помощи ничьей.
Наша помощь в мышцах наших верных,
На конце отточенных мечей.
Мы неба мужества не просим,
По плечу нам ратные труды.
Мы скорей детей на копья бросим,
Чем покажем недругам зады.
Бьется рать, как никогда не билась,
Путь закрыв на Русь беде и злу,
Чтобы даже Мара отступилась,
Воздавая витязям хвалу.
Слава потечет, и скажут боги:
«Русич Русь отвагою сберег.
Место храбрым в царственном чертоге,
Где Перун отец ваш и Дажьбог».

* * *

Бьет крылами Сна — святая птица,
Закружило в небе воронье.
Щель враги пробили на границе,
Запылало русское жильё.
Плачет Желя.
Нас жалея, плачет.
Кличет Сна к Всевышнему о нас.
Новый бой в краю зеленом начат,
С нами Бог в тяжелый этот час.
Ветры посылающий дубравам
И огонь для наших очагов,

Нам помог взойти на гребень славы,
Одолеть бесчисленных врагов.
Время снова тихое настало:
Ни пожаров, ни иных вам бед.
Греция охотно торговала,
Нам за скот, за шкуры и за сало
Отдавала золото монет.
Были нам и дороги, и сняты
Волхований добрых череда,
Труд в полях с восхода до заката,
Яр, Овсень, веселый Коляда.
Как мужи достойные от града,
От села, святые к нам пришли.
Нисходила светлая отрада
На просторы мирные земли.

* * *

Сотекайтесь, братья дорогие,
Племя с племенем, а с родом род.
В мир дела и помыслы благие
Вносит Бога славящий народ.
Наши песни, пляски — это чудо.
Лечим раны, землю приложив.
И когда совсем уйдем отсюда,
От зеленых пастбищ, сел и нив,
Вещая Мармора, нас приемля,
Будет так на небе говорить:

«Русы в Навь свою приносят землю,
От Руси нельзя их отделить».
Оттого ты русич, — скажут боги
Там вдали от нашенских полей, —
Что принес в небесные чертоги
В ранах землю Родины своей».
Жили. Власть на вече выбирали
Самые простые мужики.
Нас князья в обиду не давали,
Были нашим помыслам близки.
Были мы в деяниях едины,
Князь стоял горою за народ...
Ныне власть отца уходит к сыну,
Дальше к внуку, правнуку идет.

* * *

Север нас метелил не снегами —
Шел Германарех наш первый враг.
Готы шли, пугая нас рогами
Что ни воин — чудище в рогах.
С Танаиса и Тмутаракани
Шли языги —

Конница и рать.
Тьма врагов. Мы стали, как в тумане.
Боже, дай нам силы устоять!
Но к успеху верная дорога —
Вера в силы Неба и Земли.
Впереди узрели Белобога,
Из лесов волшебники пришли.
Птицу Сна летящую узрели.
Позвала: «Спасайте очаги!»
И врагов мы снова одолели,
Побежали в ужасе враги.
Зря над нами вороны кружились,
Русь своих сынов не отдала.
Силы Неба с нами находились,
И победа полною была...
Собирайтесь, братья дорогие,
Племя к племени,
А к роду род!
Никакие недруги другие
Не осият русичей.
Вперед!
Путь один — вперед,
Другие ложны.
Лучше смерть, чем повернуть назад.
Мы в руках находимся Сварожьих,
Силы нас небесные хранят.

* * *

Русколань оставили мы, русы.
Брали женщин готы без помех.
Ниспроверг Русь Божию и Буса
Белояра враг
Германарех.
Сокрушались воины седые:
Хоть бы кто в сражении помог!
Но взялись за дело молодые,
И Славена выручил Дажьбог.
На Дону мы жили, на Дунае
Жгли свои вечерние костры.
Хорошо нам было в мирном крае,
Вдруг на Русь
Накинулись обры.
К той поре у нас не стало лада.
Мы взялись недружно за мечи.
Молодыми яблонями сада
Овладели тучи саранчи.
Как песка морского, было много
На земле воинственных обров.
Нам досталась трудная дорога,
Мы не пересилили врагов.
Силы привели к объединенью,

Как решили мудрые отцы.
И сумели выиграть сраженьё.
Нам отцы сказали:
«Молодцы!»
Справились мы с гордыми обрами.
Очищали русские края
И своими видели глазами
Трупы греков в лапах воронья.
Мы тогда их тоже одолели,
А потом горячие деньки —
Гуннов убегающих узрели,
Что явились ночью от реки.

* * *

Распря — горе нашего народа,
Развела, как в море корабли.
Стали после Ария три рода
И еще деления пошли.
Русколане мы
И мы — венеды,
Мы — борусы, десять нас родов.
Если нет единства —
Нет победы,
Будет ликование врагов.
Горькую победу мы ковали
С превеликим мужеством тогда.
Вдесятеро больше проливали
Крови, чем в старинные года...
Нам не занимать было отваги.
Берендеи просят дать ответ:
«Терпим утеснения от ягов,
Что пришли за гуннами вослед».
«Ждите!» — Белояр сказал.
Явился,
Взяв пять тысяч воинов с собой.
Так на ягов крепко навалился,
Что они не выдержали бой.
Навалились мы единым родом,
Не щадя в горячке никого.
Мы гордились славным тем походом,
Как стояли все за одного.
Стали мы отдельными родами
Дир пришел, побил славян, И вот
Рюрик и Аскольд
Сидят над нами,
И пошли в хомут за родом род.
Было омерзительно такое
Нам, потомкам славных тех славян,
Что держали твердою рукою
Плуг и меч и знали много стран.
Поделиться б мы не захотели,

Сохранили б наш единый род,
На врага б, как ласточки, летели,
Все теперь пошло наоборот.
Бродят степью греки и варяги,
Бьются с нами,
Обирают нас.
Где вы, русы, полные отваги,
Гуннов, готов бившие не раз?
Можно ль дать, чтоб нас захомутали,
Чтобы возом правили они,
Чтобы мы, славяне, быдлом стали
Терпеливой лошади сродни?!
Разве хочет кто, чтоб им владели
По своим желаньям чужаки?
Неужели души опустели,
Стали только золоту близки?
Разве жить мы будем лучезарно,
Коль чужая правит голова?..
Будет Жаля жалить,
Мучить Карна
Тех, кто не поймет мои слова...
Грянет гром в краю иных селений,
Повторится, грозный, вновь и вновь:
Не оставь врагу своих владений,
Меч, как прежде, к бою приготовь.
Боги заодно: Дажьбог и Лада,
Хорс и Яр, Купала и Перун.
Голову Купалы зелень сада
Оплела, в венке он — вечно юн.
Стоит лишь Купале появиться —
Скачем вдаль,
Душа опять горит.
Матерь Сна, святая чудо-птица,
Нам о новой сече говорит.
Бьет, бывало, крепкими крылами,
Скачем мы с надеждой на успех.
И вставали гунны перед нами,
А в другом краю — Германарех.
С двух концов метелили метели.
Но у князя был победный вид.
И у гуннов головы летели,
Был Германареха сын убит.

* * *

Было через тысячу три года
После дней Карпатского исхода:
Спасу нет от демонов-дасу.
Но боярин славный наш Гордыня,
Гнавший готов по степной равнине,
Уберег земли родной красу.
Отдыхала рать в душистом сене

Под приглядом огненных светил.
А сперва бил готов наш Сегеня,
Смело до Воронежца ходил.
Там Борусь осталась с Русколанью,
И враги осмеивали нас.
Приняв их слова тяжелой данью,
Не смогли ответить в десять раз.
Вот Заря спешит по поднебесью,
Светит ярко долам и холмам.
Вдаль по Сварге скачет
Утра вестник.
Встали мы, хвалу несем богам.
А Сурож огречилась, и боги
Поселились греческие в ней,
Развели степные нас дороги.
Нет печали горше и больней.
Индра — Света сын и Тьмы бывало
Выручал, имели мы успех...
Русов рать давно не ликовала,
Топчет земли наши Гуларех.

* * *

На гостей непрошенных глядели
Грозно мы в иные времена.
Шли вожди под стяги,
Не сидели
Возле баб.
Большой была страна.
Русы шли уверенно на греков,
Как отцы к Трояновой земле.
От того решительного века
Растворилось многое во мгле.
Славно жили, полные отваги...
Не была б счастливою звезда,
Если б Русью правили варяги
В эти незабвенные года.
Тысячу годов мы отбивались
От ромеев, готов и иных.
Эти годы в памяти остались,
Гул сражений в душах не затих.
Помним, гунны с готами сроились.
Русколань заплакала. Беда!
Мы отважно бились,
Долго бились
В эти незабвенные года...
Верили мы; поздно или рано,
Верх возьмем по милости богов.
Только в хомутах да под охраной
Не сумеем выйти на врагов.
Будет Хорсунь нам платить за слезы
Дочерей, сынов земли родной.

Плата же не золото, а грозы,
От которых головы долой.

* * *

Трижды Русь погибшая восстала
И сумела недругов разбить.
Не забыть, как конница топтала
Их тела,
Победу не забыть.
Солнца не видать было от тучи,
Черной тучи стрел,
Летящих к нам.
Гром мечей грозой гремел могучей,
Не пробиться было голосам.
Мы своей не запятнали чести,
Так уж было небом решено,
Потому что были только вместе
И во всем стояли заодно.

* * *

Правый муж не тот, кто, омовенья
Соверша, бахвалиться привык,
У кого не видно совпаденья
Слова с делом,
В деле лишь язык.
Древность учит: делайте, как деды,
Чтоб одно хорошее творить.
Будет все: и слава, и победа.
Надо поле пашнею покрыть.
Надо бить врага. А мы разбиты.
Старый князь сынов послал на брань,
И они в траве лежат, забыты,
И на Русь накладывают дань.
Не смогли уважить волю вече,
Вот и оказались, как в сети.
Добывать нам земли стало нечем,
Незачем на юг теперь идти.
Злую сечу греки навязали.
Мы одни. Не борется Борусь.
думали, совсем уже пропали.
В сотый раз восстала наша Русь.
Сели мы на доли, крутояры,
Жили, поле праотцев любя.
Дань платить заставили хазары
Да еще работать на себя.
Вот явились сильные варяги,
Отобрали земли у хазар.
Сели те, как раки под коряги,
Получив заслуженный удар.
Ильмерцы нам были, словно братья.

Охраняли нас от бед и зла.
Нас сдружили мирные занятия,
Породнили ратные дела.
Не одну мы выстояли сечу.
Разводили скот. Посуду жгли.
Выбирали князя мы на вече,
Праотцев заветы берегли.

* * *

Нас нужда заставила укрыться
В сумраке лесов, чтоб уцелеть.
Били зверя разного и птицу,
И на рыб закидывали сеть.
Отдыхать садились под березы.
В родниках — чистейшая вода...
Но когда ударили морозы,
Нас на юг погнали холода.
С детворой и старыми отцами
Стали жить на юге. Красота!
Торговали с римскими купцами
И имели множество скота.

* * *

На земле, борьбою раскаленной,
Снова травы буйные цвели...
Русы край оставили зеленый,
Русы к морю Готскому пришли.
Воевать нас вынудили готы,
Мы у моря выдержали бой.
Русский дух на новые высоты
Поднят был суровою судьбой.
Памятью о прошлом дорожили,
Вспоминали прежние года.
За рекою Ра мы раньше жили,
Там в лугах пасли свои стада.
Гунны там разбойничали яро,
Укрепясь на острове своем.
Но мужи из рода Белояра
Управляли краем, как конем.
Прятались купцы за наши спины,
Не жалели злата-серебра,
Чтоб пройти зеленою равниной
От широкой Волги до Днепра.
Брали гунны дань,
И готы брали.
Надоело слушать это: «Дай!»
И купцы куда-то запропали.
Видно, воротились в свой Китай.

* * *

В памяти навеки остается
Жаркий сполох прожитых годов.
Мы, сойдясь, молились у колодцев,
У священных наших родников.
Жили мы под готами вначале.
Видим: с благочестием беда.
Красных дев то готы похищали,
То свои без всякого стыда.
Отлетело время Алдореха.
Князь Бравлин родами управлял.
Рать собрал и на море поехал,
Там у греков берег отобрал.
Жили мы, со скифами дружили.
Говорили горестно они:
«Бедами нас боги окружили,
Угнездились греки и Голуни.
Смутой поле русское засеяв,
Край покинуть вынудили нас,
И ушли от греков мы на север.
Минуло два века, будто час.
Слышим голос правнука Бравлина:
«Хватит русам прятаться в тени!
Греки продают нас, как скотину.
Надо выгнать их из Голуни!
Вас всегда поддерживать готов я,
Это ж наша русская земля.
Русскою она полита кровью,
Тяжко стонет, действовать веля».

* *

Мы Бравлину-князю отвечали:
«Нас в поход пока что не проси.
Надо силу ратную вначале
Накопить для матушки Руси.
Городам, стеною огражденным,
Воинов своих не отдавай.
Берегут они наш край зеленый
От врагов, как от волчиных стай».
Рассказала жмудь: побили готов
Римляне в далекой стороне.
Боги их не приняли заботы
В голубой небесной вышине.
Плюнули на готов наши боги,
Королем убит их Детерех...
Новый год шагает по дороге,
Но сулит великий неуспех.
Засуха грядет и мор коровий.
Навалилась страшная беда.
Стоила земля немалой крови,
А теперь пустеют города.
Вынесли одно —

Грядет другое,
Очень уж знакомое — война.
Так и шли вперед от боя к бою —
Не сдавалась русская страна.
Сам Перун нам заготовил знамя,
Сам Купала дал: «Берите в бой!»
Взяли мы и справились с врагами,
Подняв это знамя над собой.
И сказал Бравлин: «Воюйте смело!
Нас теперь оно само ведет».
Там, где Солнце красное присело,
Новый край обрел себе народ.
Продолжалось там течение рода.
Жили, мир любя и труд любя...
Очень важно всякому народу
Охранять себя,
Беречь себя.

* * *

Приходил Дажьбог на помощь людям —
Исчезали страхи без следа.
Труден путь,
Был непомерно труден,
Но держать умели города.
Не отдали готам наши степи,
Устоял Воронежец в огне.
Раздувало ветром дым и пепел,
Но была победа на коне.
Не забудьте прошлое державы,
Кровь отцов об этом вопиет.
По Руси течет большая слава,
Слава от Воронежца течет.
Новый день светлей, чем день вчерашний.
Сотекайтесь, други, в тесный круг.
Воротите пастбища и пашни,
Кормящие всех: князей и слуг.
Павшие дрались во имя мира.
Улеглись на травы. Сон глубок.
Мы, как анты в годы Мезенмира,
Получили горестный урок.
Сеем хлеб, на зорьке травы косим,
Скот в степи заботливо пасем.
У богов мы помощи не просим.
Мы славяне, славу им поем.

* * *

Анты мы. То время на помине.
Русы мы доньше с древних лет.
Мезенмяр бил готов на Воляни —
Вот откуда Род и счет побед.

Мы храбры.
Мы готов разметали,
Били гуннов, жаждущих коров,
И ушли они в иные дали,
Не видать, как прежде, у костров.
Вдруг — обры! Наш князь погиб. То горе
Пережить сумели как могли.
Отошло, покачиваясь, море,
Увело в туманы корабли...
Не берем пример с варягов, греков,
Мы своею верою горды.
В жертву не приносим человека,
А цветы и разные плоды.
Ничего живого, даже птицу,
Даже рыб не жертвуем богам.
Мы — Дажьбога внуки. Не годится
По чужим нам шествовать стонам.

* * *

Был боярин Скотень из Ирана,
Смело на хазар
Он вывел рать.
Конница гнала их, как баранов,
И в траву укладывала спать.
Нас к себе иранцы принимали.
С ними было дружески тёпло.
А хазары данью донимали,
Брали жен, детей, творили зло.
Брали нас в тяжелые работы.
Били. Издевались как могли.
Тут еще опять явились готы,
Потонула степь в густой пыли.
Вышел Скотень с конницей своею,
Удаль показал в степном краю.
Вскоре и хазары-лиходеи
Обломали голову свою.
К Волге, к Дону и Донцу бежали,
Поимели срам от русских львов.
Мы опять победу одержали
По великой милости богов.
К нам враги не шли уже за данью.
Даром что ли кровь лилась рекой?
Стали мы странною Русколанью,
Обрели заслуженный покой.

* * *

Русь землю праотцев владела.
Киев рос, молился, торговал...
А сперва такое было дело:
Все хазары делали привал.

А когда варяги их побили,
Побежали к Скотеню. Но тот
Им напомнил дней минувших были.
«Русь без вас, — сказал им, — проживет».
Голубь Белояра Криворога
Полетел на юг, как на пожар.
«Нам на греков выпала дорога», —
Глядя в небо, молвил Белояр.
Много воли в сильном человеке:
Бил, разбил, как не было давно.
Тут хвостами завияляли греки,
Золотое вынесли руно.
И коней в серебряном уборе
Привели.
И побежали дни.
Белояр спокойно жил у моря,
Греки же сидели в Голуни.
Выждали. Дороги к нам открыты.
Двинулись, коварные, в броне.
Кровь лилась. И были мы разбиты.
Стон пошел по нашей стороне.
Головами ильмерцы начали:
Глупые! Что ж не позвали нас?»
Ничего мы им не отвечали.
Нам Перун мечи ковал.
Мечами
Своего добьемся. Близок час!

* * *

Воины мечами потрудились,
Но не стали дома отдыхать.
Пращуры у Велеса учились
Не борьбе,
А сеять и пахать.
Греки к нам ходили из корысти,
Хитрости велик у них запас:
То спешат хвостом вилять по-лисьи,
То готовят козни против нас.
Русские — не греки, не хазары,
Мы в трудах с зари и допоздна.
Скот в степи разводим, как болгары,
Жаль, что разбрелись на племена.
Там живут поляне, там — древляне.
Из того усобица пошла.
Русичи мы все, из Русколани,
Сделались теперь добычей зла.
Первое прошло тысячелетье,
Начали делиться во втором:
То подарят готы лихолетье,
То хазары сделают погром.
Обдирали готы, а хазары

Убивали. Страшные дела.
Был каган,
Любил смотреть базары.
Власть его нам пользы не дала.
Кагана купцы велеречивы,
А потом воинственны и злы.
Брали скот, топтали наши вины...
Приутихли русские орлы.
Хмуρο в небо синее глядели:
«Господи, помилуй и спаси!»
Тысячу и двадцать лет радели
Мы о сотворении Руси.
Вынесли такие передраги,
Чтоб она великою была.
Но пришли разбойные варяги —
И обидам новым несть числа.
Мы ушли от киевских базаров,
Скрылись в наших северных лесах.
Хищники, повесив Свентояров,
Взяли власть со злобою в глазах.
Видели убитого Гордыню:
Готов он со Скотенем громил.
Свентояр наш русскую равнину
В Русколани храбро защитил.
Князь борусов, вел он ровно десять,
Десять тысяч воинов на бой...
И такого воина повесить?!
Родина!
Что сделали с тобой?!

* * *

Мы живем, пока в работе сердце.
Будут люди жить и после нас.
Мы не избежим и те ильмерцы,
Что спешили выручить не раз.
Знала Русь о нашенской отваге.
Строили большие города...
То хазары правят,
То варяги.
Нет у них ни чести, ни стыда.
Русов Русь заботит и волнует.
Сколько там пришельцев ни кружись,
Связью нас великою связует
Вера в Бога,
В будущую жизнь.
Звездное сверкающее зданье —
Наше небо, наш родимый дом.
Древнее святое почитанье
Детям мы своим передаем.

* * *

Повели роды, как пела птица,
Каждый был надеждою обвит.
Греческая хитрая лисица
Говорила: «Солнце вам вредит».
Отвернуть хотела нас от юга,
От тепла, летящего с морей,
Будто бы мороз и злая выюга
Для здоровья русского нужней.
Время от Карпатского исхода
Тысяча и триста долгих лет.
Злой Аскольд пришел на Русь походом,
Сотворил народу много бед.
Греки нам придумывали дело —
Грызть камень: зубы, мол, тверды.
Сна нам песню старую пропела,
Позвала на ратные труды.
Лихо поработали мечами
Шла молва, созвучная мечам,
Будто мы на эллинов рычали,
Как лесные звери по ночам.
Говорили мы, сойдясь под стяги:
«Пусть гремит военная гроза!
Русь захватят греки и варяги
Наши дети плюнут нам в глаза».
Стяги на ветру затрепетали,
И вдохнули люди прах войны.
Слава павшим! Двести потеряли —
Это были лучшие сыны.
И скакали кони по равнине,
И трава хлестала по ногам...
Жаль, бояре не были в дружине,

* * *

Не творили тризну по врагам...
Налетим на Хорсунь соколами,
Чтобы взять еду, добро и скот.
Птица Сна поет и бьет крылами,
Нам для боя силы придает.
Храбрые в бою непобедимы.
Кровь кипит, нам души горяча.
На сынов Эллады потекли мы
Дать отведать русского меча.
С нами Правь,
Мы не страшимся Нави:
У нее нет силы против нас.
Мы спешим, чтоб снова быть во славе,
За мечи взялись не первый раз.
Быстрые срывают все препоны,
Ну а тех, которые ползут,

В деревьях обкаркают вороны,
Да еще и куры засмеют.
Бьет крылами Сна святая птица,
Самым дерзким помыслам сродни...
Павшим рог подносит Перуница:
Воду вечной жизни пьют они.

* * *

Скажем правду старыми словами,
Ложь любую выкинем в овраг.
Вот Аскольд явился править нами
Нам он враг, коварнейший варяг.
Дирос-грек советовал смириться
С бывшим стражем эллинских купцов.
Мы себе сказали: «Не годится
Брать чужих в князья на край отцов!»
Не ушло из памяти в туманы,
И Дуная знают берега,
Как разбили русские Трояна,
Защитив дулебов от врага.
Не забыть, как римляне сдавались,
Как потом работали в плену,
Как дулебы с нами обнимались
За свою спасенную страну.
Триста лет назад сражались деды,
Отстояли древние края...
Неужель, наследники победы,
Взять должны мы Рюрика в князья?
Русские мы, в каждом человеке
доброты нетронутый запас.
В лютой злобе римляне и греки
Называют варварами нас.
Мы, навету глупому не внемля,
Честь храним и множим русский род...
Хищники! Глядят на наши земли
И на Русь готовятся в поход.
У реки Воронежца и града
Нам была победа по плечу.
Битву ту покрепче помнить надо
Всем, кто снова тянется к мечу.
В небе Арий годы молодые
Вспоминает, светом осиян.
Пращуры во Сварге молят Дыя
За потомков доблестных славян.
Русский род нам следует прославить,
Как отцы, победами в боях.
От Аскольда, Рюрика избавить
Русь молюсь в священных деревьях.

* * *

Сирые мы, нищие, в кручине.
Нет, как встарь, веселья у костра.
Вон уже железо наточили,
Ниспровергли Индру у Днепра.
Вон Аскольд и Рюрик вместе бродят
Ч зовут неведомо куда.
Ч горит на нашем небосводе
Очень нехорошая звезда.
Чету прежней воли и отваги.
Взяли нас грабители в кольцо.
Рюрик — самый хитрый из варягов,
Убивал доверчивых купцов.
Рыскает лисою на просторе,
А народ напастями зажат.
Ходим мы печальные от горя
К тем холмам, где пращуры лежат.

* *

Нам сулила птица жить во славе,
Были мы хозяева земли.
На Карпатах гнали скот на травы,
Добрый торг с арабами вели.
Чтили они Радогощ. Мы честно
Забирали пошлину у них.
Были нам мечи тяжеловесны,
Но из рук не выпускали их.
Дымы поднялись, текут до неба:
Детям — скорбь, тревога — матерям.
На Днепре варяг, где сроду не был,
Волю дал захватистым рукам.
Сокрушил он русские границы,
Землю взял, людей к себе берет.
Рюрика гоните!
Плачут птицы.
Грозное время настает.

* * *

Лето. Сушь. Ни облачка на небе.
Жатвы нет. Сплошная тишина.
Можно ль жить без воли и без хлеба?
Лучше вновь иная сторона.
До Сурожа римляне и греки
Растоптали Русь. Беда, беда...
Об Аскольде — темном человеке
Русы не слыхали никогда.
Прискакал с варягами своими,
Князя нашего разбил и стал главой.
Выше Огнебога поднял имя,
Словно дуб над скошенной травой.
Мы чужих князей к себе не ждали,

А теперь уверить всех хотят,
Будто бы мы варварами стали
И в степи совсем не мы гоняли
Греков, римлян, словно поросят.

* * *

«Каждый по потребности получит», —
Вождь сказал. Не стало вдруг дождей.
В ясном небе ни единой тучи
Над любимой Родиной моей.
Если сушь траву и ниву косит,
Иль иная набежит беда,
Тот Аскольд чужим богам приносит
Жертвы. Ну, а нашим — никогда.
Греки веру заменить вам рады,
Чтобы данью стричь нас, как овец.
дети солнца мы!
И помнить надо:
Слава нам — заслуженный венец.
Пастыри по Скифии гуляют,
Рады слово новое вещать.
Волки наших агнцев похищают.
Русы, не давайте похищать.
Дерева и травы — знаки Бога.
Небо в звездах — дивный божий сад...
Жертвою мы радуем дажьбога,
В Ирии священной во сто крат.

* * *

И скажу я честными словами:
день грядущий, он для нас — во мгле.
Праотцы, не разлучаясь с нами,
Вдаль идут по высохшей земле.
Прежнего мы края не имеем.
Новая рождается страна.
Не сдались мы готам и ромеям.
Наша Русь отныне крещена.

* * *

Помоги нам, Боже!
Меч с тобою,
Смертью ты грядешь на всех врагов.
Русь не станет жалкою рабою:
Твой спасет божественный покров.
Размывая мглу, слепишь ты очи,
Светом и громами нам гремишь.
Льющимся дождям мы рады очень:
Ими благо людям ты даришь.
Благом этим наполняешь реки,

Укрепляешь души и сердца.
Вождь навек
И пастырь наш навеки,
И верны тебе мы до конца.

* * *

Славим мы заступника Дажьбога.
Он от Коляды до Коляды
Трав дает скотине нашей много,
Наполняет фруктами сады.
С ним же умножаются коровы,
В житницах — зерно,
В кувшинах — мед.
Мы его заботами здоровы,
Славу Русь Сварожичу поет.

* * *

Огнебог Семаргл, грызущий древо,
Утром с розовеющим лицом,
Огнекудрый...
Все ему напевы
Перед нашим жарким очагом.
Солнце ляжет спать, а он восходит,
В пепле одного его храним.
Он горит, пока на небосводе
Наше Солнце снова не узрим.
Вновь оно, ведомое быками,
Топчет Хорса синие луга...
Нас обнимет добрыми руками
И уйдет за темные стога.
Получаем волею Дажьбога
Мы приплод. Хвала ему, хвала!
Боги все — явление Сварога,
Он — творец и света, и тепла.

* * *

У Велеса мы не просим хлеба,
Просьба лишь великая одна:
Чтоб коней Сурьи пустил на небо,
И земля в лучах была видна.
Золотые вечные колеса
Только ей доверено вращать,
Милый мир полей и сенокосов
С голубого неба освещать.
Мы сказали Огнику: «Свети нам!»
Глядь, а ночи нет, исчезла тьма.
Свет рекою льется по равнинам,
Заливая рощи и дома.
Сотворив молитву, едем в поле.

Тело доброю едой укреплено.
Славим небеса за нашу долю,
Пьем сурыню — лучшее вино.
Внуки мы любимые Дажьбога,
День проводим в радостных трудах.
Звездная засветится дорога —
Мы опять за ужином в домах.
Опустилась ночь. Умолкли птицы.
По степи гуляют холода...
Долг велит с отцами поделиться
Хоть десятой долею труда.
Сотой мы поделимся с властями.
Наш обычай справедлив и строг.
Сыплет звезды щедрыми горстями
В голубую воду Огнебог.
Славные, во славе пребываем,
Не склонясь вовек перед бедой.
Молимся и тело омываем
Чистой родниковую водой.

* * *

Воссияет Солнце — славим Бога,
И отцам хвалу мы воздаем.
Их наказы выполняем строго,
Нашу веру снято бережем.
Возглашаем дедам нашим славу,
Помнит их родимая земля...
Скот ведем на молодые травы,
Хорса златорунного хваля.
Вечер звезды сыплет, как из рога.
Ночь приходит — вечеру сестра.
Снова славим доброго Дажьбога
На поляне светлой у костра.
Время. Совершаем омовенье.
Чистым быть не ленится никто.
Держит нас во власти сновиденья
Душу обнимающий ничто.

* * *

Вон Дажьбог на лодке в Сварге синей,
В золотом сиянье — Огнебог.
Это — жизни дух
И наша сила,
Наш причал от всех земных тревог.
Если муж благой — он видит это.
Злому зренье Небо не дает.
Кто живет во зле, не знает света,
Счастья своего не обретет.

* * *

Посветлел родник, река от хлябей
Вздулась: вновь Дажьбог принес тепло.
Жизнь зимой стоит, как на ухабе,
А весною шумно и светло.
Для полей оставлены усадьбы.
Сколько новых радостных затей!
Мы сходились и играли свадьбы,
14 имели множество детей.
Тело чистотой оберегали,
О здоровье думали всегда.
И сияли нам родные дали,
И играла ясная вода.
Чтобы жены были Плодовиты,
Мы глядели в воду...
Патер Дый
Помогал славянам деловито,
Всех своей заботой окружив.
Обещал плоды, зерно литое,
Сушь отвадил тучами с грозой...
И сияло солнце золотое,
И играло небо бирюзой.
Молимся и нас жалеет Жаля,
И Горюня с неба видит нас.
Никому живем не угрожая:
Доброты велик у нас запас.
Поит дождь угодня полевые,
Пыль ушла с прикатанных дорог...
Видно, снова руки золотые
Запускает в бороду Сварог.

* * *

Оживило Солнце наши вины
Край наш милый,
Край наш дорогой...
Как же степи русские красивы!
Стороны не надо другой.
Убираем хлеб.
Как много хлеба!
Житницы — спасенье от зимы.
Это все к нам не упало с неба,
Сами злаки вырастили мы.
Разожгли костер.
Бушует пламя.
Алые до неба языки.
Самыми высокими словами
Славим Бога, верую крепки.
Пребывает в заблужденье диком,
Кто богов считает.
Бог один!
Он один во множестве великом,
Каждой твари в мире —

Господин.
В светлый Ирий — светлая дорога.
Мы идем по ней, как деда шли...
Будем же достойны, люди, Бога!
Все мы — дети Матери-земли.

* * *

Поэтическое переложение сделано по изданию: «Велесова книга», М., 1994. Перевод и комментарии Александра Асова. Авторы – новгородские волхвы IX века. Начата, как предполагают, при князе Бравлине, завершена при варяге Рюрике. Возможно, была в собрании известного собирателя древностей А. И. Сулакадвева. Найдена полковником белой армии Изенбеком в 1919 году в имении под Харьковом. Была версия: в усадьбе Куракиных Орловской губернии. Дощечки с письменами находились в Брюсселе, затем исчезли. Их успел разгадать писатель Ю. П. Миролюбов. Впервые публиковался текст в журнале «Жар-птица» (1953, 1959, Сан-Франциско). Из «Толкового словаря», составленного А. И. Асовым: Арий — мифический прародитель русских людей, Богумир славянский Ной, прародитель русов и других племен, Велес бог богатства, скота, Дажьбог бог Вселенной, сын Перуна и русалки Роси, Индра — бог, устроитель вместе с Перуном битв, Ирий — славянский рай, Карна, как и Желя, — божество похорон, Кий — сын Ария, Кисек — прародитель русских людей, Лада — мать богов, Магура — птица Индры, Мара (Мармара) — богиня смерти, мать Сна — птица, покровительница Руси, Навь — загробный мир, Патардый — бог ясного неба, Перун — бог грозы и войн, Правь — закон, установленный Дажьбогом, Ра — Волга, Род — творец Вселенной, Снарог — бог-творец мира, Святovit — бог неба и света, Семаргл — бог огня, Стрибог — бог вихря, ветры его внуки, сурыня или суряца — напиток, Сурья — солнце, Триглав — ведическая Троица, Хорев (Горовато) — брат Кия, прародитель хорватов, Хоре — бог солнца, Щек — прародитель чехов, сын Ария, Явь — белый свет, светлый мир, Ярило — бог земледелия, Ясунь — понятие светлое, олицетворение нравственной чистоты.

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ

Восхвалим же и прославим *Его*,
непрестанно восхваляемого ангелами,
и поклонимся Тому, Кому поклоняются
херувимы и серафимы!

Из перевода
диакона Андрея Юрченко.

О Законе, Моисеем данном,
И о том, как Благодать Христа
Стала всем любима и желанна,
Как родник живительный, чиста.
Крылья вера всюду распростерла,
Порвала языческую сеть.
От равнин-долин к вершинам горным,
Как орел, сумела долететь.
Куполами храмы засветились,
Отошел в минувшее Закон.
Многие народы окрестились,
Русский был Владимиром крещен.
Русские нашли себе дорогу,
Чтобы жить по правде и в любви.
Князю похвала и слава Богу!
Господя! Наш путь благослови.
Славен Бог единый, христианский:
Люд от ирака идольского спас,
Уберег от смерти в окаянстве,
Жизнь содеял вечную для нас.
Ангельскими хорами хранимо
Имя Бога в мире неземном.
Кланяются Богу серафимы,
Кланяются Богу херувимы:
Он велик в страдании своем.
Он — посланник Бога, а не вестник,
Сам за всех он муки примал.
Умер человеком и, воскреснув,
Жизнь в гробах лежащим даровал.
Поклоненье идолам — в закате:
Жизнь земных творений не долга.
Стал Закон предтечей Благодати,
Благодать — Грядущему слуга.
Человеку божьему творенью
Прозябать негоже в суете.
В вечность мы идем через крещенье,
Через все сказанья о Христе.
Благодать в Спасителе таилась
Тридцать лет от мира вдалеке.
Благодать окрепла, проявилась
В день Крещенья в Иордан-реке.
Благодать свободная, как Сарра,
А Закон рабыня, как Агарь,
Стали вдруг причиной пожара,
Межусобных ссор затлела гарь.
Ч житья не стало христианам,
Вопль достиг неизвестных высот...
И рассеял Бог по разным странам
Благодать не принявший народ.
Не луна, а солнце воссияло.
Не Закон, а Благодать пришла.
Стужа ночи пала и пропала,

Теплота народы обняла.
Солнце христианское играет,
Веселя и радуя людей.
Лишь себя упорно утверждает
При свече Закона иудей.
О земном заботясь и радея,
Не нашли спасенье иудеи.
Христиане верою сильны,
К небу их сердца вознесены.
Благодать Христова все пространства,
Как вода морская, обняла.
Золотая вера христианства
Широко раскинула крыла.
Вышло по пророчеству Исайи:
«Ветхое, как рубище, спадет.
Новое вам, люди, возвещаю,
Песнь о Боге заново живет».
Иудеи лишь познали Бога.
Их Закон — за тридевять земель.
Нам открылась новая дорога —
Воскресенья светлая купель.
Над святой купелью воскресенья
Дождь прошел, чтоб небу голубеть,
Чтоб сынов земли одеть в нетленье,
В Божье одеяние одеть.
Говорил Христос: «Грядет година,
Веры век наступит золотой.
И Отца, и Дух Святой, и Сына
Бог восславит в Троице Святой!»
Говорил Отцу Христос Спаситель:
«Ты — владыка неба и земли.
Вяжут нас невидимые нити,
Как волна морская корабли.
Исповедь моя, как вихорь шумный.
В ней кипенье радостное сил:
Ты их скрыл от мудрых и разумных,
А младенцам маленьким открыл».
Мы, крестясь, Христу причастны стали,
Сыновьями Божьими навек.
В нем, Христе, мы Бога увидали:
Он и божество, и человек.
Человеком вышел из утробы,
Божеством волхвов к себе позвал.
Человеком умер, но из гроба
Воскресил себя и Богом стал.
Утаить хотели иудеи
Воскресенье светлое от нас.
Он, о человечестве радея,
Обещал спасти людей и спас.
Он лечил слепых и прокаженных
Выправлял с рождения согбенных,
Весов гнал и мертвых воскрешал...

А они лжецом Его назвали,
Ко кресту гвоздями прибивали.
Божий гнев, как гром, на них упал.
В Иерусалиме со слезами
Иисус не даром говорил:
Звали б вы, что скоро будет с вами!
Станешь, город, городом могил.
Над тобой расправятся жестоко,
Станешь морем крови и огня,
Город, избивающий пророков,
Город, не услышавший меня!»
Так и стало. Иудейство пало.
Их Закон, как зорька, отгорел.
Конница тяжелая топтала
Пепел и холмы из мертвых тел.
От такого вихря-ветровея
Род за родом с места сорвало.
Разбрелись по свету иудеи,
Дабы вкупе не бывало зло.
Это к ним шел сын земли и
Нес души бесценные дары.
Шел к своим, но принят ими не был,
Был гоним с младенческой поры.
Прежде всех волхвы его узнали,
Той великой ночи сторожа.
А они убить его искали,
На младенцах Ироду служа.
Было слово: «В Царствии Небесном
Многим быть по сердцу и уму.
Вам одним в том Царстве будет тесно,
Дети Царства, рухнете во тьму!
Царство Божье отнято навеки,
Царство Божье отдано другим,
Кто увидел в Богочеловеке
Благодать и двинулся за ним.
Слово для апостолов святое
Шествуйте по свету,
В добрый путь!
Благодати действо дорогое —
Показать Евангелия суть.
Научите каждого молиться,
Уходить от мелочных забот.
Кто придет, уверовав, креститься,
Душу тот нетленную спасет.
Обойдите горы и равнины,
Посетите всех, кто в мире жив,
Именем родным Отца и Сына
И Святого духа просветив!»
Любо воссияти Благодати -
Льется солнце светлое в окно.
В новые меха вы наливайте
Нового учения вино.

Ветхим обветшалым в иудействе,
Новое вино не удержать.
Идольскому горелищедействию
Перед правдой правд
Не устоять.
Жили мы во тьме во время оно.
Свет к народу русскому проник.
Пересохло озеро Закона,
Бьет ключом евангельский родник.

На вершину вышли мы крутую,
Наше сердце молодо стучит.
Дружно славим Троицу Святую,
Иудея хмурая молчит.
Славим мы Христа...
Они все те же —
Нашего Спасителя клянут.
Ветер века молодой и свежий
Не развеял старческих причуд.
Говорил Малахия, что земли
Чтут его, возносят фимиам.
А они...
«Их жертв я не приемлю,
Им благоволения не дам».
Говорил Давид:
«Мы — христиане.
Строим храмы, верую живем.
Шел Христос недаром на закланье,
Свет большой надежды нашей в нем».
Вспоминать Исаию полезно.
Говорил он в давние года:
«Знайте, под ходящими по бездне,
Час придет, разверзнется вода.
Где сейчас безводье — быть болоту,
Быть колодцу в жаждущей земле».
Мы слепыми были, но широты
Он открыл нам в сумеречной мгле.
Он пришел дорогою пророчеств,
души наши к свету повернул,
Распахнул невидящие очи
И глухие уши разомкнул.
Спотыкаясь, шли по бездорожью
Много лет за бесами вослед.
Но познали силу, волю Божью —
И пути иного больше нет.

Не хулим Христа, не распинаем,
Не ломаем ребер копием.
Серебро на Нем не наживаем,
Ложь себе в служанки не берем.
Не таим святого Воскресенья
Он воскрес из мертвых!» говорим.

Даровал народам Он спасенье
И народы следуют за Ним.
Нет иной в Грядущее дороги,
Это знает каждая страна.
И сбылось реченное о Боге:
«Все Ему Послужат племена!»
Славьте Бога!
Бог наш воцарился.
Все сбылось, что предсказал пророк.
Князь ему и цесарь покорился,
Он над всеми странами высок.
Рим Петра и Павла славит Бога,
Азию с Эфесом Иоанн
Вывел на широкую дорогу,
Ввел в семью большую христиан.
Индия Фомы,
Египет Марка
Стали православною семьей...
Воссияло весело и ярко
Солнце и над русскою землей.
Князь Владимир
Вывел нас к рассвету.
Не живем под идолом, как встарь.
Хвалим мы наставника за это:
«Здрав будь, наш великий государь!»
Громко хвалим Игорева внука,
Сыну Святослава наш поклон.
Славных предков ратная наука —
В громе труб и в шелесте знамен.
Не один народ нам покорился,
С нами дружбу крепко завязал.
Славный князь
От славных народился:
Ум явил и меч свой показал.
Землю пас отвагою и смыслом,
Но в тиши высокого дворца
Думы вдруг тяжелые нависли:
«Где найти единого Творца?»
Втуне были жаркие порывы,
Но, томясь у капищ, как во мгле,
Вспомнил о стране христоролюбивой,
О далекой греческой земле.
Чтутся там не статуи-каменя,
Истуканы в блеске позолот.
В храмах там молитвенное пенье,
Верный Богу набожный народ.
Церкви переполнены, и грады
Благоверны, дружеством сильны.
Неземной повеяло отрадой
От далекой греческой страны.
Духом воскипел и возгорелся
Князь — правитель киевских земель.

Подошел к купели и разделся,
Влез в святую дивную купель.
Благодатью князя оросило,
Укрепило силою креста.
Из купели с именем Василий
Вышел он апостолом Христа.
Громче, чем приветственные клики,
Понеслось по селам, городам,
По народам малым и великим,
По свободным людям и рабам,
По живущим в Киеве-столице,
По бредущим в сумраке лесном:
Волей князя
Русь должна креститься:
Вся она теперь — единый дом.
Зори благоверия явились,
Тьма служенья бесам отошла.
Вместо капищ храмы народились.
Русь иконно-лика я светла!
Словно гром, евангельское слово.
Идолы повержены во прах.
Черноризцы строгие сурово
Роют кельи темные в горах.
В храмах все от мала до велика.
Фимиам душистей алых роз.
Пенье и восторженные клики:
«Славен наш Господь!
Велик Христос!»
Князя до небес превозносили:
«Ты земной владыка из владык.
Имя твое новое Василий
Сохранит в веках родной язык.
Духом христоролюбия все выше
Ты растешь, отважный человек.
Ты Христа не видел и не слышал,
А в него уверовал навек.
Благодать Христову сделал садом
Для всего народа своего.
А иные с Богом были рядом,
Слушали, не слыша ничего.
Ты не чтил Закон, не знал пророков,
Не прочел ты многих древних книг.
А его, распятого, глубоко
Всей душою русскою постиг!
Божий страх доверчиво и скоро
Принял, хоть в стране своей родной
Не видал апостола, который
Проходил с сумою и клюкой.
Не видал, как бесов изгоняют,
Как немые говор обретают,
Как из гроба мертвые встают.
Понял ты душой своей смиренной:

Есть Творец земли и всей Вселенной,
От него все видимое тут
Понял: все, что зримо и незримо,
Им одним и дышит, и живет.
Будут Божьей милостью хранимы
Люди — православия оплот...
Стал ты, князь, светильником хорящим
До конца земного бытия.
Одевал нагих,
Давал просящим
Не скудела житница твоя.
Милости твои,
Твои щедроты —
Память о тебе на много лет.
Это духа русского высоты,
Подвига апостольского свет.
Взяв Христово мудрое ученье,
Дал народу мир и тишину
Уберег умы от помраченья,
Спас от черных идолов страну.
Стал ты, князь, подобен Константину:
Он собор в Никее собирал,
Крест принес из Иерусалима,
Как апостол,
Веру утверждал.
Твой же крест из Константина-града,
С бабкой Ольгой возжигал ты свет.
Христоробец!
Родины отрада!
К старцам шел смиренно на совет.
За свои старания благия
Удостоен благостной судьбы:
В храме Богородицы Марии
Ждешь ты зон
Архангельской трубы.
Наши тебе слезы в восторги.
Вера разлилась у нас рекой.
Кровь твоя живая сын Георгий
Русь крепит уверенной рукой.
Встань узришь:
На новую вершину
Вышел он в стараниях благих.
Встань узришь сноху свою Ирину,
Рядом внуков,
Правнуков своих.
Все, увидишь, Господом хранимы,
Следуют завету твоему.
Славит Бога город твой любимый,
Храм в кадильном голубом дыму.
Встань же, князь,
Возрадуйся посеву:
Добрые ты сеял семена.

Не Законом, данным Моисеем,
Благодатью Русь освещена.
Буря наш корабль не раскачала,
Тверд союз духовного родства.
Кто прозрел сердечными очами,
Тот увидит солнце Божества.
Немоты не стало.
Богу слава!
Всевеликой Троице хвала!
Князь,
Молись за русскую державу,
Чтоб светло и правильно жила.
Да хранит Господь страну от глада,
От печали, скорби, от врагов.
Да цветет она весенним садом
И не знает радость берегов.
Помолись, чтоб государю-сыну
Русь сберечь и веру сохранить,
Чтобы жизни бурную пучину
Он сумел достойно переплыть,
Чтобы городам своим и селам
Стал он люб, как ты, его отец,
Чтобы встал потом перед Престолом,
Принял славы праведной венец

* * *

Творение митрополита Илариона. Написано в 1049 году в Киеве, тогда же произнесено автором (26 марта) на первый день Пасхи в надвратной Благовещенской церкви, венчавшей сооружение Золотых ворот. Мудрый Ярослав назван Георгием — именем, данным при крещении.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами ратных
повестей о походе Игоревом,
Игоря Святославича?

Из перевода О. В. Творогова

Не пора ли, братья, слово
О походе нам начать?
Пусть звучит оно сурово,
Как положено звучать!
Вспомним Игоревы раны,

Слезы жен и матерей
Не по замыслам Бояна,
А по былям наших дней.
Наш Боян творил напевы,
Растекая мысль по древу,
Серым нолком в поле мчал.
Плыл орлом под облаками,
Пел о том, что было с нами,
Ни о чем не умолчал.
Помнил горькие години,
Межусобный жар боев,
Поднимал над лебединой
Стаей десять соколов:
Первый сокол нападет —
Первый лебедь запоеет
Песню славу Ярославу
И отважному Мстиславу,
Что Редедю заколол
Пред косожскими полками,
Или красному Роману,
Что хвалу себе обрел.
Пел он старым,
Пел он юным
О делах минувших дней.
Он перстами бил по струнам —
И, как стая лебедей,
Струны пели-рокотали,
Подчиняясь соколам,
Уводя в седые дали,
К древним дедовским холмам.

2

Так начнем же повесть, братья,
Как, отвагой загорясь,
С удалой дружиной-ратью
На войну поехал князь.
Вдруг, бедой грозя походу,
По земле, по небосводу
Ночь пошла, сдвигая день:
Солнца лик закрыла тень.
Потемнела вся округа,
Звезды в сумерках горят.
Молча воины с испугом
В небо черное глядят.
Роет землю конь копытом.
Князь, тревогу затая,
Молвил: «Лучше быть убитым,
Чем в плену. Вперед, друзья!
Мы в кустах себя не прячем.
Русич в бранях закален.
Полям половцев поскачем,

Поглядим на синий Дон.
С вами вместе из шелома
Я донской воды напьюсь
И копьем вдали от дома
Поля вражьего коснусь:
Либо славу заслужу,
Либо голову сложу».

3

Где, Боян, твои напевы?
Где ты, старый соловей?
Мыслью бегая по древу,
думы смутные развей.
Торопись тропой Трояна
На родную сторону.
Славы двух времен Бояну
Разве трудно свить в одну?
Внук Велесов, брови хмурия,
Так бы славил ты поход:
«На Дону бушует буря,
Стаю галочью несет».
Или так: «Земля от гула
И от топота дрожит.
Кони ржут за речкой Сулой,
Слава в Киеве звенит.
В древнем Новгороде трубы
Над курганами трубят,
Над Путивлем белогрудым
Стяги русские шумят».

4

Игорь Всеволода ждет,
Брата милого зовет.
Слышит Всеволода слово:
«Брат, седлай своих коней,
А мои давно готовы —
Возле курских рубежей.
Лихо воины-куряне
Рубят саблей в мечом.
Берегитесь, полончане:
Все отважным нипочем.
Скачут так, что пыль клубится,
В чужедальние края.
Даром что ли говорится:
«Вскормлены с конца копья!»
Рано трубами повиты,
В ратном деле горячи:
И колчаны их открыты,
И отточены мечи.
Луки в руки скачут вместе

По ненашей стороне:
Князю славы, себе чести
Добывают на войне».

5

Князь вступил в элатое стремя,
Тронул резвого коня.
А кругом — ночная темень,
Свет исчез средь бела дня.
Стонут птицы, рев звериный
Душу воина томит.
Див уселся на вершину
И прислушаться велит
В грозной тьме, кромешной тьме
Всей незнаемой земле.
Станным криком всех тревожа,
Знак подал в глухую рань.
Волге, Посулью, Сурожу,
Идолу в Тмутаракань.
Ищут половцы короче
К Дону путь, в тумане мчат.
Их телеги среди ночи,
Словно лебеди, кричат.
«Игорь, крик тревогу бьет, —
К Дону воинов ведет!»
Верят русичи в победы,
Но уже в дубравах беды
Птиц пасут на деревьях.
Нагоняют звери страх.
В небесах орел кружится,
Трупы чует с высоты.
Брешут рыжие лисицы
На червленые щиты.
Далеко родимый дом.
Русь, уже ты за холмом!

6

Соловей запел и замер,
Мглою окутана земля.
Загорожены щитами
Русских воинов поля.
Свет зари упал на травы
Время битву затевать,
Себе чести, князю славы
В поле бранном добывать.
Словно стрелы, утром рано
Полетели грянул бой...
Потоптав полки поганых,
Много ткани дорогой,
Много серебра и злата,

Много взяли красных дев,
Сразу стали все богаты,
Половина одолев.
И оружие, и стяг —
Все у Игоря в руках.
Век такого не бывало:
Где болотные места,
Шубы шли и покрывала
Вместо досок для моста.

7

Лунный свет белее снега,
Звезды светят высоко.
Крепко спит гнездо Олега —
Залетели далеко.
С князем, сыном Святослава,
Были храбрыми в бою.
Родились не для расправы
Соколам и воронью.
Ночью волком скачет Гзак,
Правит след ему Кончак,
Правит к Дону. И над Доном
На заре сгустился мрак.
Четырем князьям на горе
Тучи двинулись от моря
Половецкие полки.
Молний синий свет несется,
Бьет в четыре русских солнца
У Каялы у реки.
Время копья преломить,
О шеломах саблям бить.
Покатился к дону гром.
Русь, уже ты за холмом!

8

Далека теперь дорога
В милый край, родной предел.
Внуки резвые Стрибога —
Ветры — веют тучи стрел.
Мутен дон, мутна Каяла.
В поле пыль стеною встала,
В поле крики, топот, гуд:
Это половцы идут.
дети беса подступили,
Поле кликами закрыли.
Им навстречу Игорь-князь
Встал, щитами заслонясь.
Яр тур Всеволод! Ты, брат,
Не подвинешься назад.
Сыплешь стрелы, саблей рубишь,
В ножнах меч беречь не любишь.

И на вражеский шолом
Ты обрушиваешь гром.
Ты отважным туром скачешь
В ярком шлеме золотом.
От руки твоей горячей —
Только головы кругом.
Что тебе любые раны,
Если ты среди мечей
Позабыл уют желанный
Милой Глебовны своей,
Позабыл Чернигов-град,
Где был весел и богат!

9

За высокие курганы
Отошли века Трояна.
Отшумели, как вода,
Ярославовы года.
Дни Олеговы в тумане:
Век Олег прожил во эле,
Из своей Тмутаракани
Сеял стрелы по земле.
В золотое ступит стремя
Он, отвагой загорясь,
Звон услышит в то же время
В Киеве великий князь.
Князь Владимир эвон не слушал:
Он в Чернигове своем
Затыкал бывало уши
И спешил укрыться в дом.
Где Борис, сын Вячеслава,
Похвальбой известный всем?
Получил он суд кровавый,
Пал на травы, глух и нем.
Пал, поверженный Олегом,
Тем, что беды к нам привел...
Время схваток и набегов,
Время княжеских крамол.
Святополк отца в печали
Вез убитого домой.
Громко вороны кричали
Над родимой стороной,
Криком полнили поля,
Трупы воинов деля.
Заводили галки речь,
Где б добычу подстеречь.
Весь народ наш, внук Дажь-бога,
Долгой смутой потрясен,
Жил тревожно и убого,
Ждал беды со всех сторон.
Человек, не взвидев света,

Брел неведомо куда...
Были битвы. Но как эта —
Не бывали никогда.
Рать отвагою богата:
Бой ведут богатыри
От рассвета до заката,
От заката до зари.
Стрелы острые летят,
Сабли громами гремят,
Копий треск слышать повсюду,
Бьют булатом о булат.
О, незнаемое поле
Край цветов и трав густых!
Напоили тебя вволю
Кровью воинов твоих.
Вновь сиять румяным зорям,
Звездам плыть в полночной мгле,
Но взойдут бедой и горем
Кости павших на земле...

10

Что шумит перед зарею?
Что в тумане мне звенит?
То с дружиной удалою
Игорь птицею летит.
Ранен князь, но рвется в бой:
Брата рад прикрыть собой.
День сражались у Каялы,
Два до самого темпа.
А на третий стало мало
Им кровавого вина.
Стяги Игоревы пали,
Разлучился с братом брат.
Хорошо попиروвали:
Всюду мертвые лежат.
Вволю сватов напоили,
Сами рядышком легли.
Все в бою отважны были,
Честь дружины сберегли.
Никнет в жалости трава,
Горе клонит дерева...
И пришла на Русь обида,
Девой, лебедем прошла,
На Дону с печальным видом
Распахнула два крыла.
Дни години невеселой.
Жгут поганые жилье.
А князя куют крамолу:
«То мое и то мое!»
Улетел далече сокол,
Птиц хотел у моря бить.

Храбрый полк в траве высокой
Никому не воскресить.
Карна вскрикнула, и Желя
В души кинула разлад.
Жены в слезы: «Ох, уже мы
Не увидим наших лад».

11

В дни печальные такие
Слезы лил и стар, и мал.
Впал в кручину стольный Киев,
И Чернигов застонал.
Той порою невеселой
Стон стоял в любом селе.
А князья свою крамолу
Знай ковали на земле.
Рать поганных набегала, —
Наша ссора — им игра, —
И спокойно собирала
Дань — по белке со двора.
Игорь, Всеволод — два брата
Вышли биться, наконец.
Били половцев Проклятых
Но не так, как их отец.
Святослав гремел грозою
В Половецкой стороне.
Перед ратью боевою
На лихом скакал коне.
Полон гнева и отваги,
Бил врага, что было сил:
Притоптал холмы, овраги,
Ясны реки замутил.
И болота, а протоки
Иссушил . тверда рука,
На пол гридницы высокой
Бросил хана Кобяка.
И о нем уже вовеки
В мире слава не умрет:
Славят немцы, чехи, греки
И Венеции народ.
Славой Игоря не стала
Битва трех кровавых дней:
Ссыпал золото в Каялу,
Утопил богатства в ней.
Слава выбрала другого,
А ему горька судьба:
Из седла он золотого
Пересел в седло раба.

12

Святослав тоской томился,
Встал с тревогою в глазах:
Смутный сон ему приснился,
Сон на Киевских горах.
И боярам он бывалым
Говорил в начале дня:
Этой ночью покрывалом
Черным кутали меня.
На кровати на тесовой
Пил я синее вино».
И прибавил князь сурово:
«С горем смешано оно!
Иноземцев я поганых
Видел так, что не вздохнуть:
Из пустых они колчанов
Жемчуг сыпали на грудь.
Стала меч искать рука,
Глядь уж терем без князька.
Громко граяли вороны,
Покидая наш предел.
На высоком крутосклоне
Лес клонился и шумел».
И бояре отвечали:
«Князь, твой сон для нас не нов.
Ум недаром твой в печали:
Потерял ты соколов.
Понеслись к Тмутаракани,
Дона думали испить.
Крылья саблями поганых
Подсекли — не воротить.
В край отцовский не придут,
Не порвав железных пут.
В том бою два солнца было,
Но они погасли вдруг.
Тьма два месяца закрыла,
Как крылами зимних вьюг.
Тьма покрыла на Каяле
Свет полудня, добрый свет.
Стяги Игоревы пали —
Нет победы, славы нет.
Точно выводок звервный,
Лезут половцы, и вот
Див спускается с вершины,
Злое время настает.
Тучей беды налетели,
А у моря в свете дня
Девы готские запели,
Русским золотом звеня.
Вспоминают время Буса,
Славят Мечь за Шарокана
И звенят в их косах русских
Наши слезы, наши раны.

Не вернутся оба сына.
Им в Чужом пиру похмелье.
Ну, а мы — твоя дружина —
Без веселья, без веселья»

13

На бояр взглянул сурово
Князь Великий Святослав
И сказал златое слово,
Со слезой его смешав:
Сыны мои! Вы рано
Повели за славой рать.
Вы позволили поганым
Меч и волю отобрать.
Хоть в бою бесстрашны были,
Победил вас половчин
Что ж вы, дети, сотворили
Серебру моих седин?
Нет в Чернигове у брата
Ярослава прежних сил,
Войска нет он с ним когда-то
Рать поганую косил.
Где могуты? Где ревуги?
Где татраны-топчаки?
Шли они, соседи-друзи,
В наши русские полки.
И ольберы шли под знамя
Града Киева. В те дни
Засопожными ножами
Били недруга они.
Без щитов, а дело знали:
Рвали всадника с коня.
Многих с кликами прогнали,
В славу прадедов звеня.
Вы сказали: «В силы верим
И поставим на своем,
Славу старую разделим,
Славу новую возьмем!»
Не пришлось вам, дети, в поле
Новой славой прозвенеть.
В час такой пристало что ли
Старцу дома усидеть?
Молодею, как тот сокол,
Что взвивается высоко
И с налету птицу бьет,
Сильный, смелый, с гордым видом,
Не дает гнезда в обиду,
От напасти бережет.
Зло в одном, печалюсь я:
Не помощники — князья».

Сабли недругов поганых
Уж под Римовым гремят.
Князь Владимир в тяжких ранах
Свету белому не рад:
Кровь струится, как вода.
Сыну Глебову — беда.
Ты бы, Всеволод, пришел
Побережь отцовский стол!
В страхе ты не затрепещешь,
Редкой силой наделен,
Волгу веслами расплещешь,
Шлемом вычерпаешь дон.
От твоей могучей рати
Сразу б недруг наш ослаб.
Шла б рабыня по ногате,
По резане был бы раб.
Бьешь ты копьями живыми —
Сыновьями удалыми
Глеба — в лютого врага.
Русь тебе ль не дорога?
Где вы, Рюрик и Давид?
Русь в беде, земля горит!
Вы ли битвой не учены?
Ну-ка вспомните бои,
Когда шлемом золоченым
Войско плавало в крови!
То не ваша ли дружина
Мчалась туром-исполином,
Саблей раненным, рыча?
В золотое встаньте стремя,
Вас зовет лихое время:
Враг да сгинет от меча!
Выходите за курганы
Метить за Игоревы раны,
Мстить за Родину свою
В новом яростном бою!
Ты умен, князь Ярослав,
Град твой Галич златоглав.
Высоко ты заседаешь
На престоле золотом.
Горы венгров подпираешь
Ты полками, как плечом,
Королю закрыл дорогу,
Дверь Дунаю затворил
И с отцовского порога
По врагу стрелою бил.
Мечешь камни ты за тучи.
Крепок ум, сильна рука.
Не пора ль тебе, могучий,
Сыпать стрелы в Кончака?

Пусть твое он, пес поганый,
Встретит мужество в бою.
Мсти за Игоревы раны!
Мсти за Родину свою!
Ты, Роман, бесстрашный витязь,
Ты, Мстислав, пора в поход!
В поле бранном появись
Вас опять победа ждет.
Вы в отваге — как в полете
Стая смелых соколов.
Гордо головы несете,
Сея ужас на врагов.
Ваших панцирей железных
Не пробить любой стреле.
Сколько б недругов ни лезло,
Все остались на земле.
Не один в бою суровом
Шлем срубили с головы
У Ятвиги, у Хиновы,
Деребелы и Литвы.
Вы и половцев повергли.
Где же свет былых побед?
Солнце Игоря померкло,
Войска княжеского нет.

15

Крепко русичи уснули:
Там беда и там — беда.
Уж по Роси и по Суле
Наши делят города.
Игорь-князь из полной чаши
Выпил красное вино.
Где ж вы, Ольговичи наши?
Встать за Русь пора давно.
Ингварь, Всеволод, идите!
Кличет Русская земля.
Копья польские возьмите,
Тучей стрел загородите
двери в отчие поля.
Кличут рощи и поляны
В дорогом родном краю
Мстить за Игоревы раны,
Мстить за Родину свою!
В Переяславль, град великий,
Больше Сула не течет.
На Двине поганых клики
Больно слышать средь болот.
Горы немые, доли немые,
А князя как ни при чем.
Изяслав в чужие шлемы
Позвонил своим мечом.

Быть бы брату Брячиславу,
Быть бы Всеволоду там,
Не упал бы он на травы,
Головой прильнув к цветам!
Чуя смерть в разбитом теле,
Он дружину вспомнил вновь:
«Птицы крыльями одели,
Зализали звери кровь...»
На литовцев глянул смело
И умолк он, не дыша.
Улетела вон из тела
Чистым жемчугом душа.
Потускнело ожерелье.
Сжались губы навсегда.
И покинуло веселье
Наши села, города.
Ярослава и Всеслава
Внуки, горе нам от вас.
Сами дедовскую славу
Погребли в недобрый час.
Вы, творя крамолу рьяно,
Стали злом родной земли.
Вы насилие поганых
В дом отцовский привели.

16

Вышло утро из тумана,
Сумрак ночи подобрал.
На седьмом веку Трояна
Бросил жребий князь Всеслав.
Конь Всеслава быстр, как птица.
Князь коварен и удал:
Бросил жребий о девице
И на Киев поскакал.
Разменять задумал терем
Он на киевский престол.
Но не взял его и зверем
Прочь от города пошел.
Ночью в Белгород ворвался,
Утром Новгород крушил,
Но недолго там остался,
На Немигу поспешил.
Жаждой крови загорясь,
Мчался волком хитрый князь.
На Немиге не скопами,
Головами стелят ток,
Бьют булатными цепами,
Обрывая жизни срок.
И летит душа от тела
В неизвестные пределы.
Сеют поле не зерном

Кости русские кругом...
Был Всеслав-хозяин прав:
Сам судил и сам рядил,
Серым полком среди ночи
До Киева доходил.
Певуны рассветной рани —
Петухи покажут пыл,
А уж князь в Тмутаракани.
Глядь уж Хорсту путь закрыл.
Звон к заутрени в Софии
Полоцк слушает. А он
Уж глядит с горы на Киев
И тот самый слышит звон.
Хоть душа была и вещей,
Но и он от бед страдал.
Там, где Днепр волнами плещет,
Наш Боян не зря сказал:
«Ты коварным занят делом.
Но конец один в пути.
Знай: ни хитрым, ни умелым
Божий суд не обойти».
Тяжко стонет Русь святая,
Дни былые вспоминая.
Не придет Владимир к нам,
К славным Киевским горам.
Стяги Рюрика, Давида
Не в одном строю встают.
На душе печаль-обида:
Копья в поле врозь поют.

17

Слышат птицы, пролетая
Утром рано над водой,
Слышат голос на Дунае
Ярославны молодой:
«Я кукушкою-зегзицей
Над Дунаем полечу.
Где Каяла серебрится,
Там рукав свой омочу.
Полечу я за курганы,
Мужа милого найду,
Рукавом я вытру раны,
Боль от сердца отведу».
День в Путивле кликом начат,
Слезным кликом в тишине.
Ярославна горько плачет,
Вся душа ее в огне:
«Ты зачем, ветрило, веешь
Против мужа моего,
Стрелы хиновские сеешь
Все на воинов его?

Неужели было мало
Гнать по морю корабли?
От руки твоей, удалый,
Облака по небу шли.
Ты летишь проворной тенью
Не туда, куда велю.
Ты отнял мое веселье
И разнес по ковылю».
Ярославны голос кручи
Слышат в городе родном:
«Днепр Славутич! Днепр Славутич!
Принеси мне радость в дом.
Ты пробил крутые горы
Половецкой стороны.
Ты лелеял на просторе
Святославовы челны.
Прилелей же, господине,
Друга милого ко мне,
Чтобы слез не лить в кручине
Мне в родимой стороне».
Солнце лик то в тучку прячет,
То опять откроет лик.
Ярославна рано плачет,
Посылает к солнцу клик:
«Солнце! Светлое ты солнце!
Для тебя преграды нет.
Шлешь ты в каждое оконце
Красный свет, горячий свет.
Ты зачем же поспешило
К войску мужа моего, -
В поле зноем иссушило,
Не жалея никого?
Был измучен воин каждый
На виду у половчан.
Лук тугой согнуло жаждой,
Затворило им колчан...».

18

Море прыснуло к полночи.
Мглой укутан небосвод.
Князь бежать из плена хочет.
Он не спит, Овлура ждет.
Князь под хмурым небосклоном

Видит в мыслях дом отца.
Поле меряет от Дона
И до Малого донца.
Ровно в полночь он услышал
Свист Овлура у реки.
Из шатра проворно вышел,
Горностаем — в тростники,

Белым гоголем — водою,
Чистым полем — на коне.
Звезды стайкой золотою
Тихо плыли в вышине.
Позади — шатры и вежи.
Ровной степью путь лежал.
По росе студеной, свежей
Серым полком князь бежал.
Добывал обед и ужин,
В небе соколом кружа.
С ним Овлур был крепко дружен,
Был проворнее стрижа.
«Игорь-князь! — под говор птичий
Вдруг донец сказал во мгле,
Ты немало возвеличен.
Быть веселью на земле!»
«Донче! — молвил князь с поклоном, —
Возвеличен будь в веках.
Мне в тени древесной кроны
Ты ковер стелил зеленый
И лелеял на волнах.
Стugna — речка не такая:
Знай бежит, ручьи глотая.
За ладьей она ладью
Тянет вниз, как дань свою.
Ростислав нашел могилу
На ее глубоком дне.
Плачет мать. Цветы унылы.
Никнет дерево к земле...».
Новый день готовит беды,
Раздвигая ночи мрак.
То не шум сорок — по следу
Едет Гзак, а с ним Кончак.
Гзак промолнил: «Вижу, сокол
Поднимается высоко
И летит к себе домой.
Что ж, и мы не прогадаем,
Соколенка расстреляем
Золоченою стрелой». —
«Ты поводья больно круто
Натянул, — сказал Кончак. —
Красной девицей опутать
Соколенка надо, Гзак».
«Потеряем мы девицу,
Гзак ворчит, от злости лют. —
В половецком поле птицы
Нас с тобою заклюют...».
От кургана до кургана
Льется речкой речь Бонна,
Золотая льется речь:
«Голове нельзя без плеч!»
Песнотворец Святослава,

Дней Олега, Ярослава
Кинул вещие слова:
«Русь без князя не жива!»
Солнце светится, играя,
Широко шумят леса.
Вьются, вьются на Дунае
Молодые голоса.
Через море в Киев-град
Песни девичьи летят.
Веселы сады и рощи.
Едет князь в Боричев свой,
Едет к храму Пирогощей
Богородицы святой.
Рады села, города.
Русь от счастья молода.
Мы князьям пропели старым,
А теперь с душевным жаром
Молодым своим князьям;
Игорю Святославичу — слава!
Всеволоду и Владимиру — слава!
Слава — вам, слава — вам!
Здрав будь, Князь! Дружине — слава!
Рать полков поганых, Сгинь!
Крепни Русская держава,
На века веков!
Аминь.

* * *

Слово о походе новгородсеверского князя Игоря на половцев в 1185 году пересказывали стихами многие, в том числе наш земляк И. А. Новиков, автор известных романов о Пушкине. Видели **мы** пересказ среди рукописей Е. Г. Сокола, уроженца Волхова, друга С. А. Есенина.

В походе Игоря могли участвовать люди из нашего края. Об этом писали местные историки Г. М. Пясецкий («Исторические очерки города Орла» — 1874) и А. Н. Шульгин («Минувшее Орловского края» — 1903).

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

О, светло светлая и
прекрасно украшенная,
земля Русская! Многими
красотами пославлена ты...

Из перевода Л. А. Дмитриева

Светло-светла,
Красно-красна
Земля родная Русь.
Тобой душа моя полна,
Гляжу не нагляжусь.

Ты стала славною вовек
Красой холмов и гор,
Красой дубрав, колодцев, рек
И голубых озер.
Привольны русские края,
Раздольям нет границ.
Тут много дивного зверья
И много разных птиц.
Числа нет селам, городам,
Известным с давних дней,
И божьим храмам, и садам
Твоих монастырей.
Князьями грозными грозна,
Боярством честным ты честна,
Умна умом вельмож.
Среди других народов, стран
Сильна ты верой христиан.
Твой лик с зарею схож!
до тех земель, где чех и лях,
Литвин засел в своих лесах,
Где немец и карел,
Где море дышащее в дар
Приносит волны,
До болгар
Раздвинут твой предел.
Нам Бог помог,
Тому и быть:
Сумели земли покорить
Мы недругам на страх.
Во славе Всеволод, наш князь,
Его родитель, Юрий — князь,
Владимир Мономах.
От Мономаховых затей
Никто не убежал:
Пугали половцы детей
И гордый хан дрожал.
Литвин не вышел из болот,
А венгр в своих горах
Железом кованных ворот
Настроил в городах.
Ценили немцы высоко
Власть киевских князей.
Сидели немцы далеко
В Неметчине своей.
Родная радовала даль:
Ни горя, ни тревог,
Где море Синее хрусталь
Бросает на порог.
И черемисы, и мордва
Дарили добрые слова,
К столу от всех щедрот
Несли душистый мед.
И император Мануил
Дары дарить был рад,

Чтоб князь его не покорил,
Не отобрал Царьград...
О, горе!
Тяжкие года!
Земле — стонать от ран.
На Русь обрушилась беда,
Беда на христиан...

* * *

Это — «Слово о погибели Русской земли».

Написано, как предполагают, во Владимире между 1238 и 1246 гг. Представляет собой отрывок из недошедшего до нас произведения.

Задонщина

Князь великий Дмитрий Иванович
со своим братом, князем Владимиром
Андреевичем, и со своими воеводами
был на пиру у Микулы Васильевича и сказал...

Из перевода Л. А. Дмитриева.

1

Русь жива!
Народ не вымер...
Знамя вьется на ветру.
Дмитрий-князь
И князь Владимир
У Микулы на пиру.
Были тут бояре наши.
Дмитрий начал говорить:
«Отодвиньте, братья, чаши.
Нам иную чашу пить.
Царь Мамай над быстрым Доном.
Ведом путь идет на нас.
Битве быть с большим уроном,
Пробил час,
Кровавый час».
Встали молча воеводы,
Вышли молча и в седло.
Православному народу
Испытание пришло.

2

Вижу Днепр в лучах рассвета,
Храмы древние вдали.
Там от доброго Афета
Люди русские пошли.
Вот и Киевские горы.
Погляжу я с этих гор
На печальные просторы,
На невиданный разор.
Путь беды на Калке начат.
То не клики лебедей,
Русь в тоске великой плачет,
Поминая сыновей.
Всюду запах дыма, гари.
От поборов нет житья...
Где вы, добрые бояре?
Где вы, смелые князья?
Все вы Головы сложили
В ковылях родной страны.
Честь и славу заслужили,
Вере прадедов верны.

3

Летописное сказанье
Я не зря припомнил вам...
Ныне с песенною данью
Поспешу к другим князьям.
Русь жива!
Народ не вымер.
Дни великие пришли.
Дмитрий-князь и князь Владимир
Нас от гибели спасли.
Пусть хвалу получают вместе
Как заслуженный венец.
Вышла Русь на поле чести,
Поле славы, наконец.
Чтим победу над Мамаем,
Славим ратные дела,
Древний Киев вспоминаем
И Бояна-гуслияра.
Пел он — струны рокотали,
Умолкали соловьи.
Пел он русские печали
И победные бои.
Не служил пустой забаве,
Честной памятью был прав,
Как Владимир жил во славе,
Жил в почете Ярослав.
И Софоний из Рязани
Гусли верные берет.
Как старинное сказанье,
Он в народе не умрет.

Воспоем же для примера
Тех, кто в битве был удал,
Кто за нашу Русь, за веру,
Как положено, стоял.
Нас дороженька прямая
Повела из тьмы на свет.
До побоища Мамая
Шли мы трудно много лет.
Шли от Калки той позорной,
Где погибла наша рать.
А теперь взялись упорно
Цепи вражеские рвать.

4

Братья Богу помолились
У иконы золотой.
Братья низко поклонились
Богородице святой.
Приобщились к благодати,
Стала силой благодать.
Поспешили верной рати
дух отваги передать.
Весь народ готов к сраженью,
Был надеждой обуян.
Был помянут с уваженьем
Князь — креститель киевлян...
Жаворонок, птица лета,
Взвейся с песней в синеву.
Погляди в лучах рассвета
На красавицу Москву.
Ты воспой мою державу,
Православных христиан,
Как бывало Ярославу
Пел хвалу свою Боян.
Над полями — блеск лазури.
На дороге — стук подков.
Из земли Залесской буря
В бой уносит соколов.
Русь!
Твоя все громче слава.
Под Москвою кони ржут.
Слышат нивы и дубравы:
Бубны в Серпухове бьют.
И коломенские трубы
Над просторами трубят.
див глядит с вершины дуба:
Всюду ратники спешат.

5

Не ходить в Орду с поклоном,
Время вызволить страну.
Гордо русские знамена
Развернулись на дону.
Встал и Новгород великий.
Храм Софии – людный храм.
«Русь жива!» — все громче клики.
Время в бой лететь орлам.
Семь их тысяч полетело
Показать отваги пыл,
Чтобы в русские пределы
Враг дорогу позабыл.
На Москве-столице рано
Наши съехались князья:
К речке Меч пришел поганый,
Медлить далее нельзя.
И сказал князь Дмитрий брату,
Ярым гневом загорясь:
«Будем славою богаты,
Удивим народы, князь!
Отчий край одной любовью
Любим мы без громких слов.
Постоим за Русь и кровью
Дон наполним до краев».
И еще сказал он с жаром:
«Верю, справимся с врагом!
Называемся недаром
Мы Владимира гнездом.
Наш союз по крови вечен,
Он прочнее, чем гранит.
Нам ни сокол и ни кречет
Не наделают обид.
Зря кружится ворон черный,
Зря надеется Мамай.
Мы в сражениях упорны,
Отстоим родимый край».

6

Где ты,
Где ты, птица лета —
Наш залетный соловей?
Вся земля травой одета,
Песней на душу новей!
Развеселое занятие —
В душу молодость вернуть.
Славь князей — отважных братьев,
Да литовцев не забудь.
Два Ольгердовича с нами
И Волынский — молодец.
Высоко их реет знамя,
Жарок пламень их сердец.

Сыновья Литвы
Отважны,
Словно кречеты, летят.
Нападут на силы вражьи
Непременно победят.
Полководцев знаменитых
Ценят русские края.
Под трубой они повиты,
Вскормлены с конца копья.
Братья с русскими едины.
«Дмитрий! — молнил князь Андрей. -
Мы ль не внуки Гедимины?
Ну-ка, сядем на коней!
Зачерпнем воды из Дона.
Будут схватки горячи:
О татарские щеломы
Время пробовать мечи».
Дмитрий:
«Брат! Мы будем биться,
Как нам совесть повелит.
В белокаменной столице
Стук стучит и гром гремит.
Не для пляски и потехи
Лица жаром налиты,
Золоченые доспехи
И червленые щиты.
Русь не будет жить в неволе.
Руки сжаты в кулаки.
Нам пора! Поскачем в поле,
Оглядим свои полки».

7

Непогода в карауле,
Бедам верная сестра.
Ветры сильные подули
К устьям Дона и Днепра.
Небо тучами холмится.
Гром грохочет там и тут.
Пляшут жаркие зарницы,
В небе молнии снуют,
На Непрядве битве быть
Саблям головы рубить.
Будет поле Куликово
Птицу трупами кормить.
Время боя недалечко.
Сердце полнится тоской.
Хлынет кровь — Непрядва-речка
Станет красною рекой.
Заскучав о белом снеге,
Стынет поле за холмом.
А в ночи скрипят телеги

Между Доном и Днепром.
Спят долины, крутояры.
Див, как связанный, в ночи.
Волки серые — татары
Затаились у Мечи.
Видят поле под луною,
Видят дальние пути:
Приготовились войною
Землю Русскую пройти.
То не гуси гоготали,
То не лебедь бил крылом.
То полки Мамаю встали
Черной тучей за холмом.
Грянет гром из черной тучи,
Но судьба решит свое.
«Будет гибель неминучей!» —
С криком кружит воронье;
Галок грай.
Орлиный клетот.
Волки, сеющие страх.
Скоро-скоро конский топот
Ночь порушит на холмах.

8

То не сокол,
То не кречет,
То не ястреб режет высь,
Удальцы, расправив плечи,
На Мамаю понеслись.
Ночи тягостное бремя
Перешло в горячку дня.
Князь вступил в золотое стремя,
Сел на борзого коня.
Помолился Дмитрий Богу,
Богородице святой.
Посмотрел на поле строго
И подумал: «Близок бой».
Для большой и страшной битвы
Русич силою окреп.
За него творят молитвы
В небесах Борис и Глеб.
Небо хмуро. Ветер дует.
Но горит, как пламя, грудь.
Солнце князю указывает
Верный путь,
К победе путь.

9

Что шумит перед зарею?
Чьи там стройные полки?
То Владимир войско к бою
Приготовил у реки.
Брата словом обнимает:
«Не поддайся, милый брат!
Погляди, как отнимает
Нашу землю супостат».
Дмитрий: «Славного мы рода.
Страшен будет наш удар.
С нами вместе воеводы,
Ровно семьдесят бояр.
Имена б на камне высечь,
Повторять из рода в род:
Триста тысяч,
Триста тысяч —
Все испытанный народ.
Сердце, полное отваги,
В каждом ратнике горит.
На ветру трепещут флаги —
Наша сила победит!»

10

То не сокол,
То не кречет,
То не ястреб взвился в высь.
Наши воины навстречу
Силе вражьей понеслись.
Вот и первые успехи:
Головы слетают с плеч,
Достает копье доспехи,
А шелом — булатный меч.
Бились долго и упорно,
С каждым часом тяжелей.
И равнина стала черной
Под копытами коней.
Бились жарко и жестоко,
В лютой ярости дрались.
Кровью реки и потоки
Замутились, налились.
Кликнул Див на всю державу:
«Бит князьями супостат!»
Понеслась по свету слава
К Риму, в Тырново, в Царьград.
Слава за морем гремела
В самом дальнем далеке:
Русь Магая одолела
На Непрядве на реке.

11

Ликованье в русском стане...
Но утрат забыть нельзя.
Полегли на поле брани
Белозерские князья.
Не до радостного гула,
Если горе стелет след.
Нет Семена, нет Микулы,
Из дружины многих нет.
Брянский воин знаменитый
Пересвет-чернец сказал:
«Лучше в поле быть убитым,
Чем в плену...»
И поскакал
Он, доспехами сверкая,
Поспешил туда, где бой,
Пал за честь родного края,
Спит теперь в земле сырой.
Был израненным он, слабым.
На лице и кровь, и пыль.
Говорил ему Ослябя:
«Чую, ждет тебя ковыль.
Тяжелы на теле раны,
Не поднимешься от ран.
Ты, как Яков мой желанный,
Пал за Русь, за христиан».
Поле русское у Дона —
Запустелая земля.
Только каркали вороны,
Трупы воинов деля.
Многим солнце закатилось
И не встал рассвет лучист.
Низко дерево склонилось,
За листом роняя лист.

12

От печали сердцу тесно.
Сон не в сон. Тоска берет.
Пели жалостные песни
Жены павших воевод.
Говорила Марья в горе:
«дон мой — быстрая река,
Ты прорыл крутые горы,
Тяжела твоя рука.
Слышишь говоры и гулы
В половецкой стороне.
Мужа милого Микулу
На волнах верни ко мне».
Горько плакала Федосья:
«Где ты, милый Тимофей?
Поглядеть не довелось мне
На тебя в кругу друзей».

две вдовы в большой печали
Колокольный слышат звон:
«Мы два солнца потеряли,
Не взлюбил нас быстрый Дон.
Удальцы с коней слетели,
Пали замертво в траву,
Встать с земли не захотели,
Не вернулись на Москву.
Напророчил див поганый,
Кинув клич по всем краям:
«В тяжких ранах
На полянах
Русским быть богатырям!
То не кличут щуры-птицы
На коломенских стенах.
Плачут горькие вдовицы
О потерянных мужьях:
«Разлилась река широко.
Ох, горька ее струя!
Унесла мужей далеко,
В ловецкие края.
Смерть не дома на полатях
На закате многих лет.
На Дону погибли в ратях,
Стал не мил нам белый свет.

13

Всех помянем добрым словом,
Кто победу добывал,
Кто на поле Куликовом
Бил Маая,
Русь спасал.
Князь Владимир, сын Андрея,
Мчался в шлеме золотом.
Он всех ратников храбрее,
Меч в руке его, как гром.
Прискакал с отважной ратью:
«Дмитрий! Богом суждено:
Мы с тобой по крови братья,
Мы давно по духу братья,
В каждом деле заодно.
В нашем времени суровом
Для меня ты крепкий щит.
Бой на поле Куликовом
Славу общую дарит.
Ты советчикам крамольным,
Брат, не очень потакай.
Поле наше видеть больно:
Истоптал его Мамай.
Крови — коню по колено.
Смерть лютует, как пожар.

Брат мой! Надо непременно
Бросить в бой твоих бояр».
Крикнул Дмитрий, сын Ивана:
«Вам, бояре, цель проста.
Там, где бой,
Где смерть и раны, —
Ваши высшие места.
Достигай, кто как сумеет.
Не дрожи перед бедой.
Старый пусть помолодеет,
Честь добудет молодой».
И воскликнул враг Мамаю
Дмитрий-князь:
«О, Боже мой!
На тебя лишь уповаю.
Верю — выиграю бой».
Молвил князь, окинув взором
Ширь затоптанных лугов:
«Да не будет мне позора,
Осмеянья от врагов!»
Богу, матери Пречистой
Помолился со слезой.
Лик сиял его лучистый
Перед бурею-грозой.

14

Полетели соколами,
Князь великий впереди.
Он понес перед полками
Сердце жаркое в груди.
Брату крикнул
«Всем народом
Мы на недруга идем.
Изопьем мы чару с медом,
Рать поганую побьем!»
Наступленье Дмитрий начал.
Ветер стягами шумел.
И татары, горько плача,
Покидали наш предел.
Наши воины закрыли
Поле кликами, грозя.
Им доспехами светили
Воеводы и князя.
Дмитрий-князь полки Мамаю
Повернул назад опять.
Видят: гибель им прямая,
дальше некуда бежать.
На душе у нас отрадно,
Русский воин в драке лих:
Всех рубили беспощадно —
И князей, и рядовых.

Положенье стало глупо
У врагов моей земли:
Всюду — трупы, трупы, трупы.
Реки крови потекли.

15

И татары задрожали —
Дали русские леща —
В лукоморье побежали,
Зло зубами скрежеща.
Раздирали с плачем лица.
Слезы, жалобы и стон:
«Не придется воротиться,
Не ласкать детей и жен.
Не увидим степь родную.
На чужой земле лежать,
Целовать ее, чужую,
С болью травы обнимать.
Не поскачем ранней ранью,
Торопя своих коней,
За богатой русской данью,
За подарками князей».
Быть в беде — веселья мало.
Под конем не на коне.
Вот земля и застонала
На татарской стороне.
На душе темно, как ночью.
В горе никнут ковыли.
Все доспехи, узорочья
В руки русские пошли.
Кони, волы и верблюды
К нам пришли издалека.
С ними — ткани и посуда,
Вина, сахар и шелка.
В воеводском и боярском
Доме, вмиг похорошев,
Жены в золоте татарском
Ходят краше королев.

16

Мир, победе нашей внемля,
С нами в дружеском ладу.
Грозный Див упал на землю,
Не пророчит нам беду.
Русский князь во славе
В силе.
У него — орлиный взгляд.
А татары приуныли
Больше трубы не трубят.
Побежал воитель рьяный

Серым волком в дальний град.
Получил свое поганый,
Распоганый супостат.
«Ты, Мамай, — сказали фряги, —
Зря коня седлал в поход.
Влез ты в русские овраги,
Опозорил свой народ.
Вот Батый с орлиным оком,
Покоритель многих стран,
Русь до запада с востока
Всю прошел, как ураган.
Ты пошел к большому бою.
Где победа, ротозей?
Девять орд позвал с собою,
Ровно семьдесят князей.
Сам-девят сюда явился,
В лукоморье держишь путь.
Ничего ты не добился,
Нал позор тоской на грудь.
Видно, потчевали лихо
В поле русские князья.
В ковылях темно и тихо
Спит дружинушка твоя».

17

Бог помог в бою суровом,
Милость русским сотворил.
Князь на поле Куликовом
Низко голову склонил.
Молвил: «Трудное занятие —
Выдворять мечами зло.
Сосчитайте-ка мне, братья,
Сколько наших полегло».
Горький счет на камне б высечь,
Страшен бой добра и зла:
Наших тут за двести тысяч,
А татарам несть числа.
«Братья милые, простите! —
Глядя в поле, молвил князь. —
Вечно в памяти живите,
Русской славою светясь».
Князь на поле Куликовом
Между Доном я Днепром
Тронул брата добрым словом:
«Брат мой!
Вспомнят нас добром.
Всем окажут уваженье.
Честь добыли мы в бою.
Вместе сядем на княженье,
Будем рядом, как в строю.
«Будем мы, — добавил веско, —

Как у Дона на траве,
В стороне своей Залесской,
В славном городе Москве».
Богу
нашему
слава.

«Задонщина» Софония Рязанца написана вскоре после Куликовской битвы в 80—90-х гг. XII в. Пересказывал стихами И. А. Новиков.

